9 4767

ТЕОРІЯ ЦѢННОСТИ.

A72

КРИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ

ИЗСЛѢДОВАНІЕ

А АНТОНОВИЧА

1877

ВАРШАВА

ТИПОГРАФІЯ К КОВАЛЕВСКАГО УЛ КОРОЛЕВСКАЯ № 23

1877.

134

Дозволено Цензурою
Варшава, 2 Ноября 1876 года.

Вопросъ о цѣнности—основной вопросъ въ политической экономіи, отъ такого или инаго рѣшенія его зависитъ рѣшеніе почти всѣхъ остальныхъ вопросовъ этой науки Такое значеніе вопроса о цѣнности понимали всѣ экономисты, а нѣкоторые изъ нихъ даже сливали границы его съ границами самой экономической науки Одинъ изъ экономистовъ предлагалъ назвать политическую экономію „каталактикою“, то есть наукою о мѣновыхъ явленіяхъ Маклеодъ удерживаетъ установившееся названіе экономической науки только потому, что оно общераспространилось. „По нашему убѣжденію, говоритъ онъ, предметъ чистой политической экономіи состоитъ въ изученіи законовъ, опредѣляющихъ *отношенія* обмѣниваемыхъ количествъ Мѣновыя отношенія между товарами называются цѣнностью Такимъ образомъ, по нашему мнѣнію, истинная задача науки политической экономіи состоитъ въ томъ, чтобы изучить *законы, опредѣляющіе цѣнность* предметовъ“ Нѣкоторые изъ экономистовъ пошли еще дальше въ этомъ преувеличеніи значенія цѣнности, отожествивъ законы общества съ законами обмѣна и цѣнности. По ученію Бастіа, для экономиста общество есть сумма обмѣновъ, вслѣдствіе чего всякое заблужденіе въ ученіи о цѣнности имѣетъ значеніе общественнаго заблужденія Можно сказать, что всѣ экономисты до настоящаго времени занимаются преимущественно изученіемъ законовъ явленій цѣнности

Имѣя это въ виду, легко прійдти къ мысли, что вопросъ о цѣнности долженъ быть отнесенъ къ числу вопросовъ найболѣе разработанныхъ въ наукѣ. Нѣкоторые и утверждаютъ это, Д. С. Миллъ прямо заявляетъ, что „въ законахъ цѣнности не остается ничего, требующаго разработки отъ меня или какого нибудь послѣдующаго писателя, теорія этого предмета развита вполнѣ". Но такъ ли въ дѣйствительности?

Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, достаточно указать на важнѣйшія опредѣленія понятія цѣнности, предложенныя экономистами.

Слово цѣнность, говоритъ А. Смитъ, имѣетъ двоякое значеніе, оно означаетъ или полезность предмета, или возможность пріобрѣтенія. Въ первомъ значеніи цѣнность можно назвать потребительною, во второмъ—мѣновою. Мѣновая цѣнность также имѣетъ двоякое значеніе, для пріобрѣтателя она есть сумма пожертвованій, необходимыхъ для пріобрѣтенія продукта,—для продавца она есть власть надъ трудомъ и произведеніями другихъ лицъ.

По Рикардо, цѣнность есть правило, регулирующее мѣновыя пропорціи.

По Мальтусу, цѣнность есть количество покупаемаго продуктомъ труда.

По Д. Миллю, цѣнность есть количество продуктовъ, получаемое въ обмѣнъ за отдаваемые продукты.

По Шторху, цѣнность есть осознанная полезность (utilité reconnue). Сужденіе нашего мышленія, приписывающее вещамъ полезность, производитъ ихъ цѣнность.

По опредѣленію Бастіа, цѣнность есть отношеніе между промѣниваемыми услугами. Идея цѣнности впервые возникла изъ обмѣна, возникла въ то время, когда одинъ человѣкъ сказалъ другому: сдѣлай для меня вотъ это, а я сдѣлаю для тебя то, и когда они оба согласились на такой обмѣнъ услугъ.

По ученію Кэри, цѣнность есть мѣрило препятствій, встрѣчаемыхъ человѣкомъ на пути къ удовлетворенію потребностей, есть мѣрило власти силъ природы надъ человѣкомъ. Цѣнности

противоположно понятіе полезности, представляющей собою мѣрило власти силъ человѣка надъ силами природы.

По Рошеру, цѣнность есть степень полезности, хотя самъ же онъ отличаетъ потребительную цѣнность отъ мѣновой, какъ степени возможности пріобрѣтенія другихъ продуктовъ, причемъ размѣры послѣдней опредѣляются трудностью или легкостью производства.

По Молинари, цѣнность соединеніе рѣдкости съ полезностью. Одной рѣдкости мало, чтобы предметъ имѣлъ цѣнность, безполезные предметы, при всей ихъ рѣдкости, не имѣютъ цѣнности. На оборотъ, и одной полезности мало, чтобы предметъ имѣлъ цѣнность; воздухъ, при всей своей полезности, будучи общедоступенъ, не имѣетъ никакой цѣнности.

По Маклеоду, цѣнность есть мѣновая сила количества (exchangeable power of a quantity). Въ другихъ мѣстахъ своихъ основаній политической экономіи онъ нѣсколько иначе выражается, отожествляетъ цѣнность то съ мѣновымъ отношеніемъ каждаго количества къ другому количеству, то съ количествомъ получаемыхъ въ обмѣнъ продуктовъ. „Цѣнность каждаго количества въ отношеніи ко всякому другому предмету есть соотвѣтствующее количество, въ какомъ этотъ другой предметъ можетъ быть въ данный моментъ обмѣненъ на первый.“

Мѣновую цѣнность необходимо отличать отъ цѣны, говоритъ Миллъ. „Подъ цѣною вещи мы станемъ понимать ея денежную цѣнность, а подъ цѣнностью или мѣновою цѣнностью вещи ея общую покупательную силу, размѣръ той возможности, какую даетъ она своему владѣльцу пріобрѣтать продажные товары вообще.“ Въ другихъ мѣстахъ своихъ основаній политической экономіи Д. С. Миллъ говоритъ, что цѣнность есть ничто иное, какъ количество получаемыхъ въ обмѣнъ товаровъ. „Товаръ А поднимается въ цѣнности лишь тѣмъ, что начинаетъ обмѣниваться за большее, чѣмъ прежде, количество товаровъ В и С, которые въ такомъ случаѣ обмѣниваются за меньшее чѣмъ прежде количество товара А.“

Изъ русскихъ экономистовъ мы не можемъ указать ни одного, ученіе о цѣнности котораго заслуживалобы вниманія, какъ

ученіе самостоятельное. Слабое исключеніе въ этомъ отношеніи оставляютъ писатели Грабовскій и Г. Кауфманъ.

Полезность, говоритъ Грабовскій, есть произведеніе одной способности души—ума, цѣнность произведеніе другой способности—воли. „Умъ можетъ дѣйствовать независимо отъ воли и тѣмъ свидѣтельствовать о своей самобытности; когда онъ дѣйствуетъ отвлеченно, онъ производитъ понятія отвлеченныя, на примѣръ представленіе различныхъ цѣлей, сужденіе о средствахъ, ведущихъ къ достиженію ихъ; когда все это относится къ цѣлямъ человѣческимъ, то понятіе пользы есть плодъ этого соображенія. Напротивъ того воля, выражающаяся въ потребностяхъ, стремится къ извѣстному опредѣленному предмету, въ которомъ чувствуетъ недостатокъ. Въ этомъ стремленіи выражается новое особаго рода отношеніе и все это дѣйствіе или отправленіе жизни и преимущественно воли есть ничто иное, какъ произведеніе цѣнности; предметъ получаетъ новое значеніе, производится цѣнность Однако предметъ самъ по себѣ не есть цѣнность, онъ дѣлается такимъ только по отношенію къ нашей способности воли. Цѣнность производитъ каждый, производить цѣнность—значитъ жить по человѣчески. Жить по человѣчески или производить цѣнность есть особое знаніе, которое опредѣляется слѣдующимъ образомъ: Политическая экономія есть теорія цѣнности, а цѣнность есть знаніе потребностей и нуждъ человѣка въ сферѣ полезнаго“. (См. Критическій разборъ нѣкоторыхъ вопросовъ политической экономіи, стр. 39—40).

Во всякомъ хозяйствѣ, говоритъ Г. Кауфманъ, противопоставляются два момента—субъективный и объективный. „Выразителемъ субъективнаго момента является культурное начало, которое собственно кладетъ на объективный моментъ хозяйственную. такъ сказать, печать. Логически необходимыя части хозяйства собственно потому становятся элементами хозяйства, что приходятъ въ соприкосновеніе съ сознаніемъ человѣка. Вотъ эта то печать, слѣдъ, оставляемый прикосновеніемъ культурнаго начала на объективномъ матеріалѣ, составляющемъ сущность хозяйства и есть цѣнность“ (См. Г. Кауфманъ, теорія колебанія цѣнъ, стр. 72—73).

Вотъ цѣлый рядъ опредѣленій смысла, заключающагося въ словѣ цѣнность. Мы могли-бы увеличить этотъ рядъ массой другихъ опредѣленій, но думаемъ, что и приведенныхъ нами достаточно для заключенія о томъ, что вопросъ о цѣнности—этотъ основной вопросъ въ политической экономіи—до настоящаго времени не можетъ считаться рѣшеннымъ и не требующимъ дальнѣйшей разработки. Можно подумать, что цѣнность принадлежитъ къ числу явленій, по поводу которыхъ можно говорить съ равною основательностью и pro и contra,—такъ разнорѣчивы ученія экономистовъ по вопросу о явленіяхъ цѣнности. Въ числѣ другихъ причинъ неудовлетворительное рѣшеніе этого вопроса представляетъ собою важнѣйшій источникъ того пирронизма въ политической экономіи, по которому послѣдняя до настоящаго времени представляетъ собою не болѣе, какъ простой сборникъ разнообразныхъ взаимно противорѣчивыхъ теорій. Для выхода изъ этого пирронизма, дающаго возможность прибѣгать подъ знамя политической экономіи людямъ самыхъ противоположныхъ направленій, необходимо установить правильную теорію цѣнности. Особенно это необходимо у насъ въ настоящее время, когда, подъ вліяніемъ великихъ реформъ послѣдняго времени, начинаетъ зараждаться у насъ самостоятельная политико-экономическая литература. Свѣтлое или мрачное направленіе нашего политико-экономическаго сознанія будетъ во многомъ зависѣть отъ правильнаго или сложнаго рѣшенія вопроса о законахъ явленій цѣнности.

Сказаннымъ достаточно оправдывается сдѣланный нами для нашего изслѣдованія выборъ предмета.

1876 г. 16 Августа
Ново-Александрія, Любл. губ.

ГЛАВА I.

Экономическая жизнь слагается изъ трехъ отправленій, изъ производства, распредѣленія и потребленія. Каждое изъ этихъ отправленій на высшихъ ступеняхъ общежитія находится въ органической связи съ остальными, каждое является необходимымъ условіемъ существованія и развитія остальныхъ. Потребленіе не мыслимо безъ производства, какъ и на оборотъ, при раздѣленіи занятій и труда, производство немыслимо безъ потребленія, размѣрами послѣдняго обусловливаются размѣры перваго. Тоже самое необходимо сказать и объ актѣ распредѣленія; безъ мѣновыхъ сношеній между людьми производство въ его настоящемъ развитіи былобы не мыслимо, былобы не мыслимо развитіе индивидуальныхъ силъ, промышленныхъ талантовъ, индивидуализаціи и локализаціи занятій. Правъ Бастіа утверждая, что въ изолированномъ положеніи для производства продуктовъ, потребляемыхъ каждымъ изъ насъ въ настоящее время впродолженіи одного дня необходимо было бы употребить цѣлыя столѣтія [1]). Органическая зависимость между производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ послужила основаніемъ даже полнаго ихъ взаимнаго отожествленія. Такъ, по ученію Кэри, каждый актъ потребленія есть въ тоже время актъ производства [2]). По Маклеоду, каждый актъ распредѣленія является въ тоже время актомъ производства, причемъ распредѣленіе онъ отожествляетъ съ торговлей [3]) [4]).

---

[1]) F. Bastiat, Harmonies économiques. Paris. 1870. Стр. 27.

[2]) Руководство къ соціальной наукѣ, стр. 469.

[3]) Основ. пол. экономіи, стр. 88—89. „Нѣкоторые утверждаютъ," говоритъ Маклеодъ, „что кромѣ производителей, есть разрядъ людей, распредѣляющихъ продукты." Такое разграниченіе излишне. Гораздо проще подвести подъ одинъ разрядъ всѣхъ людей и всѣ операціи, которые необходимы для того, чтобы поставить требуемый предметъ въ данномъ мѣстѣ. „Съ точки зрѣнія потребителя торговецъ есть производитель."

[4]) Ibid. Стр. 14—15.

Органическая связь между производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ должна быть всякому очевидна, для кого общество представляетъ собою не простую сумму отдѣльныхъ частей, но цѣлое, въ которомъ всѣ части находятся во взаимной обусловливаемости. Подобно тѣсной связи составныхъ частей каждаго индивидуальнаго организма, общественный организмъ представляетъ собою такую солидарность своихъ составныхъ частей, вслѣдствіе которой неправильное отправленіе въ одной изъ нихъ сопровождается неправильными отправленіями въ другихъ, болѣзнь одного органа сопровождается заболѣваемостью въ остальныхъ. Но, говоря это, необходимо не забывать, что общественная органичность есть органичность развивающаяся, что органическая сплоченность общества не тожественна во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ. Еще и въ настоящее время существуютъ общества, въ которыхъ принципы органичности находятся въ зародышевомъ состояніи; сверхъ того и на высшихъ ступеняхъ развитія въ каждомъ изъ наиболѣе развитыхъ общественныхъ организмовъ существуютъ стремленія противоорганическія въ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаяхъ. Вотъ почему органическая связь между производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ не всегда существуетъ. Взаимная обусловливаемость отправленій экономической жизни, какъ принципъ общей взаимности интересовъ въ дѣятельности направленной къ удовлетворенію потребностей, медленно хотя и неуклонно, осуществляется въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ. Уже одна возможность принятія большинствомъ экономистовъ теоріи, по которой спросъ на товары не равносиленъ спросу на трудъ, служитъ достаточнымъ доказательствомъ того, что и на высшихъ ступеняхъ экономическаго общежитія потребленіе и производство не всегда находятся въ органической связи; тѣмъ болѣе нельзя допускать цѣлостности такой связи на низшихъ ступеняхъ, когда идея взаимности интересовъ только зараждалась. Тоже самое необходимо сказать и относительно распредѣленія. Было время, когда доходъ цѣлаго класса людей, распредѣляющихъ продукты, считался результатомъ обмана; да и теперь торговцевъ многіе экономисты считаютъ непроизводительнымъ классомъ. Это ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что не всег-

да существуетъ органическая связь акта распредѣленія съ другими отправленіями экономической жизни, иначе не мыслимо было бы существованіе взгляда на распредѣлителей, какъ на лишнихъ въ народной экономіи людей.

Отсутствіе органической связи между производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ, замѣчаемое какъ въ прошедшемъ экономической жизни, такъ и на высшихъ ступеняхъ общежитія въ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаяхъ, породило тройственное воззрѣніе на цѣнность, по которому послѣдняя имѣетъ неодинаковое значеніе съ точекъ зрѣнія производства, распредѣленія и потребленія.

Съ исключительной точки зрѣнія производства цѣнность отожествляется съ количествомъ пожертвованій, необходимыхъ для производства продукта. Для производителя то дорого, что требуетъ для производства большаго количества пожертвованій, и то дешево, что стоитъ малаго количества усилій. Все получаемое безъ пожертвованій, получаемое даромъ, какъ бы не было оно полезно для удовлетворенія моихъ потребностей, разсуждаетъ производитель, не имѣетъ вовсе цѣнности. Такъ не имѣютъ цѣнности: вода, дикорастущіе плоды, воздухъ и проч. Цѣнность продуктовъ возникаетъ только тогда, когда является необходимость въ пожертвованіяхъ для полученія продукта, источникъ ея въ усиліяхъ производства, и чѣмъ больше количество такихъ усилій или пожертвованій, тѣмъ выше и цѣнность произведеннаго, размѣромъ пожертвованій обусловливается размѣръ цѣнности продукта. Если бы намъ не было никакой необходимости въ преодолѣніи препятствій въ дѣлѣ удовлетворенія нашихъ потребностей, то мы и понятія не имѣли бы о цѣнности, а знали бы только одну полезность вещей. „Для волшебниковъ не существуетъ понятія цѣнности, такъ какъ одного мановенія жезла ихъ достаточно для того, чтобы получить все, чего только они могутъ пожелать.“ Цѣнность, такимъ образомъ, есть результатъ усилій, результатъ борьбы человѣка съ природою, мѣрило тѣхъ препятствій, которыя человѣку необходимо побороть для полученія желаемаго, мѣрило зависимости человѣка отъ природы въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Съ точки зрѣнія производителя экономическій прогрессъ

состоитъ въ уменьшеніи цѣнности, въ борьбѣ съ тѣмъ зломъ, которое называется цѣнностью. Чѣмъ невыгоднѣе положеніе производителя относительно производства, тѣмъ выше для него цѣнность результатовъ производства; на оборотъ, чѣмъ легче добывается продуктъ, чѣмъ меньше необходимо издержекъ на его производство, тѣмъ больше получается полезностей въ результатѣ производства, но въ то же время тѣмъ меньше цѣнность произведеній. Для производителя цѣнность и полезность, цѣнность и собственная выгода—обратно-пропорціональны. „Я засѣваю," говоритъ онъ, „двѣ четверти пшеницы и получаю послѣ жатвы десять четвертей; другой разъ засѣваю пять четвертей и по прежнему получаю послѣ жатвы десять четвертей; мое положеніе менѣе выгодно въ послѣднемъ случаѣ, чѣмъ въ первомъ, и цѣнность въ этомъ послѣднемъ случаѣ будетъ больше, чѣмъ въ первомъ, пропорціонально невыгодности въ моемъ положеніи. Увеличеніе цѣнности моихъ произведеній есть выраженіе уменьшенія моего благосостоянія. Благосостояніе и цѣнность—величины противоположныя, увеличеніе одной изъ нихъ равносильно уменьшенію другой.

Въ актѣ распредѣленія необходимо отличать два момента: сбытъ и пріобрѣтеніе, или предложеніе и спросъ. Эти два момента въ своемъ чистомъ видѣ являются только въ торговлѣ, поэтому, говоря о распредѣлительной цѣнности, мы имѣемъ въ виду преимущественно торговую цѣнность. Въ торговлѣ продавецъ, какъ представитель сбыта, является представителемъ предложенія; покупщикъ, какъ представитель пріобрѣтенія, является представителемъ спроса. Воззрѣнія на цѣнность съ точекъ зрѣнія спроса и предложенія прямо противоположны.

Съ точки зрѣнія спроса воззрѣніе на цѣнность аналогично съ воззрѣніемъ на цѣнность производителя. Для лица, желающаго пріобрѣсть продуктъ отъ другихъ лицъ, цѣнность представляется суммой пожертвованій, необходимыхъ для пріобрѣтенія, мѣриломъ невыгодности въ его положеніи въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Какъ изолированный хозяинъ, такъ напримѣръ и чиновникъ, живущій жалованьемъ, одинаково смотрятъ на цѣнность какъ на зло, въ уменьшеніи котораго они прямо заинтересованы. По воззрѣнію обоихъ, экономическій прогрессъ состоитъ

въ уменьшеніи цѣнности продуктовъ, что равносильно уменьшенію препятствій въ удовлетвореніи потребностей и увеличенію благосостоянія.

Совершенно противоположное понятіе придается слову цѣнность съ точки зрѣнія сбыта или предложенія. Для продавца цѣнность есть покупная сила его продуктовъ, мѣра власти его надъ принадлежащими другимъ лицамъ факторами производства и ихъ произведеніями. Продавецъ видитъ въ цѣнности сбываемаго собственный интересъ, личную выгоду, для него цѣнность и личная выгода прямо пропорціональны. Здѣсь, очевидно, цѣнность является не мѣриломъ препятствій, лежащихъ на пути къ удовлетворенію потребностей, не мѣриломъ такой или иной зависимости человѣка отъ тѣхъ или иныхъ факторовъ на этомъ пути; наоборотъ, цѣнность является мѣриломъ выгоднаго положенія въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей и зависимости другихъ лицъ отъ продавца. Цѣнность познается изъ отношенія между промѣниваемыми предметами и отожествляется съ результатомъ этого отношенія. Она опредѣляется не размѣромъ пожертвованій, необходимыхъ для производства или пріобрѣтенія, а наоборотъ, представляется регуляторомъ количества возможныхъ пожертвованій, опредѣляетъ количество издержекъ производства или пріобрѣтенія въ цѣляхъ продажи. Продуктъ не потому имѣетъ высокую цѣнность, что на его производство затрачено много издержекъ, а наоборотъ, на производство этого продукта потому только затрачено много издержекъ, что продуктъ этотъ высоко цѣнится. Цѣнность есть власть надъ факторами производства и произведеніями другихъ лицъ; величина издержекъ, какъ производства, такъ и пріобрѣтенія, обусловливается размѣрами этой власти, а не наоборотъ.

И такъ, съ точки зрѣнія спроса цѣнность является экономическимъ зломъ, между тѣмъ какъ съ точки зрѣнія предложенія—благомъ. Если пріобрѣтатель заинтересованъ въ уменьшеніи цѣнности, то продавецъ заинтересованъ въ ея увеличеніи. Съ этой точки зрѣнія мѣновая цѣнность опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, какъ борьбой взаимно противоположныхъ интересовъ. Каждый изъ контрагентовъ обмѣна, какъ

продавецъ, желаетъ получить за свой продуктъ какъ можно больше чужихъ продуктовъ,—какъ покупщикъ, желаетъ дать за чужіе продукты какъ можно меньше. Интересы каждаго изъ нихъ противоположны; то, что для одного является мѣриломъ экономической власти, для другаго является мѣриломъ экономической зависимости; благосостояніе одного—несчастье другаго, прибыль продавца—потеря покупателя. Обмѣнъ является актомъ борьбы интересовъ, причемъ, какъ и во всякой борьбѣ, побѣждаетъ болѣе сильный. Цѣнность прямо пропорціональна силѣ продавца и обратно пропорціональна силѣ покупщика.

Наконецъ съ частнохозяйственной точки зрѣнія потребленія, цѣнность отожествляется съ полезностью, какъ годностью продукта къ удовлетворенію нашихъ потребностей. Увеличеніе или уменьшеніе полезности въ глазахъ потребителя равносильно увеличенію или уменьшенію цѣнности и вещь, не имѣющая никакой полезности, въ то же время не имѣетъ и цѣнности. Потребитель наиболѣе дорожитъ тѣми продуктами, которые для него наиболѣе полезны. Вещество, содержащее въ себѣ возможность большаго удовлетворенія потребности въ опредѣленное время, при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій, цѣннѣе вещества, содержащаго въ себѣ такую возможность въ меньшей степени. Законъ цѣнности съ этой точки зрѣнія формулируется въ словахъ: опредѣленное количество вещества, удовлетворяющаго потребность, всегда предпочитается меньшему количеству такого вещества. Съ точки зрѣнія потребленія случаи высокой оцѣнки вещей малополезныхъ—ненормальные случаи.

Мы уже говорили, что вопросъ о сущности и законахъ цѣнности породилъ массу весьма разнообразныхъ ученій. Но, не смотря на все это разнообразіе, если мы обратимъ вниманіе на сущность ученія каждаго изъ экономистовъ, то легко замѣтить, что эти ученія не продуктъ чисто отвлеченнаго мышленія, но что въ основаніи ихъ лежатъ дѣйствительныя явленія цѣнности, на которыя можно смотрѣть съ трехъ точекъ зрѣнія. Одни изъ экономистовъ смотрятъ на цѣнность съ точки зрѣнія потребленія,—другіе съ точки зрѣнія распредѣленія, или говоря точнѣе, съ точки зрѣнія торговли, третьи съ точки зрѣнія производства; нако-

нецъ четвертые, которые могутъ быть названы эклектиками, безразлично употребляютъ для уясненія понятія и законовъ цѣнности всѣ три частнохозяйственныя воззрѣнія. Вся литература вопроса о цѣнности сводится къ этимъ четыремъ категоріямъ, какъ теоретическимъ партіямъ, породившимъ безчисленное множество споровъ и пререканій между экономистами. Понятіе о цѣнности съ точки зрѣнія потребленія лучше всего развито въ теоріи Шторха; понятіе о цѣнности съ точки зрѣнія распредѣленія нашло въ извѣстной степени послѣдовательныхъ выразителей въ лицѣ Мальтуса, Маклеода и Бастіа; воззрѣніе на цѣнность съ точки зрѣнія производства наиболѣе послѣдовательно развито въ ученіяхъ Рикардо, Кэри и Маркса. Къ экономистамъ эклектическаго направленія принадлежитъ А. Смитъ, единственный изъ экономистовъ сознательно формулировавшій тройственность понятій о цѣнности. Такой сознательной формулировкой этихъ понятій А. Смитъ отличается отъ другихъ эклектиковъ, употреблявшихъ безразлично эти понятія въ своихъ изслѣдованіяхъ и не замѣчавшихъ вытекающихъ отсюда самопротиворѣчій. Къ послѣдней категоріи экономистовъ мы относимъ Ж. В. Сэя и Д. С. Милля.

Въ слѣдующихъ главахъ мы займемся подробнымъ изложеніемъ и критическимъ разборомъ этихъ ученій, не отдѣляя критической части нашего труда отъ положительной, въ которомъ уясняемъ общественно-хозяйственное понятіе о цѣнности, примиряющее тройственность указанныхъ нами частнохозяйственныхъ понятій и развивающееся по мѣрѣ того, какъ развивается органическій характеръ въ экономическомъ общежитіи, устраняющій разногласіе между основными экономическими отправленіями: производствомъ, распредѣленіемъ и потребленіемъ. Но предварительно считаемъ необходимымъ сказать нѣсколько словъ о методѣ нашихъ изслѣдованій.

По прекрасному замѣчанію Гете, индукція и дедукція это систомы и діастомы человѣческой мысли; взаимность между ними также необходима, какъ она необходима и при систомахъ и діастомахъ человѣческаго сердца.

Индукція экономическихъ изслѣдованій должна быть по преимуществу историческою. Отличительная черта экономическихъ,

какъ и всѣхъ общественныхъ, законовъ состоитъ въ томъ, что эти законы развиваются и не имѣютъ, подобно законамъ физическимъ, фаталистическаго характера. Во всякомъ же развитіи необходимо отличать два элемента: внутренній и внѣшній. Вполнѣ вѣрна мысль, что развитіе есть ничто иное, какъ постепенное осуществленіе возможности, содержащейся уже въ зародышѣ развивающагося даннаго, но при этомъ необходимо не забывать, что такое или иное осуществленіе возможности въ развитіи обусловливается средой, въ которой происходитъ процессъ развитія. Безъ всякаго сомнѣнія, развитіе каждаго отдѣльнаго человѣка есть ничто иное, какъ постепенное осуществленіе той возможности, которая содержится уже въ зародышѣ нашего я, но, тѣмъ не менѣе, не это осуществленіе такое большое вліяніе оказываетъ внѣшній элементъ, что развитіе многихъ людей представляется скорѣе всего воплощеніемъ въ личности совокупности условій, при которыхъ пришлось развиваться и жить этимъ людямъ. Внутренній элементъ въ развитіи подъ вліяніемъ внѣшняго, очевидно, можетъ быть низводимъ до едва замѣтнаго минимума.

Развитіе экономическихъ законовъ, какъ и всякое развитіе, имѣетъ такой же характеръ. Этого никогда не должно забывать экономической наукѣ, такъ какъ характеромъ предмета ея изслѣдованій опредѣляется ея методъ.

Не обращая вниманія на ростъ экономическихъ принциповъ экономистъ очень легко можетъ принять временное и относительное за постоянное и безусловное, очень легко можетъ впасть то въ оптимизмъ, то въ пессимизмъ, смотря по тому, какой періодъ развитія экономическихъ принциповъ ему прійдется наблюдать. Если бы на лунѣ были жители, говоритъ Р о ш е р ъ, и если бы кто нибудь изъ нихъ увидѣлъ нашего ребенка, то не зная принципа развитія, не принялъ-ли бы онъ это дитя, хотя бы оно было вполнѣ прекрасное, за урода съ несоразмѣрно большою головою, никуда непригодными руками, ногами и т. д. [1]). А между тѣмъ именно подобнаго рода сужденія встрѣчаются весьма часто въ экономической литературѣ,—между прочимъ у самаго же Р о ш е р а, который

[1]) Die Grundlagen der Nationalökonomie. Стр. 43—42.

такъ прекрасно понялъ значеніе для политической экономіи исторической индукціи, но въ тоже время самъ вовсе не пользовался ею для самостоятельныхъ изслѣдованій.

Экономическіе законы можно раздѣлить на двѣ категоріи, на законы родовые и видовые. Первые вытекаютъ изъ самой природы экономическихъ отношеній и представляютъ собою ту идею возможности въ развитіи, которая содержится уже въ природѣ развивающагося даннаго и которая постепенно осуществляется въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ. Въ своемъ осуществленіи родовой законъ дифференцируется подъ вліяніемъ законовъ видовыхъ, какъ условій частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ. Для отысканія родоваго закона необходимо устранить его осложненія, изолировать изучаемое явленіе отъ вліянія на него видовыхъ законовъ. На этомъ основаніи дедукція политической экономіи должна быть выводомъ изъ среднихъ величинъ. Въ статистическихъ изслѣдованіяхъ методъ этотъ состоитъ въ наблюденіи надъ массами явленій и заключеніи отъ среднихъ данныхъ, выводимыхъ изъ суммированія изучаемыхъ явленій и дѣленія суммы на число ея составныхъ частей, причемъ частныя, временныя и мѣстныя условія сглаживаются и получается рядъ общихъ или родовыхъ условій, отъ которыхъ зависитъ общественная жизнь (1). Вообще подъ выводомъ среднихъ величинъ въ статистикѣ подразумѣвается методъ устраненія въ изучаемыхъ явленіяхъ условій частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ въ цѣляхъ открытія общаго или родоваго закона. Но суммированіе данныхъ и дѣленіе полученной суммы на число ея составныхъ частей представляетъ собою только одинъ изъ видовъ метода изолированія явленія отъ его осложненій видовыхъ, причемъ этотъ видъ метода не прило-

---

(1) Les phénomènes moraux, quand on observe les masses, rentreraient en quelque sort dans l'ordre des phénomens physiques, nous serions conduits à admettre comme principe fondamental dans les recherches de cette nature, *que plus le nombre des individus que l'on observe est grand, plus les particularités individuelles, soit physiques, soit morales, soit intellectuelles, s'effacent et laissent prédominer la serie des faits généraux en vertu desquels la société existe et se conserve.* Quetelet, Phys. sociale, т. I стр. 98.

жимъ къ цѣлой массѣ явленій, ускользающихъ отъ подведенія ихъ подъ числовой знаменатель. Кромѣ статистическаго, существуетъ логическій выводъ среднихъ величинъ, на которыхъ также можетъ быть основана политико-экономическая дедукція. Сущность его состоитъ въ различеніи общественнаго хозяйства отъ частнаго и въ выборѣ для наблюденій средняго времени и средняго мѣста, посредствомъ какихъ пріемовъ, какъ увидимъ ниже, дѣйствительно устраняются отъ изучаемаго явленія его видовыя осложненія, какъ условія частныя, временныя и мѣстныя (1).

Всѣ важнѣйшія ошибки въ политической экономіи произошли отъ несоблюденія въ изслѣдованіяхъ указываемыхъ нами особенностей индукціи и дедукціи.

Несоблюденіе этихъ особенностей поддерживаетъ до настоящаго времени въ политической экономіи господство двухъ діаметрально противоположныхъ воззрѣній. По мнѣнію однихъ экономистовъ, существующій строй экономическихъ отношеній вполнѣ разуменъ, справедливъ, не требуетъ никакой „организаціи“; люди, предоставленныее самимъ себѣ, своей собственной волѣ, безъ всякихъ теорій наилучшимъ образомъ устраиваютъ свой экономическій бытъ; всякое вмѣшательство „организаторовъ“ былобы только нарушеніемъ свободы человѣческой, нарушеніемъ вполнѣ естественнаго порядка экономическихъ отношеній. Экономистъ долженъ употребить относительно экономической жизни въ своихъ изслѣдованіяхъ тѣже самые научные пріемы, которые употребляются напр. анатомомъ, изучающимъ устройство человѣческаго тѣла, ботаникомъ, описывающимъ анатомію и физіологію растеній, астрономомъ, описывающимъ небесный механизмъ. Писатели противоположнаго направленія утверждаютъ, что основанія существующаго экономическаго строя несправедливы, неразумны, что необходимо организовать этотъ строй по началамъ разума и справедливости. Весьма естественно, что эти

---

(1) Въ нашей литературѣ значеніе этихъ пріемовъ прекрасно уяснено г. Зибером ъ въ диссертаціи „Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, съ нѣкоторыми изъ позднѣйшихъ дополненій и разъясненій см. гл. 1.

писатели держатся чисто дедуктивныхъ пріемовъ мышленія, строятъ экономическія системы путемъ дедукціи изъ своихъ понятій о началахъ разума и справедливости. Къ индукціи они обращаются только въ цѣляхъ критики существующаго и существовавшаго экономическаго порядка. Между сторонниками этихъ противоположныхъ направленій происходитъ ожесточенная борьба, весьма часто переходящая изъ кабинетной и идейной въ уличную и кровавую.

Выходъ изъ этихъ односторонностей указывается правильнымъ методомъ экономическихъ изслѣдованій. Одинаково ненаучно, какъ возведеніе явленій въ принципъ, такъ и отрицаніе ихъ законоподчиненности. Не странно ли думать, говоритъ Кетле, что одинъ родъ человѣческій въ своихъ дѣйствіяхъ подчиненъ слѣпому случаю, не имѣетъ никакого упорядочивающаго принципа, между тѣмъ какъ все остальное въ мірѣ строго подчинено такимъ чуднымъ закономъ (1). Масса статистическихъ данныхъ неоспоримо доказываетъ законоподчиненность всѣхъ общественныхъ явленій. Необходимо только не забывать, что эта законоподчиненность не тожественна съ законоподчиненностью явленій физическихъ. Въ самой природѣ экономическихъ отношеній лежитъ упорядочивающій принципъ, постепенное осуществленіе котораго въ фактахъ дѣйствительной жизни представляетъ собою исторія. Въ самой природѣ экономическихъ отношеній существуютъ законы, которымъ человѣкъ долженъ повиноваться. Но эти законы въ своемъ развитіи видоизмѣняются средой, весьма часто подавляются ею, низводятся до едва замѣтнаго минимума. Задача истинной экономической науки—осознать природу экономическихъ отношеній, осознать ту идею возможности въ развитіи, которая представляетъ собою постепенно осуществляющійся экономическій законъ и посредствомъ такого осознанія способствовать болѣе полному его осуществленію, руководить экономическою дѣятельностью, какъ общественною, такъ и частною, па сколько дѣятельность человѣка зависитъ отъ его сознанія. Истинная эко-

(1) Quetelet, Phys. soc. m. 1, стр. 154.

номическая наука, указавъ на высокое значеніе принципа раздѣленія занятій и труда, въ тоже время указываетъ и на темныя стороны, сопровождающія осуществленіе этого принципа въ дѣйствительности: Изученіемъ сущности этого принципа и причинъ его темныхъ сторонъ она даетъ возможность направлять осуществленіе его такимъ образомъ, чтобы это осуществленіе не сопровождалось темными явленіями.

Вотъ почему не правъ Маклеодъ, полагая, что политическая экономія должна отыскать такую теорію цѣнности, которая обнимала бы собою всѣ существующіе и существовавшіе, словомъ, какъ онъ выражается, всевозможные факты явленій цѣнности, что законъ цѣнности долженъ обнимать всякаго рода случаи, въ которыхъ совершается продажа (1). Всякому извѣстно, что въ жизни обмѣнъ весьма часто является результатомъ обмана. Если политическая экономія должна отыскать такой законъ мѣновыхъ пропорцій, который бы обнималъ собою всевозможные мѣновые факты, въ такомъ случаѣ наукѣ пришлось бы оправдывать экономическій обманъ, отожествлять его съ обмѣномъ, фактъ возводить въ принципъ только потому, что этотъ фактъ существовалъ или существуетъ. Торговецъ весьма часто не понимаетъ своихъ собственныхъ интересовъ, весьма часто самъ себѣ приноситъ экономическій вредъ, полагая, что разумно преслѣдуетъ удовлетвореніе своихъ личныхъ цѣлей. Не понимающій своей собственной выгоды продавецъ назначаетъ на продукты слишкомъ высокія цѣны недоступныя большинству потребителей, вслѣдствіе чего его товаръ имѣетъ ограниченный сбытъ и продавецъ получаетъ ничтожный доходъ. Между тѣмъ всякому должно быть очевидно, что выгоднѣе въ продолженіи опредѣленнаго времени пріобрѣсть по одной копѣйкѣ десять разъ, нежели за одинъ разъ пять копѣекъ. Этого простаго правила не понимаютъ многіе торговцы и такимъ образомъ предпочитаютъ 5 коп. 10 копѣйкамъ только потому, что въ послѣднемъ случаѣ доходъ получается отъ десяти сдѣлокъ, между тѣмъ какъ въ первомъ отъ одной. Странно тре-

(1) Основанія полит. экон. стр. 101—102.

бованіе, чтобы экономическая наука возводила въ систему подобнаго рода мѣновыя пропорціи, какъ и цѣны, представляющія собою результаты обмана. Не все, что существуетъ въ людскомъ общежитіи, то и разумно, это должно быть очевидно всякому. (1)

Съ другой стороны не правъ Прудонъ, полагая, что въ дѣйствительныхъ фактахъ цѣнности нѣтъ никакого упорядочивающаго принципа, что правда въ дѣйствительной мѣновой жизни хромаетъ по необходимости, такъ какъ эта хромота имѣетъ своимъ источникомъ самую природу существующей цѣнности, что необходимо возстановить справедливость посредствомъ цѣнности закономъ установленной (2). Желаніе осуществить въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ то, чего не существуетъ въ природѣ такихъ отношеній, равносильно желанію измѣнить природу человѣка, а подобное желаніе едвали можно считать осуществимымъ. Съ другой стороны, еслибы экономисту необходимо было придумывать законы для явленій цѣнности, то политическая экономія, какъ точная наука, была бы немыслима. Она былабы не наукою, а вымысломъ, такъ какъ въ ея основаніи, которымъ обусловливается рѣшеніе почти всѣхъ другихъ вопросовъ, былъ бы положенъ вымыслъ. Уже въ юриспруденціи давно отвергнуто извѣстное положеніе, что юридическія нормы имѣютъ своимъ источникомъ волю законодателя; юридическая наука считаетъ аксіомой, что въ самой природѣ отношеній заключаются опредѣленія, которыя положительное право возводитъ въ точныя и ясныя нормы (Шталь). Даже болѣе; юридическая наука считаетъ также аксіомой, что „природа отношеній сама охраняетъ себя, наказуя за непониманіе ея законовъ и побуждая къ исправленію заблужденій" (3). Закономъ установленная цѣнность Прудона—это очевидный воз-

---

(1) По поводу указаннаго возрѣнія Маклеода вполнѣ основательно замѣчаніе г. Зибера, что „слѣдовало бы пріискать ужъ разомъ общее названіе для воровства и для обмана." Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, гл. 1, стр. 25.

(2) P. S. Proudhon. System des contradictions economiques ou philosophie de la misére т. 1 стр. 64—65, 82—84.

(3) Н. Неженкампфъ. Очерки юридической энциклопедіи, стр. 27

вратъ къ тому времени, когда источникомъ закона считалась воля законодателей (quod principi placuit, legis habet vigorem).

Задача экономической науки относительно явленій цѣнности, по нашему мнѣнію, состоитъ въ осознаніи естественнаго ихъ закона, какъ постепенно осуществляющейся въ жизни идеи возможности, заключающейся въ природѣ цѣнности. Быть можетъ въ той или иной мѣстности, въ одно или другое время въ сферѣ мѣновыхъ сдѣлокъ тѣхъ или иныхъ индивидуумовъ или группъ индивидуумовъ внутренній элементъ развивающагося закона цѣнности, подъ вліяніемъ внѣшняго, низведенъ до едва замѣтнаго минимума. Быть можетъ правда въ мѣновыхъ сношеніяхъ во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣйствительно хромаетъ. Человѣкъ, изнуренный жаждой среди безводныхъ степей, можетъ предложить за стаканъ воды все, чѣмъ только онъ владѣетъ. Другой человѣкъ, подъ вліяніемъ нужды, продаетъ самаго себя въ рабство за количество хлѣба, едва достаточное для дневнаго пропитанія. Быть можетъ.... но можно ли пересчитать всѣ болѣзни, которыми болѣетъ или можетъ болѣть человѣчество? При всемъ томъ, какъ странно больнаго человѣка считать здоровымъ, такъ не менѣе странно и отрицаніе факта здоровья въ человѣчествѣ только на основаніи факта существованія болѣзней. Не придумывать идеалы экономическаго здоровья, но осознавать его естественные законы—вотъ задача истинной экономической науки. Вполнѣ безпристрастная наука, не возводя явленій въ законъ только на основаніи ихъ существованія, въ тоже время и не отрицаетъ закона только потому, что то или иное частное, временное или мѣстное явленіе представляетъ собою его нарушеніе.

Представимъ примѣры, доказывающіе настоятельную необходимость именно такого отношенія къ фактамъ экономической жизни.

Многіе думаютъ что доходъ продавца есть результатъ обмѣна. Необходимо согласиться, что въ тѣхъ или иныхъ частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ случаяхъ такъ и бываетъ, но при всемъ томъ былобы положительнымъ абсурдомъ утвержденіе, что всякій доходъ въ мѣновомъ хозяйствѣ есть результатъ обмѣна, а не производства. Невозможно, чтобы доходъ *всѣхъ*

былъ результатомъ обмѣна, значитъ съ *общественно-хозяйственной* точки зрѣнія обмѣнъ не можетъ быть названъ источникомъ доходовъ, хотя бы въ частныхъ случаяхъ въ сферѣ окружающихъ насъ явленій и было иначе. Еслибы было иначе, то продавецъ, получающій опредѣленный доходъ отъ продажи продукта, жилъ бы не самостоятельнымъ доходомъ, но доходомъ, получаемымъ отъ производства другихъ лицъ, жилъ бы не своимъ, но чужимъ трудомъ; всякій доходъ, получаемый такимъ образомъ, былъ бы несправедливымъ, представлялъ бы собою преступленіе противъ собственности другихъ лицъ. „Человѣку, незнакомому съ наукой, говоритъ Д. С. Миллъ, представляется, будто бы прибыль коммерческаго дѣла зависитъ отъ цѣнъ. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль повидимому тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему, и можно подумать, будто бы прибыль—результатъ покупки и продажи. Незнакомые съ наукою люди полагаютъ будто производитель получаетъ прибыль только отъ того, что есть покупщики на товаръ; будто бы запросъ, покупщики, рынокъ товара—вотъ причина выгодъ, получаемыхъ капиталистами, которые продажею своихъ товаровъ возобновляютъ свой капиталъ и увеличиваютъ его массу.“ (1) Наука отличаетъ обмѣнъ отъ производства, хотя и признаетъ, что обмѣнъ—необходимое условіе успѣшности производства; съ другой стороны, хотя всякому извѣстно, что въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ обмѣнъ даетъ доходъ, подобно тому, какъ въ частныхъ случаяхъ можетъ быть источникомъ дохода и воровства. Но напрасно утверждаетъ Миллъ, что только незнакомые съ наукою люди могутъ считать обмѣнъ источникомъ прибыли коммерческаго дѣла. Говоря объ источникахъ доходовъ дѣйствительно всякій экономистъ прямо говоритъ, что производство въ этомъ отношеніи единственный источникъ. Всякій экономистъ въ этомъ случаѣ отличаетъ общественное хозяйство отъ частнаго и слѣдуетъ пріему логическаго устраненія отъ изучаемаго явленія условій частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ; устранивъ эти условія

(1) Основ. политич. экономіи, т. 2 стр. 477.

отъ обмѣна ни одинъ экономистъ не найдетъ въ мѣновомъ актѣ общественно хозяйственнаго дохода, который бы получался исключительно отъ обмѣна, а не отъ производства. Тѣмъ не менѣе и сами экономисты не всегда помнятъ эту истину.

А. Смитъ называетъ оборотнымъ капиталомъ такой капиталъ, который употребляется на пріобрѣтеніе продуктовъ въ цѣляхъ перепродажи съ прибылью, который приноситъ доходъ не тѣмъ, что остается въ рукахъ, но тѣмъ, что переходитъ изъ однѣхъ рукъ въ другія. Здѣсь, очевидно, капиталъ приноситъ доходъ посредствомъ обмѣна. Напротивъ того, подъ постояннымъ капиталомъ А. Смитъ разумѣетъ такой капиталъ, который приноситъ доходъ не переменяя своего владѣльца, не уходя изъ рукъ въ другія руки. Машина можетъ приносить доходъ прямымъ употребленіемъ ея въ дѣло, слѣдовательно въ этомъ случаѣ она приноситъ доходъ не перемѣняя своего владѣльца и потому считается постояннымъ капиталомъ. Но таже самая машина можетъ быть продана и этимъ путемъ даетъ прибыль своему владѣльцу; въ послѣднемъ случаѣ она дастъ доходъ тѣмъ что уходитъ изъ рукъ одного владѣльца въ другія руки и поэтому должна считаться оборотнымъ капиталомъ (1).

Этого-же взгляда придерживаются и многіе другіе экономисты. Такъ по Шторху, одна часть цѣнностей, изъ которыхъ слагается капиталъ, остается всегда въ рукахъ производителя, другая же часть замѣняется на новые продукты и „только тогда приноситъ доходъ, когда перейдетъ отъ одного владѣльца къ другому.“ (2)

Для того, чтобы согласиться съ подобнаго рода опредѣленіями, необходимо признать обмѣнъ источникомъ доходовъ. Если оборотнымъ капиталомъ признается такой капиталъ, который приноситъ доходъ посредствомъ перемѣны владѣльца, то источникъ прибыли на всякій оборотный капиталъ не производство;

---

(1) A. Smith. Recherches sur la nature et le causes de la richesse des nations, пер. I Гарнье, т. 2 стр. 5, 9.

(2) H. Storch, cours d'économie politique, т. 1. кн. II, стр. 242.

а обмѣнъ. Такимъ образомъ въ основаніи этого дѣленія капиталовъ на постоянные и оборотные не соблюдено правило устраненія отъ изучаемаго явленія условій частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ, напротивъ того, именно эти условія возведены въ принципъ. Съ общественно-экономической точки зрѣнія и въ среднее время посредствомъ обмѣна только распредѣляются уже произведенные доходы, а не производятся.

Точно также экономисты, не смотря на всѣ свои несогласія съ меркантильными теоріями, считаютъ деньги въ числѣ капиталовъ. Самъ А. Смитъ, не смотря на свою геніальную критику меркантилизма, считаетъ деньги въ числѣ капиталовъ, при чемъ причисляетъ ихъ къ капиталамъ оборотнымъ (1). Смитъ въ этомъ случаѣ, впрочемъ, вполнѣ послѣдователенъ. Если оборотнымъ капиталомъ называется такой капиталъ, который приноситъ доходъ посредствомъ обмѣна, то и деньги должны считаться капиталомъ и именно оборотнымъ, такъ какъ они могутъ приносить своему владѣльцу доходъ не иначе, какъ въ то время, когда владѣлецъ передаетъ ихъ въ другія руки. Но деньги считаются въ числѣ капиталовъ и другими экономистами, которые никакимъ образомъ не могутъ согласиться съ мыслью, что обмѣнъ съ общественной точки зрѣнія можетъ быть источникомъ дохода; таковъ, напримѣръ, Рошеръ. Если обмѣнъ самъ по себѣ не служитъ источникомъ дохода, то деньги, не дающія дохода иначе, какъ посредствомъ обмѣна, не должны считаться капиталомъ, представляя собою только орудіе распредѣленія доходовъ, а не производства ихъ. Получаемый путемъ обмѣна ихъ доходъ производится не обмѣномъ и не деньгами, но послѣднія представляютъ собою средство къ полученію эквивалента за прежде произведенный доходъ. Изъ всѣхъ экономистовъ можно указать только на одного Д. С. Милля, который прямо и рѣшительно заявляетъ, что деньги не должны считаться капиталомъ. Подъ деньгами, говоритъ онъ, я разумѣю „орудіе обмѣна, а не капиталъ, передаваемый изъ рукъ въ руки посредствомъ этого орудія.“ (2) Дѣйстви-

(1) A. Smith. т. 2 стр. 9.

(2) Основ. пол. экономіи, т. 2 стр. 10.

тельно, если капиталомъ называется опредѣленный факторъ производства, то деньги, какъ факторъ обмѣна, а не производства, не капиталъ. Только благодаря неправильности метода, по которому экономисты не изолировали изучаемаго явленія отъ его осложненій, можно было считать деньги въ числѣ капиталовъ. Главная ошибка меркантилистовъ и состояла въ такой неправильности метода; они обратили исключительное вниманіе на частныя, временныя и мѣстныя обстоятельства въ сферѣ изучаемыхъ явленій и за этимъ не замѣтили сущности этихъ явленій. Меркантильная теорія погребена, но она оставила по себѣ, какъ выражается Миллъ, большое потомство, существующее и до настоящаго времени. Оно и будетъ существовать до той поры, пока экономисты не признаютъ необходимымъ изучать сущность явленій, изолируя эти явленія отъ условій частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ. Даже болѣе; можно сказать что въ настоящее время меркантилизмъ снова возрождается въ лицѣ англійскаго экономиста, болѣе другихъ пользующагося тѣмъ самымъ методомъ, которымъ пользовались меркантилисты. Мы говорили о Маклеодѣ. По его ученію, деньги и долгъ—понятія тожественныя, слѣдовательно деньги ничто иное, какъ видъ кредита. Кредитъ же есть особаго рода собственность, которая можетъ быть употребляема какъ капиталъ. Будучи употребленъ такимъ образомъ, кредитъ представляетъ собою производительную силу, можетъ быть названъ производительнымъ капиталомъ. Долги имѣютъ цѣнность и мѣно способность, представляютъ собою вполнѣ самостоятельные предметы торговли. Такимъ образомъ огромныя богатства, имѣющія громадную цѣнность, могутъ быть создаваемы безъ всякаго труда, являются простымъ результатомъ взаимнаго соглашенія между людьми. (1)

Неужели это не тотъ же меркантилизмъ, противъ котораго такъ удачно боролся еще основатель экономической науки? Но это еще нѣчто болѣе странное, чѣмъ меркантилизмъ. Настоящіе меркантилисты считали богатствомъ народа только благородные

(1) Основ. пол. экономіи, стр. 21—40, 74—80, 312—313 и др.

металлы—золото и серебро, но, по ученію современнаго меркантилиста, это богатство состоитъ не только въ металическихъ деньгахъ, но также и въ деньгахъ бумажныхъ и вообще во всевозможныхъ кредитныхъ знакахъ. И кредитныя бумаги не только народное богатство, но вдобавокъ и производительная сила, такая сила, которая создается изъ ничего, создается безъ всякаго труда! Кредитная бумага рекомендуется намъ какъ философскій камень, котораго такъ тщетно искали во время дѣтства мысли; она можетъ создавать громадныя богатства безъ всякихъ издержекъ производства!

Между тѣмъ Маклеодъ въ своихъ заключеніяхъ вполнѣ послѣдователенъ; принявъ одинъ разъ какое либо положеніе, онъ уже не останавливается предъ выводами изъ этого положенія, не смотря на всю странность такихъ выводовъ. Въ основаніи всѣхъ его заблужденій лежитъ неправильный методъ его изслѣдованій. Онъ изучаетъ явленіе въ томъ самомъ видѣ въ какомъ оно представляется его глазамъ. Съ перваго взгляда легко можетъ показаться, что это самый *положительный методъ.* И дѣйствительно, это тотъ самый методъ, которымъ пользуются такъ называемыя точныя науки. Этимъ методомъ пользуется на прим. астрономія. Если бы законы организма общественнаго были тожественны съ законами небеснаго механизма, то этотъ методъ былъ бы также положительнымъ методомъ и для экономическихъ изслѣдованій. Но такого тожества нѣтъ, хотя и были попытки подведенія общественныхъ законовъ подъ одинъ знаменатель съ законами физической природы. Въ небесной механикѣ фактъ и принципъ одно и тоже, но фактъ и принципъ не всегда тожественны въ общественномъ организмѣ. Примѣненіе такого положительнаго метода къ общественнымъ наукамъ и приводитъ къ метафизическимъ заключеніямъ, образцемъ которыхъ можетъ служить открытый Маклеодомъ экономическій философскій камень. Въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ кредитомъ могутъ обогащаться тѣ или иныя частныя лица „безъ всякаго труда," такіе примѣры созданія громадныхъ капиталовъ мы часто встрѣчаемъ, но неужели Маклеодъ рѣшался бы утверждать, что безъ всякаго труда, простымъ соглашеніемъ между отдѣльными лицами можетъ богатѣть

общество, что народное богатство этимъ путемъ можетъ увеличиться хотя на одинъ атомъ? Нѣтъ, это очевидно всякому. Если мы будемъ разсматривать обмѣнъ какъ чистый актъ распредѣленія, если мы удалимъ отъ изучаемаго явленія его частно-хозяйственную доходность, то легко замѣтимъ, что деньги не капиталъ, но орудіе распредѣленія капиталовъ, что соглашеніе—принципъ распредѣленія, но не производства, что въ дѣйствительности не существуетъ никакого философскаго камня, благодаря которому можно былобы однимъ мановеніемъ воли, безъ всякаго труда, создавать громадныя богатства (1).

Вообще вся экономическая теорія Маклеода служитъ наглядньимъ доказательствомъ того, къ какимъ метафизическимъ заключеніямъ можетъ приводить экономиста изслѣдователя мнимоположительный методъ, по которому не различается фактъ отъ принципа. Даже въ опредѣленіи обмѣна, слѣдовательно въ опредѣленіи того понятія, которое, по его ученію, составляетъ сущность политической экономіи, Маклеодъ, благодаря своему мнимоположительному методу, является предъ нами метафизикомъ въ самомъ широкомъ значеніи этого слова.

Извѣстно, что Гегель отрицалъ существованіе всего звѣзднаго міра на томъ основаніи, что его діалектическій процессъ мысли далъ мѣсто только четыремъ сферамъ въ небесной системѣ,—солнечной, планетной, лунной и кометной. Для звѣздной системы не оказалось мѣста и Гегель вооружился противъ Ньютона, торжественно объявилъ, что звѣзды не существуютъ.

Къ такому же метафизическому положенію пришелъ и Маклеодъ, благодаря своему мнимоположительному методу. По его ученію, обмѣнъ и торговля одно и тоже, гдѣ нѣтъ обмѣна и торговли, тамъ нѣтъ и цѣнности. Но предметъ политической эко-

---

(1) Распространяя значеніе своего экономико-философскаго камня, Маклеодъ доходитъ до того, что отрицаетъ положеніе Бентама, уясненное Д. С. Миллемъ, по которому производство ограничивается размѣромъ капитала. По его ученію, размѣры производства ограничиваются размѣрами прибыли. „Когда прибыль не подлежитъ сомнѣнію, капиталъ для доставленія этой прибыли *всегда* отыщется“ (Осн. стр. 162—163).

номіи состоитъ въ изученіи законовъ цѣнности, слѣдовательно всѣ занятія, не производящія торговыхъ продуктовъ, должны быть исключены изъ политической экономіи (1).

Въ современной дѣйствительности мѣновая, или лучше сказать, торговая цѣнность имѣетъ значеніе преобладающее надъ всѣми другими видами цѣнности; равнымъ образомъ и торговля, какъ видъ обмѣна, имѣетъ преобладающее значеніе надъ всѣми другими видами обмѣна. Экономисту, пользующемуся описательнымъ пріемомъ индукціи, легко сосредоточить все свое вниманіе на явленіяхъ, имѣющихъ преобладающее значеніе въ данное время и въ данной мѣстности и прійдти къ отрицанію не замѣченныхъ явленій. Это и случилось съ Маклеодомъ. Если обмѣнъ и торговля одно и тоже, то значитъ, обмѣнъ продуктовъ не мыслимъ въ семьѣ. Это тоже, что и отрицаніе звѣздной системы. Уже переводчикъ Маклеода справедливо замѣтилъ, что „община, хотя бы она состояла изъ одной разросшейся семьи, представляетъ непремѣнно элементы *обмѣна*. Члены ея, обходясь вовсе безъ торговыхъ оборотовъ въ собственномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе обмѣниваются своими услугами одинъ другому (2). Но нѣтъ никакой необходимости, чтобы это была разросшаяся семья; во всякой производительной семьѣ можетъ существовать и въ дѣйствительности существуетъ раздѣленіе занятій при общемъ потребленіи продуктовъ, существуетъ, слѣдовательно, обмѣнъ услугъ. Маклеодъ называетъ обмѣномъ переходъ продуктовъ изъ однѣхъ хозяйствъ въ другія и отрицаетъ существованіе обмѣна въ томъ случаѣ, когда занимающаяся производствами семья не ведетъ торговли. Если бы онъ обратился къ анализу природы обмѣна, устранивъ отъ изучаемаго явленія его частныя формы, то онъ назвалъ бы обмѣномъ переходъ продуктовъ изъ однѣхъ рукъ въ другія, а торговлю, какъ переходъ продуктовъ изъ хозяйствъ въ хозяйства, призналъ бы только однимъ изъ видовъ обмѣна. Въ этомъ случаѣ ему не пришлось бы ограничивать предѣлы политической экономіи

(1) См. „предварит. замѣч." къ Основ. полит. экономіи.
(2) Основ. пол. экон. стр. 15, примѣч. переводчика.

изслѣдованіями о торговыхъ явленіяхъ и его экономическая система не носила бы вполнѣ заслуженнаго названія лавочной теоріи.

Впрочемъ, этотъ упрекъ въ извѣстной степени можетъ быть отнесенъ ко всѣмъ экономистамъ; всѣ они такъ или иначе повторяютъ метафизическую ошибку Гегеля, приходя къ ней своимъ мнимоположительнымъ методомъ.

Анализируя ученія экономистовъ о предметѣ политической экономіи, мы находимъ въ нихъ двѣ стороны, которыя въ такой или иной мѣрѣ общи всѣмъ имъ. Всѣ экономисты считаютъ предметомъ политической экономіи не техническую, но общественную сторону въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію опредѣленныхъ потребностей. Во вторыхъ, всѣ экономисты въ своихъ изслѣдованіяхъ занимаются преимущественно явленіями обмѣна. Это всего лучше можетъ быть доказано сравненіемъ такихъ противоположныхъ воззрѣній на предметъ экономической науки какъ воззрѣнія М а к л е о д а и К э р и. По господствующему мнѣнію, одинъ изъ нихъ съужаетъ, между тѣмъ какъ другой, напротивъ того, разширяетъ предѣлы экономической науки. Изучая труды этихъ экономистовъ, мы убѣдились, что въ ихъ воззрѣніяхъ на предметъ экономической науки есть много общаго, между тѣмъ какъ различій весьма мало. Свое опредѣленіе предмета политической экономіи К э р и ставитъ въ зависимость отъ опредѣленія соціальной науки; политическая экономія, по его ученію, составляетъ прикладную часть соціологіи, чѣмъ занимается въ теоріи соціологія, тѣмъ съ практической точки зрѣнія занимается политическая экономія [1]). Такимъ образомъ легко можно показаться, что К э р и разширяетъ предметъ политической экономіи, почти отожествляя сферу изслѣдованій этой науки съ сферой изслѣдованій соціальной науки вообще. На основаніи этого многіе и заключаютъ, что К э р и отожествляетъ политическую экономію съ соціальною наукою, и такимъ образомъ вводитъ въ экономическую науку то, что должно бы входить въ сферу соціологіи. Совершенно наоборотъ

---

[1]) Руководство къ соціальной наукѣ. Стр. 641—644.

относительно Маклеода; большинство ученыхъ вооружается противъ крайняго служенія имъ сферы экономическихъ изслѣдованій. Но противоположныя воззрѣнія Маклеода и Кэри имѣютъ много тожественнаго. Общество, по опредѣленію Кэри, есть ничто иное, какъ сумма соединеній, имѣющихъ своимъ источникомъ существованіе различій. Гдѣ нѣтъ обмѣна услугъ, тамъ нѣтъ и общества; если бы Пятница не заговорилъ съ Крузэ и не сталъ обмѣниваться услугами, общества не былобы. Ассоціація въ полной силѣ своей возникаетъ только тамъ, гдѣ земледѣлецъ, адвокатъ, торговецъ, плотникъ, кузнецъ, каменьщикъ, мельникъ, прядильщикъ, ткачъ, архитекторъ, желѣзный заводчикъ и фабрикантъ машинъ соединяются вмѣстѣ. Это тотъ же законъ, который имѣетъ силу и въ неорганическомъ мірѣ. Если бы Крузэ и Пятница обладали однѣми и тѣми же способностями, то между ними не было бы обмѣна услугъ, не былобы ассоціаціи, подобно тому, какъ нѣтъ соединенія между однородными химическими элементами; соединеніе возникаетъ только тогда, когда встрѣчаются другъ съ другомъ разнородные элементы [1]). Одинъ изъ послѣдователей Кэри, прямо говоритъ, что общество есть ничто иное, какъ сумма обмѣновъ [2]). Такимъ образомъ соціальная наука Кэри въ сущности мало отличается отъ политической экономіи Маклеода; та и другая имѣютъ своимъ предметомъ изученіе законовъ единеній, происходящихъ отъ существованія различій, то есть законовъ обмѣна услугъ. Можно найти различіе лишь въ томъ, что Кэри лучше уяснилъ понятіе обмѣна, чѣмъ Маклеодъ. Кэри не отожествляетъ обмѣна съ торговлей [3]).

Мы думаемъ, что Епископъ Уатли, предложивъ назвать политическую экономію каталактикою, не сказалъ ничего новаго; онъ только ясно формулировалъ то, что de facto признавалось большинствомъ другихъ экономистовъ. Всякій экономическій вопросъ экономисты разсматривали сквозь призму обмѣна; на самое

---

[1]) Ibid. Стр. 156—157.

[2]) F. Bastiat, Harmonies économiques, гл. V: je dois le dire: au point de vue économique, Société c'est Échange.

[3]) Руководство къ соц. наукѣ. Стр. 159.

общество нѣкоторые изъ нихъ, какъ видимъ, смотрѣли какъ на сумму обмѣновъ. Сосредоточивъ свое исключительное вниманіе на фактахъ современной жизни, въ которой дѣйствительно обмѣнъ имѣетъ преобладающее значеніе, они не замѣтили другаго закона, имѣющаго не менѣе важное экономическое значеніе. Безъ всякаго сомнѣнія, между однородными химическими элементами не можетъ быть соединенія, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что внѣ существованія различій въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ также не мыслимы такія или иныя единенія. Союзность въ междучеловѣческихъ отношеніяхъ происходитъ не только отъ существованія различій, но также отъ существованія сходствъ. Элементъ сходствъ лежитъ въ основаніи безконечнаго множества разнообразныхъ союзовъ, начиная союзами родственными, племенными и кончая союзомъ, обнимающимъ собою всѣ другіе,—государствомъ. Десять человѣкъ, работая вмѣстѣ, могутъ общими усиліями поднять извѣстную тяжесть, между тѣмъ какъ усилія каждаго изъ нихъ не принесутъ никакой пользы, если каждый изъ нихъ будетъ работать отдѣльно. Подобному же единенію мелкихъ капиталовъ мы обязаны всѣми великими предпріятіями, которыми гордится настоящее время, между тѣмъ какъ тѣ же самые капиталы, взятые въ отдѣльности, не приносили бы обществу пользы, или приносилибы самую ничтожную. Игнорировать закономъ единенія сходствъ, утверждать, что общество есть сумма единеній, происходящихъ отъ существованія различій, значитъ повторять ошибку Гегеля, отрицавшаго существованіе звѣзднаго міра.

Употребивъ методъ исторической индукціи и дедукціи, какъ вывода изъ среднихъ данныхъ, мы легко поймемъ, что общество есть сумма единеній, происходящихъ отъ существованія различій и сходствъ въ отношеніяхъ, что совмѣстное развитіе законовъ единенія сходствъ и различій представляетъ собою необходимое условіе нормальности экономическаго быта страны, что односторонее развитіе каждаго изъ этихъ законовъ ведетъ или къ пролетаріату, или къ стадности. Въ тѣхъ или иныхъ частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ случаяхъ, который-либо изъ этихъ законовъ въ своемъ осуществленіи можетъ быть низводимъ до едва замѣт-

наго минимума, но наука, отличая фактъ отъ принципа, имѣетъ право сказать, что это ненормальное положеніе дѣлъ. Если бы законы общества могли быть подведены къ одному знаменателю съ законами физическими, то ничего подобнаго мы не имѣли возможности утверждать, тогда и методъ индукціи естественныхъ наукъ былъ бы вполнѣ примѣнимъ къ политической экономіи.

Извѣстно, что въ древнемъ мірѣ мѣновое хозяйство было слабо развито. Экономическая жизнь народовъ древняго міра не отличалась разнообразіемъ, характеристическою чертою экономическаго быта настоящаго времени Экономическая жизнь древнихъ народовъ состояла изъ отдѣльныхъ единицъ, изъ которыхъ въ каждой „какъ въ микрокозмѣ, отражалась вся экономическая дѣятельность, весь хозяйственный бытъ цѣлаго народа“ (Бехеръ). Этимъ микрокозмомъ было домашнее хозяйство, основанное на рабствѣ, принудительной формѣ закона единенія сходствъ. При отсутствіи свободы, законъ единенія различій въ обществахъ древняго міра не могъ получить надлежащаго развитія. Вотъ почему въ это время политическая экономія могла быть преимущественно „домашнею экономіею“ или „Домостроемъ,“ по прекрасному переводу слова экономія, сдѣланному О. Сильвестромъ. Единеніе сходствъ въ интересахъ породило союзы, раздѣлявшіе общество на касты и сословія; таковы касты воиновъ, жрецовъ, ремесленниковъ, земледѣльцевъ, рабовъ. Въ противоположность древнему міру, новыя общества образованнаго міра устроили свою жизнь на законѣ единенія различій. Отсюда и произошло то подчиненіе законамъ обмѣна всѣхъ экономическихъ явленій, которое замѣчается кругомъ насъ. которое было перенесено и въ науку. Вмѣсто „Домостроя,“ экономическая наука явилась „каталактикою.“ Между тѣмъ законъ единенія различій, при отсутствіи другаго закона, породилъ общественный экономическій атомизмъ, который въ свою очередь породилъ экономическій пролетаріатъ. Необходимость союзовъ, основанныхъ на законѣ единенія сходствъ, очевидна; необходимость эта чувствуется всѣми и въ настоящее время мы уже видимъ прекрасныя попытки организаціи такихъ союзовъ, какъ между капиталистами, такъ и между рабочими. Экономистъ въ основаніи своихъ заключеній не можетъ положить какой-либо одинъ

изъ этихъ законовъ и игнорировать или отрицать другой. Для экономиста общество должно быть организмомъ единеній, происходящихъ отъ существованія различій и сходствъ. Только выводы изъ такого естественнаго понятія объ обществѣ будутъ вполнѣ нормальными выводами, могущими служить критеріемъ при оцѣнкѣ существовавшаго и существующаго.

Общество представляетъ собою цѣлое, съ историческимъ развитіемъ все болѣе и болѣе получающее органическій характеръ, все болѣе и болѣе становящееся тѣломъ, въ которомъ всѣ части находятся во взаимной связи, вытекающей изъ законовъ единенія сходствъ и различій. Весьма естественно, что вмѣстѣ съ этимъ историческимъ движеніемъ должны измѣняться экономическія понятія, порожденныя при иныхъ условіяхъ экономической жизни. Такъ „Домострой" уступилъ мѣсто „каталактикѣ," которая въ свою очередь должна уступить мѣсто экономической наукѣ, изучающей во всей полнотѣ и естественности общественную сторону въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей.

Частно-хозяйственныя взаимно-противорѣчивыя понятія образовались въ то время, когда общество было мало проникнуто духомъ органичности, когда оно въ извѣстной степени представляло собою простую сумму отдѣльныхъ личностей. Нѣкоторыя изъ такихъ частно-хозяйственныхъ понятій съ экономическимъ развитіемъ уступаютъ мѣсто общественно-хозяйственнымъ, другія же не перестаютъ существовать и на высшихъ ступеняхъ развитія.

Примѣромъ послѣднихъ можетъ служить обыденное понятіе о капиталѣ. Для частнаго лица капиталомъ называется всякое имущество, приносящее доходъ. Съ частно-хозяйственной точки зрѣнія это безусловно вѣрно, причемъ такое понятіе продолжаетъ существовать и на высшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, хотя съ общественной точки зрѣнія оно оказывается безусловно несостоятельнымъ. Положимъ, кредиторъ даетъ взаймы имущество на 1000 руб. землевладѣльцу и получаетъ отъ послѣдняго долговую росписку, причемъ возвращеніе занятаго имущества гарантируется поземельною собственностью должника. Съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія долговая росписка не можетъ считаться капиталомъ, хотя она приноситъ доходъ кредитору и об-

ладаетъ мѣноспособностью. Еслибы съ этой точки зрѣнія она считалась капиталомъ, то въ случаяхъ ссуды однимъ лицемъ имущества другому, было бы два капитала: 1) долговая росписка, находящаяся въ рукахъ кредитора и предоставляющая ему право на полученіе въ опредѣленное время ссуженнаго имущества и процентовъ; 2) самое это имущество, находящееся въ рукахъ должника. Такимъ образомъ, если бы съ общественной точки зрѣнія долговая росписка была капиталомъ, то всякая ссуда представляла-бы собою какое-то чудо созданія капитала изъ ничего. Очевидно, съ общественной точки зрѣнія здѣсь существуетъ только одно имущество, перешедшее изъ рукъ кредитора къ должнику. Вполнѣ вѣрная для индивидуума точка зрѣнія на капиталъ, оказывается совершенно несостоятельною для общества. Въ этомъ отношеніи необходимо допустить и на высшихъ степеняхъ экономическаго общежитія существованіе двухъ взаимно противорѣчивыхъ логикъ, логики общественно-хозяйственной и логики частно-хозяйственной.

Другія частно-хозяйственныя воззрѣнія, какъ мы сказали, представляютъ собою временныя воззрѣнія, вмѣстѣ съ экономическимъ развитіемъ исчезающія и уступающія мѣсто общественно-хозяйственнымъ. Изложенныя нами воззрѣнія на цѣнность съ точекъ зрѣнія производства, распредѣленія и потребленія принадлежатъ къ послѣдней категоріи экономическихъ воззрѣній. Вотъ почему для экономиста необходимо изучить эти понятія и прослѣдить ихъ историческую судьбу. Это удобнѣе всего можетъ быть достигнуто изученіемъ теорій, предложенныхъ экономистами. Къ изученію этихъ теорій мы и переходимъ.

ГЛАВА II.

А. Смитъ, основатель современной экономической науки, ясно констатировалъ тройственное значеніе цѣнности, вытекающее изъ того, съ какой точки зрѣнія мы смотримъ на цѣнность, съ точки зрѣнія потребленія, распредѣленія или производства.

„Слово цѣнность," говоритъ онъ, „иногда означаетъ полезность предмета, (l'utilité d'un objet particulier), иногда покупную силу его, какъ возможность пріобрѣтенія другихъ предметовъ посредствомъ обмѣна (la faculté que donne la possession de cet objet d'en acheter d'autres marchandises). Въ первомъ смыслѣ цѣнность можетъ быть названа *цѣнностью потребительною* (Valeur en usage), во второмъ—*мѣновою цѣнностію* (Valeur en échange). Между размѣрами потребительной цѣнности и цѣнности мѣновой нѣтъ соотвѣтствія. Вода имѣетъ высокую потребительную цѣнность, но въ то же время не имѣетъ цѣнности мѣновой; наоборотъ, алмазъ имѣетъ высокую мѣновую цѣнность, не имѣя потребительной (1).

Въ мѣновой цѣнности А. Смитъ въ свою очередь замѣчаетъ двойственное значеніе, вытекающее изъ того, будемъ-ли мы смотрѣть на цѣнность съ точки зрѣнія пріобрѣтенія или сбыта.

Человѣкъ, говоритъ онъ, богатъ или бѣденъ, смотря по имѣющимся у него средствамъ удовлетворенія потребностей. При раздѣленіи занятій своимъ непосредственнымъ трудомъ человѣкъ удовлетворяетъ самой незначительной части своихъ потребностей, большую же часть потребляемыхъ имъ продуктовъ онъ получаетъ отъ труда другихъ людей. Такимъ образомъ, при существованіи раздѣленія занятій, богатство или бѣдность его зависятъ отъ того, какимъ количествомъ труда другихъ людей онъ можетъ располагать. На этомъ основаніи цѣнность вещи для человѣка, который не думаетъ пользоваться ею самъ непосредственно, но желаетъ сбыть другимъ, равна тому количеству работы, которое онъ получаетъ за свою вещь, равна труду и усиліямъ, сберегаемымъ человѣкомъ при посредствѣ обладанія ею и получаемымъ отъ другихъ людей. Наоборотъ, для человѣка, желающаго пріобрѣсть эту вещь, цѣнность равна труду и усиліямъ, необходимымъ для пріобрѣтенія 2)."

---

1) A. Smith, т. I. Стр. 119—120.

2) La *valeur* d'une denrée quelconque pour celui qui la possède, et qui n'entend pas en user ou la consommer lui-meme, mais qui a intention de l'échanger pour autre chose, est égale á la quantité de *travail* que cette denrée le met en état d'acheter ou de commander. Le *prix réel* de chaque chose, ce que chaque chose coûte réellement a celui qui veut se la procurer, c'est le travail et la peine qu'il doit s'impose-

Въ приведенныхъ словахъ А. Смитъ ясно указываетъ на ту тройственность понятій о цѣнности, о которой мы выше говорили. Для потребителя цѣнность отожествляется съ полезностью или годностью вещи къ удовлетворенію потребности; для продавца она отожествляется съ трудомъ сберегаемымъ и перелагаемымъ на другихъ людей, слѣдовательно, есть власть, доставляемая обладаніемъ продуктомъ надъ трудомъ и произведеніями другихъ лицъ; наконецъ, для пріобрѣтателя цѣнность равна не сберегаемому, но затрачиваемому для пріобрѣтенія труду. Отъ указанныхъ нами понятій ученіе А. Смита отличается лишь тѣмъ, что въ мѣновой цѣнности А. Смитъ какъ издержки пріобрѣтенія, такъ и покупную силу продукта измѣряетъ трудомъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности такого подведенія этихъ издержекъ и покупной силы къ трудовому знаменателю мы не встрѣчаемъ. Сверхъ того, А. Смитъ не замѣтилъ, что тройственность понятій о цѣнности есть результатъ тройственности отправленій въ экономическомъ организмѣ, то есть взятыхъ отдѣльно потребленія, обмѣна и производства. Вотъ почему въ теоріи А. Смита мы не встрѣчаемъ ученія о цѣнности съ точки зрѣнія производства, хотя и встрѣчаемъ аналогичное воззрѣніе съ точки зрѣнія пріобрѣтенія.

Указывая на понятія о цѣнности съ точки зрѣнія потребителя, пріобрѣтателя и продавца, А. Смитъ ясно видѣлъ, что между этими понятіями нѣтъ ничего общаго. Онъ отчетливо представилъ себѣ несоотвѣтствіе между потребительною цѣнностью и цѣнностью мѣновою, говоря, что есть продукты, обладающіе высокою потребительною цѣнностью и въ то же время вовсе не имѣющіе мѣновой, какъ и наоборотъ. Не менѣе ясно онъ указываетъ на противоположность понятій о цѣнности съ точки зрѣнія пріобрѣтенія и сбыта, или спроса и предложенія. Если для продавца цѣнность равна труду сберегаемому и перелагаемому на другихъ, а для пріобрѣтателя — труду и усиліямъ пріобрѣтенія, то

---

pour l'obtenir. Ce que chaque chose vaut réellement pour celui qui l'a acquise, et qui cherche à en disposer ou à l'échanger pour quelque autre objet, c'est la peine et l'embarras que la possession de cette chose peut lui épargner et qu'elle lui permet d'imposer à d'autres personnes. — A. Smith, т. I. Стр. 122—123.

очевидно, для перваго цѣнность есть экономическое благо, для втораго зло; для перваго она есть мѣрило экономической власти надъ другими, для втораго—мѣрило экономической зависимости. Но если такъ, то возможно ли построеніе общей всѣмъ явленіямъ цѣнности теоріи? Если въ дѣйствительной жизни съ словомъ цѣнность соединяются діаметрально противоположныя понятія, или цѣнность въ самой жизни опредѣляется какъ выраженіе зависимости и какъ выраженіе власти, какъ благо и какъ зло, какъ мѣра благосостоянія и какъ мѣра бѣдности, то какъ должна отнестись къ вопросу о цѣнности экономическая наука? Неужели она должна признать, что научная разработка этого вопроса не мыслима, такъ какъ каждое изъ явленій цѣнности допускаетъ примѣненіе къ себѣ діаметрально противоположныхъ воззрѣній, допускаетъ сужденіе и pro и contra, смотря по тому, съ какой точки зрѣнія мы будемъ разсматривать эти явленія? Но вопросъ о цѣнности—основной вопросъ въ экономической наукѣ, слѣдовательно, если не мыслима научная разработка этого вопроса, то и политическая экономія, какъ наука, не мыслима.

А. Смитъ, замѣтивъ тройственность понятій о цѣнности, не сдѣлалъ строго научнаго анализа ихъ, не замѣтилъ даже того, что фактомъ констатировки этихъ понятій, равносильнымъ возведенію ихъ въ принципъ, отрицается возможность построенія *общей* теоріи явленій цѣнности, какъ и вообще всей научной системы политической экономіи, что необходимы три экономическія системы, одна для потребителей, другая для продавцевъ, третья для пріобрѣтателей продукты отъ другихъ лицъ. Здѣсь заключается источникъ тѣхъ странныхъ противорѣчій, которыя всякому бросаются въ глаза во всей экономической системѣ А. Смита.

Предлагая *общую* теорію мѣновой цѣнности, А. Смитъ отдаетъ предпочтеніе одному изъ двухъ понятій о цѣнности съ точки зрѣнія обмѣна, игнорируя другимъ, которое, тѣмъ не менѣе, существуетъ въ его теоріи рядомъ съ первымъ. Предпочтеніе и какъ бы большее право на истинность онъ приписываетъ воззрѣнію на цѣнность съ точки зрѣнія пріобрѣтенія. Такъ замѣтивъ, что деньги не могутъ быть мѣриломъ цѣнности, вслѣд-

ствіе постоянныхъ колебаній въ своей собственной цѣнности, онъ говоритъ, что вполнѣ точнымъ мѣриломъ можетъ быть только трудъ, какъ величина, никогда не измѣняющаяся въ своей цѣнности. Каково бы ни было количество предметовъ, получаемыхъ работникомъ въ вознагражденіе за трудъ, цѣна, платимая имъ всегда одинакова. То дорого, что достается съ трудомъ, и то дешево, что стоитъ малаго труда. Одинаковыя количества труда во всѣ времена и во всѣхъ мѣстахъ представляютъ одинаковую цѣнность для работника, который, при обыкновенномъ состояніи здоровья, силы и искуства, всегда жертвуетъ одинаковымъ количествомъ досуга, свободы и благополучія. Трудъ такимъ образомъ никогда не измѣняется въ своей собственной цѣнности, почему и можетъ быть мѣриломъ цѣнности всѣхъ товаровъ (1). Очевидно, въ этомъ случаѣ А. Смитъ смотритъ на цѣнность съ точки зрѣнія пріобрѣтенія; для рабочаго, желающаго пріобрѣсть продуктъ за свое рабочее время, день труда всегда имѣетъ одинаковую цѣнность, такъ какъ, при обыкновенномъ положеніи дѣлъ, дѣйствительно онъ въ продолженіи этого времени всегда жертвуетъ одинаковымъ количествомъ досуга, свободы и благополучія. Но для принятія положенія, что въ этомъ случаѣ трудъ можетъ быть точнымъ мѣриломъ цѣнности всѣхъ другихъ товаровъ, необходимо было или доказать ложность противоположнаго воззрѣнія на мѣновую цѣнность труда, или игнорировать послѣднимъ воззрѣніемъ, то есть, не указывая основаній отдавать предпочтеніе одному воззрѣнію предъ другимъ. А. Смитъ избралъ послѣднее. Цѣнность труда, по его ученію, совершенно не зависитъ отъ того, какое количество продуктовъ потребленія получаетъ рабочій въ видѣ заработной платы. Цѣнность труда и заработная плата, по его ученію, очевидно, не одно и тоже, такъ какъ трудъ никогда не измѣняется въ своей цѣнности, чего А. Смитъ не утверждаетъ относительно заработной платы. Увеличеніе или уменьшеніе заработной платы, замѣчаетъ онъ, говоритъ только объ увеличеніи или уменьшеніи цѣнности

---

1) A. Smith. т. 1, стр. 126.

продуктовъ, входящихъ въ составъ заработной платы, а не объ увеличеніи или уменьшеніи цѣнности труда. Съ точки зрѣнія человѣка нанимающаго трудъ, цѣнность послѣдняго измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ количества полезностей, отдаваемыхъ за трудъ; она бываетъ то больше, то меньше, смотря по тому, увеличивается или уменьшается это количество. Но эта точка зрѣнія нанимающаго трудъ въ данномъ случаѣ оказывается невѣрною, въ этомъ случаѣ необходимо сказать, говоритъ А. Смитъ, что измѣняется не цѣнность труда, но цѣнность товаровъ, уплачиваемыхъ за трудъ (1). Само собою раждается вопросъ отчего же необходимо такъ сказать, но на этомъ вопросѣ А. Смитъ не останавливается, хотя ясно, что игнорируя точкой зрѣнія нанимающаго трудъ, онъ уже отрицаетъ ту двойственность въ понятіи о существѣ мѣновой цѣнности, о которой прежде говорилъ. Между тѣмъ вслѣдъ за этимъ онъ принимаетъ и эту другую точку зрѣнія. Такъ онъ говоритъ: „*Въ обыкновенномъ смыслѣ*“ (dans acception vulgaire) можно сказать, что трудъ, подобно другимъ, товарамъ, имѣетъ реальную и номинальную цѣнность Реальная цѣнность состоитъ въ количествѣ товаровъ, получаемыхъ рабочимъ за его трудъ, номинальная состоитъ въ количествѣ денегъ, имъ получаемыхъ. Работникъ богатъ или бѣденъ, вознагражденъ хорошо или плохо, смотря по реальной, а не номинальной цѣнности своего труда“ (2). Ясно, что, говоря это, А. Смитъ отожествляетъ цѣнность труда съ заработной платой, называетъ цѣнностью труда количество товаровъ или денегъ, получаемыхъ рабочимъ, въ какомъ случаѣ цѣнность эта уже перестаетъ быть величиною вѣчно неизмѣнною: она увеличивается или уменьшается вмѣстѣ съ измѣненіемъ въ количествахъ этихъ товаровъ или денегъ. Пожертвованія досугомъ, свободой и благополучіемъ могутъ быть равны въ двухъ случаяхъ, но при неравенствѣ товаровъ или денегъ, получаемыхъ рабочимъ, цѣнность его труда уже

---

1) Ibid. 126—127.

2) A Smith, стр 127.

не тожественна въ обоихъ случаяхъ, что такъ настоятельно утверждалъ А. Смитъ прежде.

Подобныя противорѣчія встрѣчаются вообще во всей экономической системѣ А. Смита. Противорѣчія эти были неизбѣжны; признавъ одинъ разъ двойственность въ понятіи мѣновой цѣнности, которою только онъ и занимается въ своемъ изслѣдованіи, оставивъ въ сторонѣ цѣнности потребительную и производственную, А. Смиту, для избѣжанія противорѣчій, необходимо было отказаться отъ построенія общей теоріи явленій цѣнности. Констатируя и какъ бы возводя въ принципъ фактъ двойственности въ понятіи мѣновой цѣнности, не желая въ тоже время отказаться отъ построенія общей теоріи явленій цѣнности, избѣжать этихъ противорѣчій не мыслимо, такъ какъ въ самомъ основаніи теоріи кладется двойственность, какъ источникъ противорѣчій.

Вся теорія цѣнности А. Смита служитъ положительнымъ доказательствомъ того, что при возведеніи въ принципъ двойственности въ понятіи мѣновой цѣнности, отысканіе въ явленіяхъ цѣнности упорядочивающаго принципа, какъ закона, не мыслимо.

Если для пріобрѣтателя цѣнность есть зло, а для продавца благо, то интересы продажи и пріобрѣтенія прямо противоположны. Каждый какъ пріобрѣтатель, старается дать какъ можно меньше, какъ продавецъ, старается получить за свой товаръ какъ можно больше другихъ товаровъ. Каждый смотритъ на другаго какъ на врага, котораго необходимо побороть, иначе пострадаютъ собственные интересы. Экономической наукѣ приходится систематизировать эту борьбу, или, по выраженію О. Конта возвесть въ принципъ хозяйственную хаотичность интересовъ, приходится утверждать, что въ сферѣ мѣновыхъ отношеній господствуетъ произволъ, то или иное случайное экономическое положеніе мѣняющихся сторонъ. Основнымъ регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій должно быть признано относительное положеніе контрагентовъ обмѣна, должно быть признано безспорной аксіомой, что „цѣна возвышается соразмѣрно съ властью продавца и понижается соразмѣрно съ властью покупателя. Цѣны составляютъ предметъ постояннаго состязанія между покупателемъ

и продавцемъ, они суть оружіе, которымъ снабжены обѣ стороны. Съ одной стороны настоятельность требуемой услуги, а съ другой власть лица, нуждающагося въ услугѣ, дѣлать выборъ между большимъ или меньшимъ числомъ соискателей, готовыхъ оказать услугу—вотъ два элемента, которыми обусловливается цѣнность." (1) Говоря проще, должно быть признано безспорной истиной и вѣчнымъ закономъ обмѣна, что цѣна поднимается вмѣстѣ съ увеличеніемъ власти продавца и, слѣдовательно, вмѣстѣ съ увеличеніемъ зависимости отъ него пріобрѣтателя, и съ другой стороны, что цѣна понижается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ зависимости пріобрѣтателя отъ продавца.

Подобная систематизація хаотичности интересовъ не могла удовлетворить такого мыслителя, какъ А. Смитъ. Этотъ великій изслѣдователь ясно понималъ основное требованіе всякой истинной общественной науки, состоящее въ томъ, чтобы не смѣшивать явленія съ закономъ, факта съ принципомъ. И если требованіе это выполнено имъ неудовлетворительно, то это очень просто объясняется тѣмъ, что вопросъ о методѣ общественныхъ наукъ въ его время былъ далекъ отъ своего сколько нибудь удовлетворительнаго рѣшенія. А. Смитъ почти на каждомъ шагу своего изслѣдованія противополагаетъ естественный порядокъ экономическихъ отношеній порядку историческому или фактическому. Не находя научнымъ возведеніе факта въ принципъ, онъ по необходимости придумывалъ особый, естественный порядокъ отношеній, который бы могъ служить критеріемъ нормальности или ненормальности фактическаго. И при современномъ А. Смиту положеніи вопроса о методѣ общественныхъ наукъ, иной исходъ былъ не мыслимъ, коль скоро изслѣдователь не имѣлъ въ виду возведенія въ принципъ существовавшихъ фактовъ потому только, что они существовали. Этимъ противопоставленіемъ естественнаго порядка фактическому А. Смитъ говорилъ своимъ современникамъ что въ самой природѣ человѣка и его отношеній существуютъ извѣстные законы, которые должны быть осознаваемы и, по мѣрѣ

---

1) Г Маклеодъ Основ. пол. эк. стр. 104—105.

своего осознанія, проводимы въ жизнь; что междучеловѣческія отношенія, такимъ образомъ, не обречены по самой сущности своей анархіи; что послѣдняя представляетъ собою фактъ а не законъ. Противопоставленіемъ своимъ А. Смитъ какъ бы говорилъ то, что уже въ наше время было осознано и высказано Кетле о законоподчиненности общественныхъ явленій; только недостатокъ правильнаго метода былъ причиною, что А. Смитъ придумывалъ естественные законы, вмѣсто того, что бы открывать ихъ.

Отличая фактъ отъ принципа и не имѣя въ виду систематизаціи явленій только по причинѣ ихъ существованія, А. Смитъ не могъ сказать, что явленія цѣнности основаны на борьбѣ взаимно-противоположныхъ интересовъ, что въ сферѣ мѣновыхъ отношеній нѣтъ и не можетъ быть никакого упорядочивающаго принципа, отрицаніе котораго ясно требовалось признаніемъ двойственности въ существѣ понятія мѣновой цѣнности. И мы видимъ, что онъ не только не возводитъ въ принципъ хаотичности въ явленіяхъ цѣнности, но даже не противополагаетъ естественныхъ законовъ фактическому порядку, а прямо допускаетъ въ фактахъ цѣнности существованіе упорядочивающаго принципа.

Необходимо отличать, говоритъ онъ, (1) рыночную цѣнность отъ естественной. Всякая цѣна, при настоящемъ состояніи экономической продукціи, слагается изъ трехъ составныхъ элементовъ: изъ заработной платы, прибыли и ренты. Въ начальномъ состояніи общества, предшествовавшемъ наклоненію капиталовъ и обращенію въ собственность поземельныхъ участковъ, единственнымъ элементомъ было количество труда, необходимое для пріобрѣтенія продукта. Если для того, чтобы убить козу, необходимо было охотнику истратить два дня труда, между тѣмъ какъ бобръ могъ быть пойманъ въ одинъ день, то два бобра будутъ имѣть одинаковую цѣнность съ одной козой. Въ это время весь продуктъ труда принадлежалъ тому, кто произвелъ его. Съ накопленіемъ капиталовъ появился спросъ на чужой трудъ; человѣкъ,

---

1) A. Smith. т. 1. стр. 148—156.

владѣющій капиталомъ, получилъ возможность заказывать трудъ рабочему, давая ему во время работы матеріалъ и средства къ существованію. Въ такомъ состояніи продукціи изъ продукта труда одна часть идетъ въ вознагражденіе капиталиста за его услуги работнику, составляя прибыль на его капиталъ, и только другая часть достается на долю работника. Доходъ капиталиста въ этомъ случаѣ совершенно отличенъ отъ дохода, называемаго заработною платой. Прибыль не можетъ считаться вознагражденіемъ за трудъ надзора и управленія работами; единственное основаніе ея—употребленный въ дѣло капиталъ, почему она зависитъ отъ цѣнности этого капитала. Капиталистическая прибыль входитъ въ составъ цѣнности какъ совершенно самостоятельный элементъ, не зависящій отъ заработной платы.

Подобный же элементъ вносится и силами природы; элементъ этотъ называется рентою. Понятіе объ этомъ третьемъ элементѣ цѣнности у А. Смита слишкомъ неопредѣленно. Одинъ разъ онъ говоритъ, что рента есть результатъ монополіи, результатъ того, что земледѣльцы жнутъ тамъ, гдѣ не сѣяли, въ такомъ случаѣ, очевидно, рента можетъ быть только результатомъ цѣнности, сложенной изъ элементовъ заработной платы и прибыли, можетъ быть только вычетомъ опредѣленной доли изъ этой цѣнности. Другой разъ онъ утверждаетъ, что вовсе не знаютъ природы ренты тѣ, которые безразлично называютъ прибылью весь доходъ собственника земледѣльца. Въ этомъ случаѣ одна доля дохода добывается трудомъ, другая капиталомъ, а третья производительной силой земли, которая такимъ образомъ даетъ общественно, а не частнохозяйственный доходъ, называемый рентой. Очевидно, только въ этомъ послѣднемъ понятіи ренты можно считать ее третьимъ и самостоятельнымъ элементомъ цѣнности, что противорѣчитъ первому положенію.

Во всякомъ обществѣ, продолжаетъ развитіе своего взгляда А. Смитъ, (1) есть средняя величина указанныхъ элементовъ цѣнности. Цѣнность, сложенную изъ такихъ среднихъ элемен-

---

1) т. 1, стр. 156 и слѣд.

товъ, можно назвать естественною цѣнностью, которую необходимо отличать отъ рыночной. Рыночная цѣна товаровъ опредѣляется отношеніемъ между предложеніемъ ихъ на рынкѣ и требованіемъ со стороны людей, желающихъ пріобрѣсть ихъ и обладающихъ необходимыми для такого пріобрѣтенія средствами. Такое требованіе представляетъ собою реальный спросъ, который необходимо отличать отъ спроса вообще, напримѣръ отъ спроса со стороны нищаго на продукты, къ пріобрѣтенію которыхъ у него нѣтъ средствъ. Если предложеніе товаровъ меньше спроса, то потребители готовы заплотить выше естественной цѣны, соотвѣтствующей суммѣ составныхъ элементовъ въ ихъ средней величинѣ; въ этомъ случаѣ между покупателями возникаетъ конкурренція, вслѣдствіе вліянія которой рыночная цѣнность возвысится надъ естественною, смотря по ограниченности предложенія съ одной стороны и съ другой по богатству и желанію спрашивающихъ. Въ противоположномъ случаѣ, то есть когда спросъ меньше предложенія, возникаетъ конкурренція между продавцами, вслѣдствіе чего рыночная цѣна будетъ ниже естественной. Въ томъ случаѣ, когда предложеніе соотвѣтствуетъ реальному спросу, рыночная цѣнность вполнѣ совпадаетъ съ естественною. Предложеніе товаровъ по естественному закону стремится къ соотвѣтствію съ реальнымъ спросомъ. Происходитъ это такимъ образомъ: когда предложеніе товара превышаетъ существующій спросъ на него, то вслѣдствіе этого какой либо элементъ цѣнности—заробочая плата, прибыль, или рента—будетъ оплачиваться ниже обыкновеннаго средняго уровня. Если это случится на примѣръ съ рентой, то весьма естественно, землевладѣльцы будутъ производить меньше прежняго, такимъ образомъ уменьшится предложеніе товара, вслѣдствіе чего произойдетъ поднятіе рыночной цѣны до уровня естественной. На оборотъ, если рыночная цѣна будетъ выше естественной, интересы производителей потребуютъ увеличенія производства и вслѣдствіе увеличенія предложенія цѣнность понизится до своего естественнаго уровня. Такимъ образомъ естественная цѣнность представляетъ собою какъ бы центръ тяжести, къ которому постоянно тяготѣютъ рыночныя цѣны товаровъ. При обыкновенномъ положеніи дѣлъ, въ продол-

жительное время рыночная цѣнность не можетъ быть ни выше, ни ниже естественной цѣнности, такъ какъ вся сумма производительности естественно соразмѣряется съ реальнымъ спросомъ. Только особенныя обстоятельства могутъ препятствовать тяготѣнію рыночныхъ цѣнъ къ ихъ естественному центру и въ теченіи болѣе или менѣе значительнаго времени держать ихъ выше естественной цѣнности. Эти обстоятельства могутъ быть: или чисто случайныя, каковы секреты въ производствѣ товаровъ; или естественныя, каковы спеціальныя особенности мѣстностей; или наконецъ, общественныя, каковы привиллегіи, цехи и проч. Исключительныя привиллегіи, какъ и вообще всѣ законы, направленные къ ограниченію конкурренціи, могутъ въ продолженіи цѣлыхъ столѣтій въ опредѣленнаго рода промыслахъ удерживать рыночную цѣнность выше естественной.

Съ перваго взгляда можетъ легко показаться, что А. Смитъ такимъ образомъ отыскалъ упорядочивающій принципъ явленій цѣнности, необходимость отрицанія котораго требовалась признаніемъ противоположности интересовъ между продавцемъ и пріобрѣтателемъ. А. Смитъ по видимому отыскалъ то регулирующее начало, по которому борьба въ мѣновыхъ отношеніяхъ представляется только явленіемъ, а не закономъ, и притомъ явленіемъ временнымъ, не продолжительнымъ при обыкновенномъ теченіи дѣлъ. Предложеніе естественно соразмѣряется съ реальнымъ спросомъ, естественная цѣнность, въ которой интересы мѣняющихся сторонъ взаимно удовлетворяются, установливается сама собою въ силу этого естественнаго стремленія предложенія къ соотвѣтствію съ реальнымъ спросомъ. Всѣ рыночныя цѣны, опредѣляемыя борьбой, опредѣляемыя спросомъ и предложеніемъ, необходимо тяготѣютъ къ своему естественному центру, къ естественной цѣнности, ни выше, ни ниже которой продолжительное время онѣ стоять не могутъ. Взаимность интересовъ является общимъ закономъ, а борьба—временнымъ явленіемъ.

Къ сожалѣнію, это только иллюзія. Только съ перваго и поверхностнаго взгляда можетъ показаться, что А. Смитъ нашелъ выходъ изъ той двойственности и противоположности интересовъ, которую онъ констатировалъ въ своемъ опредѣленіи цѣнности.

Иллюзія разрушается самимъ же Смитомъ въ его дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ, именно въ изслѣдованіяхъ о томъ, чѣмъ обусловливается средній уровень составныхъ частей естественной цѣнности (1).

Естественное вознагражденіе работника за его трудъ. говоритъ А. Смитъ, есть продуктъ его труда. Въ первобытныхъ обществахъ весь этотъ продуктъ принадлежалъ работнику, но съ накопленіемъ капиталовъ и обращеніемъ земель въ частную собственность работникъ, получая матеріалъ для работы и содержаніе отъ другихъ лицъ, долженъ этимъ послѣднимъ уступить часть продукта въ вознагражденіе за ихъ услуги. Часть, получаемая изъ продукта труда работникомъ и называемая заработною платою, обыкновенно устанавливается договоромъ или соглашеніемъ между рабочимъ и капиталистомъ, между спрашивающими и предлагающими трудъ. Интересы тѣхъ и другихъ взаимно противоположны. Это интересы борьбы. Рабочіе стараются получить отъ хозяевъ какъ можно больше, а хозяева, напротивъ того, стараются дать какъ можно меньше; рабочіе составляютъ стачки для повышенія заработной платы, хозяева, на оборотъ, составляютъ стачки для ея пониженія. Не трудно видѣть, на которой сторонѣ обыкновенно должна оставаться побѣда въ этой борьбѣ. Хозяевамъ легче стакнуться, такъ какъ ихъ меньше и притомъ въ борьбѣ они могутъ дольше обойтись безъ рабочихъ, чѣмъ рабочіе безъ нихъ. Впрочемъ есть такой уровень заработной платы, ниже котораго въ теченіи продолжительнаго времени она стоять не можетъ. Работникъ долженъ содержать своимъ трудомъ не только себя, но также и семью, въ противномъ случаѣ родъ его ограничится однимъ поколѣніемъ. Это и есть тотъ минимумъ заработной платы, ниже котораго она не можетъ стоять долгое время.

Изъ этого видно, что, по ученію А. Смита, заработная плата—составной элементъ естественной цѣнности—опредѣляется конкурренціей, которою опредѣляется и рыночная цѣнность. Ясно что въ этомъ случаѣ естественная цѣнность перестаетъ быть

---

1) См. т. 1. гл. VIII, IX, XI

регулирующимъ принципомъ рыночной цѣнности, такъ какъ регуляторъ регулируется самимъ же регулируемымъ.

Впрочемъ А. Смитъ сдѣлалъ попытку хотя отчасти избѣжать этого логическаго круга, уничтожающаго все его ученіе о естественной цѣнности.

Есть обстоятельства, говоритъ онъ, подъ вліяніемъ которыхъ заработная плата можетъ стоять выше своего естественнаго минимума. Когда спросъ на трудъ возрастаетъ, то увеличивающаяся конкурренція между спрашивающими трудъ даетъ возможность рабочимъ поднять свою заработную плату. Спросъ на трудъ возрастаетъ вмѣстѣ съ возрастаніемъ народнаго богатства. На увеличеніе заработной платы имѣетъ большое вліяніе не столько размѣръ народнаго богатства, сколько его постоянной ростъ. Заработная плата высока не въ богатыхъ странахъ, но въ странахъ, богатство которыхъ растетъ; въ Англіи, поэтому, она ниже, нежели въ Сѣверо-Американскихъ Штатахъ. Когда экономическое положеніе общества неподвижно, то заработная плата постоянно понижается до минимума, вслѣдствіе увеличенія предложенія труда. Еще хуже положеніе ея въ обществахъ, экономическій бытъ которыхъ падаетъ. Здѣсь она можетъ пасть даже ниже своего естественнаго минимума. Заработная плата, стоящая выше своего естественнаго минимума, представляетъ собою и признакъ и результатъ увеличенія общественнаго благосостоянія. Заработная плата, болѣе или менѣе равная естественному минимуму, есть результатъ и признакъ неподвижнаго экономическаго состоянія; наконецъ та заработная плата, которая ниже минимума средствъ существованія, которая не гарантируетъ рабочаго отъ возможности умереть съ голоду, служитъ результатомъ и признакомъ экономическаго упадка страны.

Такимъ образомъ размѣръ заработной платы, по видимому, становится въ зависимость отъ общаго положенія страны, а не отъ конкурренціи. Но и это иллюзія; говоря, что размѣръ заработной платы есть необходимое послѣдствіе экономическаго состоянія, движенія, упадка или застоя его, А. Смитъ это вліяніе общественнаго состоянія на заработную плату ставитъ въ зависимость отъ конкурренціи, отъ борьбы то между спрашивающими

и предлагающими, то порознь или въ сферѣ спрашивающихъ, или въ сферѣ предлагающихъ трудъ. Конкурренція взаимно противоположныхъ интересовъ все таки остается общимъ правиломъ, а не исключеніемъ, регуляторъ рыночныхъ цѣнъ, опредѣляемыхъ конкурренціей, этою „грубою справедливостью," какъ выражается Смитъ, разрушается самимъ же Смитомъ.

Подобно заработной платѣ и прибыль капиталиста, по его ученію, опредѣляется тою же „грубою справедливостью," которая называется конкурренціей.

Увеличеніе или уменьшеніе прибыли, говоритъ онъ, зависитъ отъ тѣхъ же причинъ, которыми обусловливаются размѣры заработной платы, но причины эти иначе вліяютъ на заработную плату, чѣмъ на прибыль. Относительно заработной платы накопленіе капиталовъ сопровождается ея увеличеніемъ, на прибыль же капиталиста оно вліяетъ противоположнымъ образомъ. Вслѣдствіе увеличенія соперничества между капиталистами, накопленіе капиталовъ влечетъ за собою пониженіе прибыли. Когда подъ вліяніемъ какихъ либо обстоятельствъ въ данномъ обществѣ уменьшается количество капиталовъ, назначенныхъ на производство, то заработная плата уменьшится, между тѣмъ какъ прибыль на капиталъ въ тоже время увеличится. При уменьшеніи заработной платы капиталисты получаютъ возможность производить продукты дешевле прежняго и вмѣстѣ съ тѣмъ продавать эти продукты дороже прежняго, такъ какъ съ уменьшеніемъ количества капиталовъ уменьшается конкурренція между капиталистами, какъ продавцами. Въ разворенныхъ странахъ очень легко наживаются огромныя имущества; производители капиталисты, живущіе въ такихъ странахъ, дешево производятъ и дорого продаютъ свои продукты. На оборотъ, при увеличеніи капиталовъ, вслѣдствіе усиленія конкурренціи между капиталистами, заработная плата увеличивается, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается прибыль. Капиталисты, заключаетъ изъ этого А. Смитъ, являются заинтересованными въ уменьшеніи общественнаго благосостоянія, ихъ интересы и интересы общества взаимно противоположны.

Точно также, по его ученію, опредѣляется конкурренціей и третій составной элементъ естественной цѣнности,—рента.

Поземельная рента, говоритъ онъ, есть монопольная цѣнность, платимая за пользованіе силами природы. Плата эта обусловливается спросомъ на продукты; есть продукты, относительно которыхъ спросъ постоянно существуетъ и которые постоянно приносятъ ренту ихъ владѣльцу; но есть и такіе продукты, въ отношеніи къ которымъ спросъ не имѣетъ постоянства и которые не всегда приносятъ ренту. Такъ какъ населеніе увеличивается въ пропорціи имѣющихся средствъ существованія, то на эти средства спросъ постоянно существуетъ и они постоянно приносятъ ренту. Улучшенія, сопровождающіяся усиленіемъ производительности земли, увеличиваютъ ренту, такъ какъ часть продуктовъ, составляющихъ ее, увеличивается вмѣстѣ съ увеличеніемъ общаго количества земледѣльческихъ продуктовъ. Интересъ землевладѣльцевъ вполнѣ солидаренъ съ интересомъ всего общества; своимъ личнымъ интересомъ землевладѣльцы заинтересованы въ общественныхъ улучшеніяхъ.

Мы уже замѣтили, что взглядъ А. Смита на ренту отличается большою неопредѣленностью. Въ словахъ только что приведенныхъ онъ доказываетъ солидарность интересовъ землевладѣльцевъ и общества. Но рядомъ съ этимъ мы встрѣчаемъ у Смита діаметрально противоположное воззрѣніе. Рента, говоритъ онъ, входитъ въ составъ цѣнности совершенно иначе, нежели капиталистическая прибыль и заработная плата. Въ то время какъ увеличеніе или уменьшеніе прибыли и заработной платы ведетъ къ увеличенію или уменьшенію цѣнности, увеличеніе или уменьшеніе ренты представляетъ собою слѣдствіе увеличенія или уменьшенія цѣнности. Высокая рента не причина высокихъ цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ, а совершенно на оборотъ, она представляетъ собою результатъ высокихъ цѣнъ. Рента есть слѣдствіе цѣнности, а не причина ея. Съ увеличеніемъ населенія увеличивается спросъ на продукты отъ земли, положеніе землевладѣльцевъ монополизируется и они получаютъ возможность „жать тамъ, гдѣ не сѣяли.“ Ясно, что интересъ людей, жнущихъ тамъ, гдѣ не сѣяли, не можетъ быть названъ солидарнымъ съ интересомъ сѣющихъ. Но какъ не противорѣчитъ въ этомъ случаѣ А. Смитъ самъ себѣ, въ обоихъ случаяхъ размѣръ ренты, по

его ученію, опредѣляется конкурренціей, опредѣляется тою же „грубою справедливостью," которой подчинены и рыночныя цѣны.

Изъ этого мы видимъ, что всѣ составныя части естественной цѣнности опредѣляются конкурренціей; естественная цѣнность, поэтому, ничѣмъ не отличается отъ рыночной и слѣдовательно не можетъ быть регулирующимъ принципомъ послѣдней. То правило, по которому пріобрѣтатель желаетъ дать за чужой продуктъ какъ можно меньше, а продавецъ желаетъ получить какъ можно больше,—въ силу того, что для перваго цѣнность есть зло, а для втораго благо,—остается общимъ правиломъ всѣхъ явленій мѣновой цѣнности; попытка Смита найти упорядочивающій принципъ для этихъ явленій оказывается не удовлетворительною. Признавъ одинъ разъ двойственность въ существѣ понятія мѣновой цѣнности, А. Смитъ уже не могъ найти такого принципа; двойственность мѣновыхъ интересовъ на каждомъ шагу препятствовала этому. Одинъ разъ признавъ двойственность интересовъ, А. Смитъ уже не могъ избѣжать ея не только въ дальнѣйшемъ развитіи теоріи мѣновой цѣнности, но и во всѣхъ остальныхъ вопросахъ своей экономической системы. Между тѣмъ самъ же онъ приводитъ много данныхъ, разрушающихъ эту двойственность.

Такъ, констатировавъ фактъ противоположности интересовъ капиталиста и рабочихъ, онъ въ то же время не могъ не замѣтить, что эта противоположность скорѣе убыточна для обѣихъ сторонъ, чѣмъ полезна.

Достаточная заработная плата, справедливо говоритъ онъ, поощряетъ рабочаго къ труду; трудъ улучшается въ пропорціи увеличенія заработней платы. Достаточная пища укрѣпляетъ силы рабочаго, а пріятная надежда улучшить свое состояніе и быть можетъ окончить свои дни въ довольствѣ побуждаетъ къ возможно большему напряженію этихъ силъ. Вотъ почему въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ заработная плата высока, рабочіе отличаются трудолюбіемъ, энергіей и искусствомъ, качествами рѣдкими между рабочими странъ, въ которыхъ заработная плата незначительна [1]).

---

[1]) A. Smith, т. I. стр. 192—193. На этомъ же основаніи А. Смитъ доказываетъ, что свободный трудъ дешевле подневольнаго (Ibid.).

Увеличеніе заработной платы должно сопровождаться увеличеніемъ цѣны товаровъ, вслѣдствіе чего это увеличеніе имѣетъ тенденціей уменьшеніе потребленія. Но тенденція эта нейтрализуется дѣйствіемъ той-же самой причины, которая вызвала увеличеніе заработной платы. Увеличеніе капиталовъ, сопровождаемое увеличеніемъ заработной платы, улучшаетъ трудъ, дѣлаетъ его болѣе производительнымъ, вслѣдствіе чего это увеличеніе заработной платы болѣе чѣмъ вознаграждается увеличеніемъ производительности труда и вмѣсто увеличенія цѣнъ оно ведетъ къ ихъ уменьшенію [1]).

Точно также замѣтивъ, что рента есть результатъ того, что землевладѣльцы жнутъ тамъ, гдѣ не сѣяли, А. Смитъ, какъ мы видѣли, замѣтилъ въ то же время и фактъ солидарности интересовъ землевладѣльца съ интересами всего общества.

А. Смитъ имѣлъ много данныхъ, по которымъ могъ судить о недостаточности теоріи хаотичности интересовъ, но въ то же время онъ не могъ оріентироваться въ массѣ разнообразныхъ фактовъ, допускаетъ и одно и другое, первому противоположное положеніе, противорѣчитъ самъ себѣ, разрушаетъ свои собственныя положенія. Двойственность въ воззрѣніи на существо мѣновой цѣнности требовала признанія противоположности интересовъ и вообще въ сферѣ мѣновыхъ отношеній, ясно требовала отрицанія всякаго регулирующаго принципа въ этой сферѣ, согласиться съ чѣмъ А. Смитъ не могъ; но тѣмъ не менѣе всѣ попытки его отыскать такой принципъ были безуспѣшны, нежелаемая хаотичность интересовъ все-таки оказалась признанною, какъ это и требовалось двойственностью въ понятіи мѣновой цѣнности. И хаотичность эта еще болѣе увеличалась тѣмъ, что А. Смитъ ясно видѣлъ и поэтому констатировалъ факты ей противорѣчащіе. Въ этомъ отношеніи трудъ А. Смита имѣетъ весьма важное значеніе. Трудъ этотъ служитъ положительнымъ доказательствомъ невозможности построенія не только общей теоріи цѣнности, но и сколько нибудь логически послѣдовательной всей экономической системы, при возведеніи въ принципъ двойственности въ понятіи мѣновой

---

[1]) т. I., стр. 198.

цѣнности. Выходъ изъ этихъ противорѣчій въ понятіи цѣнности составляетъ насущную потребность политической экономіи, иначе эта наука никогда не выйдетъ изъ того періода въ своемъ развитіи, въ которомъ она находится со времени А. Смита и по настоящее время, и по которому она представляется всякому безпристрастному человѣку сборникомъ разнообразныхъ взаимно-противорѣчивыхъ теорій, принимаемыхъ ихъ авторами за непреложныя истины.

Мы видѣли, что А. Смитъ въ своемъ изслѣдованіи занимается исключительно мѣновою цѣнностью, почти не замѣтивъ понятія о цѣнности съ точки зрѣнія производства и сказавъ едва нѣсколько словъ о потребительной цѣнности. Одинъ изъ ближайшихъ его учениковъ, Шторхъ подробно развилъ ученіе о цѣнности съ точки зрѣнія потребленія. Къ изложенію и критическому разбору этого ученія мы и переходимъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА III.

Присущая вещамъ способность удовлетворять потребность, говоритъ Шторхъ [1]), называется полезностью. Полезность вещи открывается или осознается людьми, что зависитъ отъ ихъ мыслительныхъ способностей. Правда, инстинктъ, опытъ, случай иногда замѣняютъ мыслительныя способности, но въ вопросѣ о поддержаніи жизни надѣяться на одинъ инстинктъ недостаточно, а опытъ и случай, не руководимые разумомъ, сами не будутъ надежными руководителями. Разумъ составляетъ понятіе объ отношеніи между полезностями и потребностями. Сужденіе нашего мышленія, приписывающее вещамъ полезность, производитъ ихъ цѣнность. Для возникновенія цѣнности недостаточно, чтобы вещь существовала или могла быть полезною, но необходимо, чтобы человѣкъ узналъ ея полезность. Отсюда вытекаетъ то существенно важное положеніе, что источникъ цѣнности не въ самой вещи, но въ суж-

---

[1]) H. Storch. Cours d'économie politique, гл. III, introduction.

денін тѣхъ, которые употребляютъ ее для удовлетворенія своихъ потребностей. Каждая вещь, обладающая цѣнностью, есть результатъ дѣятельности или силъ природы, или человѣка, полезность ея есть результатъ только этихъ силъ, но можно-ли на этомъ основаніи утверждать, что каждый продуктъ труда или силъ природы имѣетъ цѣнность? Для существованія цѣнности необходима наличность трехъ условій: 1) необходимо, чтобы человѣкъ чувствовалъ какую либо потребность; 2) необходимо, чтобы существовала годная къ удовлетворенію этой потребности вещь; 3) необходимо, чтобы человѣкъ осозналъ полезность вещи. Что же такое цѣнность? Цѣнность есть сравнительная полезность вещи, осознанная людьми, употребляющими эту вещь для удовлетворенія своихъ потребностей [1]).

Коль скоро мы произносимъ сужденіе [2]), что вещь можетъ служить къ удовлетворенію потребностей, то мы тѣмъ самымъ придаемъ вещи цѣнность. Послѣдняя не есть что либо прирожденное вещи, источникъ ея въ нашемъ сужденіи о полезности. Даже предметы первой необходимости заимствуютъ свою цѣнность изъ того же источника. Правда, они служатъ къ удовлетворенію потребностей, возникновеніе которыхъ независимо отъ нашего сужденія, но представленіе наше о полезности этихъ предметовъ вполнѣ зависитъ отъ нашего сужденія. Питаніе—это потребность которой нельзя назвать продуктомъ нашего познанія, но коль скоро я избираю для прокормленія тотъ или другой предметъ, приписываю ему способность удовлетворять мою потребность, то цѣнность такого предмета опредѣляется моимъ сужденіемъ. Необходимо отличать цѣнность безотносительную отъ относительной. Воздухъ, свѣтъ, вода имѣютъ безотносительную цѣнность, независящую отъ нашего сужденія [3]). Каждый предметъ, удовлетворяющій потребность, можетъ временно перейти въ разрядъ без-

---

[1]) La valeur des choses, c'est leur utilité relative, celle que leur reconnaissent les persones qui les emploient à satisfaire leurs besoins, т. I. стр. 49.

[2]) Ibid. гл. IV.

[3]) C'est de ces choses, mais ce n'est que d'elles aussi, qu'on peut dir e qu'elles ont une valeur absolue et tout-à-lait indépendante de l'opinion, Ibid., стр. 55.

относительныхъ цѣнностей, когда нѣтъ выбора между разными предметами, которые могли бы служить къ удовлетворенію потребности. Никто не приписываетъ безотносительной цѣнности хлѣбу, такъ какъ свою способность къ удовлетворенію потребности онъ раздѣляетъ со множествомъ другихъ продуктовъ. Но въ той странѣ, въ которой жители въ своемъ существованіи зависятъ исключительно отъ этой растительной пищи, хлѣбъ получаетъ значеніе безотносительной цѣнности, такъ какъ не можетъ быть замѣненъ какимъ либо другимъ кормомъ и сужденіе наше не можетъ въ этомъ случаѣ дѣлать никакого выбора.

Такъ какъ источникъ цѣнности сужденіе, то цѣнность не можетъ быть величиною постоянною. Сужденіе наше не можетъ измѣнять потребностей врожденныхъ, но онѣ сами по себѣ не всегда и не вездѣ одинаковы. Въ умѣренныхъ странахъ потребность въ средствахъ къ прокормленію можетъ быть удовлетворена несравненно меньшимъ количествомъ этихъ средствъ, чѣмъ въ странахъ холодныхъ. И другія врожденныя потребности точно также измѣняются по мѣстностямъ. Есть мѣстности, въ которыхъ можно вовсе обойтись безъ одежды, домовъ и топлива; въ другихъ мѣстностяхъ, напротивъ того, эти предметы являются также настоятельными, какъ хлѣбъ. Если наши врожденныя потребности не одинаковы, то тѣмъ болѣе не можетъ быть тожественнымъ наше сужденіе о средствахъ удовлетворенія этихъ потребностей. Сужденіе въ этомъ случаѣ не только различно въ различныхъ странахъ, но измѣняется въ одной и той-же странѣ въ различныя эпохи. Народъ, привыкшій къ однимъ средствамъ удовлетворенія потребностей, можетъ перемѣнить эти средства на другія, коль скоро найдетъ послѣднія болѣе полезными. Если когда-либо въ Индіи распространится христіанство, то населеніе перестанетъ отвращаться отъ мяса. Развитіе земледѣлія въ Камчаткѣ измѣнитъ средства прокормленія жителей, которые вмѣсто рыбы будутъ потреблять хлѣбъ и мясо. Наконецъ, что касается искусственныхъ потребностей, то здѣсь были бы излишними доказательства, что цѣнность средствъ удовлетворенія ихъ постоянно измѣняется, такъ какъ сами эти потребности представляютъ собою результатъ нашего сужденія.

Затѣмъ Шторхъ отличаетъ цѣнности непосредственную и посредственную или мѣновую [1]). Вещи, говоритъ онъ, могутъ служить человѣку двоякимъ образомъ, — непосредственно, когда потребляются для удовлетворенія потребности, посредственно когда обмѣниваются на другіе предметы. Въ первомъ случаѣ вещь имѣетъ непосредственную цѣнность, во второмъ посредственную. Послѣдняя цѣнность находится въ естественной связи съ первою. Дикарь охотникъ убиваетъ столько дичи, что не можетъ всего потребить самъ прежде, нежели она испортится; если бы онъ не имѣлъ возможности промѣнять свою лишнюю дичь на другіе предметы своего потребленія, то не приписывалъ бы ей никакой цѣнности; для него лишняя дичь не имѣла бы никакой полезности. Другой охотникъ имѣетъ болѣе, нежели ему нужно, стрѣлъ и желаетъ промѣнять ихъ на готовую дичь; тогда возникаетъ посредственная цѣнность для дичи, пропорціональная той, какую охотникъ приписываетъ своимъ стрѣламъ. Вещи, годныя къ промѣну на другія, обладаютъ цѣнностью посредственною или мѣновою. Легко замѣтить, что мѣновая цѣнность зависитъ не отъ предложенія, но отъ спроса. Напрасенъ трудъ книгопродавца, который бы старался продать свои книги въ деревнѣ, гдѣ не умѣютъ читать; книги въ такой деревнѣ не будутъ имѣть никакой мѣновой цѣнности, такъ какъ ихъ никто не спрашиваетъ. Для того, чтобы вещь была спрашиваема, необходимо, чтобы она имѣла непосредственную цѣнность; никто-же не будетъ спрашивать безполезной вещи. Изъ этого видно, что непосредственная цѣнность можетъ существовать безъ мѣновой, но послѣдняя необходимо основывается на первой. Изъ этого же въ свою очередь видно, что мѣновая цѣнность каждаго предмета не можетъ быть выше непосредственной цѣнности. Коль скоро потребитель вещи перестанетъ приписывать ей непосредственную цѣнность, мѣновая цѣнность ея исчезаетъ.

Цѣнность Шторхъ отличаетъ отъ цѣны. Цѣна, говоритъ онъ [2]), есть болѣе точное означеніе цѣнности. Когда чай и сукно могутъ взаимно промѣниваться, то обладаютъ мѣновою цѣнностью.

---

[1]) Cours d'econ pol. гл. VI introduction.

[2]) Cours d'econ pol. гл. VII.

Но когда за опредѣленное количество сукна даютъ опредѣленное количество чаю, тогда обозначается степень мѣновой цѣнности, которую мѣняющіяся стороны приписываютъ своимъ товарамъ. Эта то степень мѣновой цѣнности и называется цѣною. Но есть и другая разница между цѣною и мѣновою цѣнностью. Послѣдняя зависитъ исключительно отъ спроса на товаръ, но цѣна зависитъ какъ отъ спроса, такъ и предложенія, то есть отъ взаимнаго уравненія ихъ. Если бы цѣна зависѣла только отъ спроса, то была бы величиною произвольною, но такая произвольность уничтожается зависимостью цѣны отъ спроса и предложенія въ одно и то же время, вслѣдствіе чего всякая цѣна имѣетъ постоянное основаніе, къ которому тяготѣетъ и удалиться отъ котораго на долгое время не можетъ, потому, что за этимъ послѣдовало бы измѣненіе въ предложеніи товара [1]). Основаніе это—издержки производства, то есть затраты, которыя необходимо употребить прежде, нежели товаръ можетъ быть доставленъ на рынокъ. Эти издержки составляютъ необходимую цѣну (le prix nécessaire) предмета, которую А. Смитъ называетъ естественною цѣнностью. Производитель не захочетъ продать свой продуктъ ниже этой цѣны, такъ какъ понесетъ очевидную потерю; если иной разъ и будетъ принужденъ взять меньшую цѣну, то не захочетъ болѣе производить продуктовъ, не оплачивающихъ даже издержекъ. Никто не станетъ заниматься такимъ производствомъ, которое причиняетъ болѣе ущерба, чѣмъ выгоды. Опредѣливъ, что такое необходимая цѣна, намъ уже легко точнѣе обозначить ея зависимость отъ спроса и предложенія. Товаръ тогда спрашивается, когда предлагаемая за него цѣнность равна необходимой цѣнѣ. Такъ какъ необходимая цѣна разнообразна, вслѣдствіе разнообразныхъ условій мѣстности и времени, то изъ двухъ людей, имѣющихъ въ предложеніи одинаковый товаръ, тотъ будетъ имѣть большій сбытъ для товара, кто можетъ продать за меньшую необходимую цѣну;

---

[1]) Si les prix des marchandises dépendaient uniquement de la demande, ils seraient purement arbitraires; mais étant l'effet combiné de l'offre et de la demande, ils ont une base fixe vers laquelle ils tendent toujours, et dont ils ne peuvent dévier long-temps sans faire cesser l'offre. Ibid. стр. 73.

въ послѣднемъ случаѣ онъ будетъ имѣть больше покупателей. Если бы предложеніе товара всегда было въ соотвѣтствіи съ спросомъ, тогда бы всѣ товары промѣнивались по необходимой цѣнѣ. Но равновѣсіе спроса и предложенія въ дѣйствительности рѣдко бываетъ. Съ одной стороны постоянно измѣняется спросъ товаровъ, соотвѣтственно количеству разнообразныхъ потребностей потребителей, съ другой стороны подлежитъ постояннымъ измѣненіямъ и предложеніе. Изъ этого слѣдуетъ, что цѣна есть результатъ постоянной борьбы между спрашивающими и предлагающими товаръ. Каждая изъ этихъ сторонъ стремится къ противоположнымъ цѣлямъ, не обращаетъ вниманія на потери другой, но ищетъ личной выгоды. Согласіе между ними можетъ наступить только тогда, когда разница въ цѣнѣ будетъ подѣлена между ними пропорціонально ихъ силамъ. Такимъ путемъ устанавливается цѣна, которая обыкновенно называется рыночною или торговою (le prix courant ou le prix de marché).

Уясняя значеніе спроса и предложенія, Шторхъ отличаетъ объемъ (l'étendue) какъ въ спросѣ, такъ и въ предложеніи, отъ интенсивности ихъ (l'énergie). Съ точки зрѣнія объема спросъ и предложеніе могутъ быть размѣровъ большихъ и малыхъ; съ точки зрѣнія интенсивности могутъ быть разсматриваемы, какъ обладающія крѣпостью или слабостью. Что касается объема, то предложеніе и спросъ всегда находятся въ равновѣсіи, слѣдовательно въ этомъ отношеніи торговая цѣна всегда равняется необходимой цѣнѣ. Но когда спросъ становится сильнымъ или слабымъ, то тотчасъ же къ борьбѣ между спрашивающими и предлагающими присоединяется борьба или между самими предлагающими, желающими сбыть свой товаръ, вслѣдствіе чего цѣна понижается, или между спрашивающими, желающими пріобрѣсть товаръ, вслѣдствіе чего цѣна возвышается. Сильный спросъ производитъ конкурренцію между спрашивающими, слабый производитъ тоже между предлагающими товаръ. Сила каждой изъ этихъ сторонъ находится въ обратно пропорціональномъ отношеніи съ числомъ ихъ членовъ и настоятельностью потребности въ обмѣнѣ. Число членовъ усиливаетъ конкурренцію между лицами, преслѣдующими одну и туже цѣль, а настоятельность потребно-

сти принуждаетъ ихъ соглашаться на условія заключенія торга. Сильный спросъ служитъ признакомъ излишка спроса товара надъ его предложеніемъ, вслѣдствіе чего не всѣ спрашивающіе могутъ пріобрѣсть желаемый ими товаръ. Болѣе богатые изъ нихъ, или чувствующіе большую настоятельность потребности въ товарѣ предлагаютъ болѣе высокую цѣну. Съ другой стороны и предлагающіе, замѣтивъ конкурренцію въ сферѣ спрашивающихъ, требуютъ болѣе высокую цѣну. Такимъ образомъ торговая цѣна становится выше необходимой. Слабый спросъ служитъ признакомъ излишка предложенія надъ спросомъ, вслѣдствіе чего не всѣ товары могутъ быть сбыты по необходимой цѣнѣ. Часть ихъ должна быть продана лицамъ, желающимъ пріобрѣсть ихъ по уменьшенной цѣнѣ. Цѣна этой части должна вліять и на уменьшеніе цѣны остальныхъ товаровъ. Такимъ образомъ торговая цѣна становится меньше необходимой. Цѣна подчинена всеобщему закону, по которому она увеличивается, когда спросъ сильнѣе предложенія, и уменьшается, когда предложеніе больше спроса. Цѣна опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ; если отношеніе между ними остается неизмѣннымъ, то остается неизмѣнною и цѣна. На этомъ основаніи одинаковыя измѣненія въ спросѣ и предложеніи остаются безъ вліянія на цѣну, такъ какъ при этомъ не измѣняется отношеніе между спросомъ и предложеніемъ. Но при всѣхъ колебаніяхъ своихъ торговая цѣна постоянно тяготѣетъ къ необходимой. Если она ниже послѣдней, то уменьшается предложеніе; если выше, то предложеніе увеличивается, вслѣдствіе чего и установливается равновѣсіе. Нарушеніе этого равновѣсія въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени можетъ произойти только подъ вліяніемъ монополій, какъ естественныхъ, такъ и искуственныхъ, стѣсняющихъ свободу производства. Разница торговой цѣны сравнительно съ необходимою, или то, что предлагающій получаетъ болѣе, нежели стоило производство товара, составляетъ его прибыль. Превышеніе необходимой цѣны надъ торговою составляетъ потерю продавца.

Такимъ образомъ, по ученію Шторха, цѣнность есть полезность вещи, признанная человѣческимъ сужденіемъ. Между

цѣнностями необходимо различать: безотносительную и относительную, непосредственную и посредственную или мѣновую. Послѣдняя въ свою очередь можетъ быть разсматриваема или какъ общая способность къ посредственному удовлетворенію потребностей, или какъ выраженная въ опредѣленномъ количествѣ получаемыхъ въ обмѣнъ товаровъ, въ какомъ случаѣ мѣновая цѣнность является цѣною, которая опредѣляется издержками производства и отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ.

Въ этомъ ученіи Шторха мы находимъ всѣ научныя данныя, на основаніи которыхъ одностороннее воззрѣніе на цѣнность съ точки зрѣнія потребленія не можетъ быть принято въ наукѣ. Можно сказать, что самъ Шторхъ видѣлъ невозможность подведенія всѣхъ явленій цѣнности къ полезности, по крайней мѣрѣ мы не видимъ иныхъ основаній этого дѣленія цѣнностей на безотносительныя и относительныя, непосредственныя и посредственныя. Подраздѣленія эти вызваны невозможностью подведенія всѣхъ существующихъ явленій цѣнности къ потребительной цѣнности, какъ полезности. Дѣйствительно, безотносительныя, относительныя и непосредственныя цѣнности еще могутъ быть отожествляемы съ полезностью, но такія цѣнности могутъ существовать или на низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, или же только въ тѣхъ или иныхъ частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ случаяхъ на высшихъ ступеняхъ экономическаго быта. Между тѣмъ относительно посредственной цѣнности, какъ полезности, самъ Шторхъ замѣчаетъ, что она опредѣляется издержками производства и закономъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Полезность можно было бы признать основнымъ регуляторомъ цѣнности только въ томъ случаѣ, если бы актъ потребленія находился внѣ всякой зависимости отъ актовъ обмѣна и производства. Съ появленіемъ такой зависимости, говоря словами Шторха, возникаетъ посредственная цѣнность, не зависящая отъ полезности. Это прекрасно уяснено самимъ же Шторхомъ, замѣтившимъ, что цѣнности безотносительныя, относительныя и непосредственныя, отожествляемыя имъ съ полезностью, *зависятъ только отъ спроса*, а посредственныя цѣнности опредѣляются отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, что

ведетъ къ зависимости ихъ отъ издержекъ производства. При слабомъ развитіи раздѣленія занятій и обмѣна, когда общество не было экономическимъ организмомъ, въ которомъ всѣ части связаны между собою законами единенія различій и сходствъ, въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ вещь цѣнилась по ея полезности. Въ это время можно было съ полною основательностью утверждать, что не хозяйственный трудъ привлекаетъ къ себѣ цѣнность, а на оборотъ, цѣнность, какъ полезность вещи для хозяйства, привлекаетъ къ себѣ хозяйственный трудъ, причемъ размѣры послѣдняго опредѣляются размѣрами потребительнаго значенія вещи для хозяйства. Такова безотносительная цѣнность Шторха. Человѣкъ приписываетъ безотносительную цѣнность хлѣбу, когда продуктъ этотъ не можетъ быть замѣненъ никакимъ другимъ питательнымъ веществомъ. Цѣнность его въ данномъ случаѣ будетъ опредѣляться его полезностью, измѣряемою настоятельностью потребности. Чѣмъ настоятельнѣе нужда въ хлѣбѣ, тѣмъ большую полезность онъ имѣетъ въ данное время для хозяйства и *поэтому* человѣкъ тѣмъ больше употребляетъ хозяйственнаго труда для пріобрѣтенія этого продукта. Такое же значеніе имѣютъ и цѣнности относительная и непосредственная. Имѣя возможность выбора между продуктами, удовлетворяющими потребность, человѣкъ останавливается на продуктѣ болѣе полезномъ, удовлетворяющемъ потребность полнѣе и лучше и приписываетъ ему большую цѣнность въ сравненіи съ продуктами, обладающими меньшею способностью къ удовлетворенію потребности и слѣдовательно менѣе полезными. Весьма естественно, что продуктъ болѣе полезный привлекаетъ къ себѣ и большее количество хозяйственнаго труда и такимъ образомъ цѣнность опредѣляется не хозяйственнымъ трудомъ, а на оборотъ, цѣнность, какъ полезность, привлекаетъ къ себѣ хозяйственный трудъ. Непосредственная цѣнность можетъ быть или безотносительною или относительною, вслѣдствіе чего сказанное объ этихъ послѣднихъ цѣнностяхъ вполнѣ прилагается и къ непосредственной цѣнности. Шторхъ вполнѣ правъ утверждая, что цѣнности безотносительная, относительная и непосредственная въ своихъ размѣрахъ опредѣляются полезностью, какъ потребительнымъ значеніемъ

вещи для хозяйства Вполнѣ вѣрно также, что мѣновая цѣнность не зависитъ отъ полезности, что только въ изолированномъ хозяйствѣ цѣнность исключительно зависитъ отъ спроса, а въ мѣновомъ отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, вслѣдствіе чего мѣновая цѣнность имѣетъ центръ, къ которому постоянно тяготѣетъ. Если же мѣновая цѣнность зависитъ отъ спроса и предложенія, что въ среднемъ выводѣ, по ученію Шторха, приводитъ къ зависимости ея отъ издержекъ производства, то полезность продукта можетъ оставаться безъ измѣненій, между тѣмъ какъ мѣновая цѣнность его при измѣненіяхъ въ издержкахъ необходимыхъ для его производства, какъ и при измѣненіяхъ въ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ, можетъ измѣняться. Продуктъ, производимый при усовершенствованной техникѣ меньшимъ количествомъ издержекъ, вслѣдствіе этой большей легкости въ его производствѣ нисколько не теряетъ своей полезности, между тѣмъ какъ цѣнность его уменьшается пропорціонально увеличенію этой легкости производства. Но Шторхъ не замѣтилъ, что въ мѣновомъ хозяйствѣ нѣтъ мѣста для его цѣнностей безотносительной, относительной и непосредственной. Общественность въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей въ развитомъ мѣновомъ хозяйствѣ подчиняетъ себѣ и домашнее производство, которое должно быть разсматриваемо какъ одна изъ составныхъ частей общаго народнаго хозяйства органически связанная съ цѣлымъ Если въ общемъ мѣновомъ хозяйствѣ цѣнность перестаетъ быть въ зависимости отъ одного спроса, слѣдовательно перестаетъ быть величиною постоянно колеблющеюся, неопредѣленною, зависящею отъ настоятельности потребности въ данномъ продуктѣ, то этоже нужно сказать и объ явленіяхъ цѣнности въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ. Когда цѣнность опредѣляется однимъ спросомъ, тогда производитель можетъ приписывать самую высокую цѣнность предмету, на производство котораго затрачены издержки въ самомъ ничтожномъ размѣрѣ; все здѣсь обусловливается съ одной стороны настоятельностью спроса и съ другой годностью предмета къ удовлетворенію потребности. Но въ мѣновомъ хозяйствѣ, какъ основательно замѣтилъ Шторхъ производитель не захочетъ продать свой продуктъ ниже необхо-

димой цѣны, въ народномъ хозяйствѣ появляется центръ, которымъ регулируются рыночныя цѣны. Очевидно же, если въ данномъ обществѣ мѣновая цѣнность перестаетъ регулироваться полезностью и въ среднемъ выводѣ начинаетъ подчиняться закону издержекъ производства, когда происходитъ уравненіе спроса и предложенія, то этотъ же законъ становится регулирующимъ принципомъ цѣнности въ каждомъ отдѣльномъ хозяйствѣ. Если продуктъ стоитъ въ обществѣ *b* цѣнности, то такую же цѣнность будетъ приписывать ему и всякій отдѣльный хозяинъ; онъ не будетъ приписывать продукту цѣнности больше *b* на томъ основаніи, что во всякое время можетъ пріобрѣсть именно за эту цѣну такой продуктъ отъ другихъ людей. Какова бы ни была его потребность въ продуктѣ, продукту этому онъ не станетъ приписывать цѣнность не соотвѣтствующую издержкамъ производства, такъ какъ во всякое время можетъ пріобрѣсть желаемый продуктъ за цѣну, пропорціональную этимъ издержкамъ. Если въ обществѣ цѣнность становится въ зависимость отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ и издержекъ производства, то и во всякомъ отдѣльномъ хозяйствѣ она становится въ зависимость отъ этихъ же законовъ. Конечно, въ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаяхъ человѣкъ можетъ приписывать цѣнность вещи по ея субъективной оцѣнкѣ, можетъ приписывать высокую цѣнность такой вещи, которая не имѣетъ никакой цѣнности для общества и издержки производства которой ничтожны. Такова цѣнность вещей, сохраняемыхъ на память о комъ или о чемъ либо; вещи такія могутъ имѣть высокую цѣнность для лица ихъ сохраняющаго, хотя для общества онѣ могутъ не имѣть вовсе цѣнности. Но подобныхъ фактовъ цѣнности никто не станетъ считать обыкновеинными и общественно-хозяйственными фактами.

И такъ на основаніи данныхъ, приводимыхъ самимъ же Шторхомъ, мы имѣемъ основаніе заключить, что полезность можетъ быть основаніемъ цѣнности или на низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія или въ частно-хозяйственныхъ случаяхъ на высшихъ ступеняхъ. Потребительная цѣнность господствовала и въ настоящее время проявляетъ себя въ тѣхъ случаяхъ, когда актъ потребленія является въ качествѣ независимаго акта

отъ производства и обмѣна. Когда производство находилось въ зародышевомъ состояніи, когда раздѣленія и соединенія занятій почти не было, когда населеніе въ количественномъ отношеніи было ничтожно и жило на готовыхъ хлѣбахъ природы, тогда дѣйствительно цѣнность могла опредѣляться только спросомъ и полезность была исключительнымъ основаніемъ предпочтенія продукта продукту. Тоже самое можетъ быть и на высшихъ ступеняхъ развитія, но опять—таки въ случаяхъ, когда потребительная точка зрѣнія выдѣляется отъ актовъ производства и обмѣна. Мы указали случай оцѣнки вещи по ея полезности, какъ памятника извѣстныхъ отношеній. На этомъ же основаніи нашъ простолюдинъ высоко цѣнитъ какую нибудь простую траву, когда послѣдняя дана ему знахаремъ, какъ талисманъ противъ заговоровъ. Съ появленіемъ и развитіемъ обмѣна и производства, потребительная цѣнность подчиняется условіямъ этихъ актовъ. Даже болѣе; природа самаго потребленія требуетъ этого подчиненія цѣнности актамъ обмѣна и производства, требуетъ несоотвѣтствія полезности съ цѣнностью. По странной случайности, это воззрѣніе прекрасно уяснено именно тѣми экономистами, которые замѣтили въ экономической жизни фактъ несоотвѣтствія полезности съ цѣнностью, или старались ихъ примирить.

На фактѣ несоотвѣтствія между цѣнностью и полезностью П. Прудонъ основалъ всю свою систему экономическихъ противорѣчій, вполнѣ основательно замѣтивъ что „la valeur est la pierre angulaire de l'édifice économique.“ (1)

Въ понятіи цѣнности, говоритъ онъ, (2) заключается очевидное противорѣчіе. Цѣнность означаетъ или полезность, какъ способность продукта удовлетворять потребность (valeur d'usage, ou valeur en soi), или его мѣноспособность, какъ годность къ промѣну на другіе продукты (valeur en échange, ou d'opinion). По видимому, каждый человѣкъ долженъ бы быть тѣмъ богаче, чѣмъ больше онъ производитъ, между тѣмъ въ дѣйствительности мы

---

1) Systeme contrad économ. стр. 59, m 1

2) Ibid. m 1. ch. 11.

тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ больше производимъ, такъ какъ съ увеличеніемъ производства увеличивается предложеніе и цѣнность падаетъ. Чѣмъ больше является на рынокъ полезностей, тѣмъ меньшую онѣ имѣютъ цѣнность. На оборотъ, чѣмъ меньше такихъ полезностей, тѣмъ больше ихъ цѣнность; во время неурожая сельскій производитель производитъ меньше, чѣмъ во время урожая, и цѣнность каждой единицы хлѣба увеличивается, хотя полезность осталась безъ измѣненія. Такимъ образомъ на каждомъ шагу въ экономической жизни мы встрѣчаемся съ страннымъ фактомъ: предметы наиболѣе полезные, существующіе въ достаточномъ количествѣ, имѣютъ незначительную цѣнность, между тѣмъ какъ рѣдкіе и безполезные предметы обладаютъ высокою цѣнностью (1). Противорѣчіе между полезностью и цѣнностью существовало во всѣ времена исторической жизни народовъ, оно было основною причиною экономическихъ несчастій. Въ рѣшеніи вопроса о цѣнности, поэтому, заключается ключъ въ рѣшенію всѣхъ общественныхъ экономическихъ вопросовъ. Предложенное Прудономъ рѣшеніе заключается въ слѣдующемъ. Такъ какъ въ дѣйствительной жизни въ мѣновыхъ отношеніяхъ правда хромаетъ, то необходимо возстановить справедливость посредствомъ valeur constituée, состоящей въ распредѣленіи продуктовъ посредствомъ масштаба труда. Мѣновая цѣнность каждаго предмета должна быть равна количеству труда, необходимому для производства; увеличеніе или уменьшеніе заключеннаго въ продуктѣ труда должно быть равносильно увеличенію или умепьшенію цѣнности этого продукта. Мѣновая цѣнность регулируемая такимъ образомъ не будетъ въ противорѣчіи съ полезностью; удешевленный продуктъ

---

1) La valeur est capricieuse comme la liberté: elle ne considère ni l'utilité ni le travail; loin de là, il semble que, dans le cours ordinaire des choses, et á part certaines perturbations exceptionnelles, les objets les plus utiles soient toujours ceux qui doivent se livrer a plus bas prix; en d'autres termes, qu'il est juste que les hommes qui travaillent avec le plus d'agrément soient le mieux rétribués, et ceux qui versent dans leur peine le sang et l'eau, le plus mal. Tellement qu'en suivant le principe jusqu'aux dernieres conséquences, on arriverait a conclure le plus logiquement du monde: que les choses dont l'usage est nécessaire et la quantité infinie, doivent être pour rien; et celles dont l'utilité est nulle et la rareté extrême, d'un prix inestimable. Systeme des contr. стр. 64.

найдетъ большее количество покупателей, такъ что потребительность продукта возрастетъ пропорціонально его удешевленію. Если количество труда, необходимое для производства какого либо продукта, уменьшается въ десять разъ, то цѣнность этого продукта уменьшится также въ десять разъ, но за то потребительность его удесятерится, слѣдовательно между цѣнностью и полезностью не будетъ противорѣчія.

Это ученіе Прудона было подвергнуто критикѣ нѣмецкими экономистами Бруно-Гильдебрандтомъ и Рошеромъ.

Противорѣчіе между полезностью и мѣновою цѣнностью, говоритъ Бруно-Гильдебрандтъ, (1) должно быть или логическимъ или фактическимъ. Цѣнность есть отношеніе предмета къ лицу, которое его цѣнитъ. Она является полезностью, когда берется во вниманіе способность предмета удовлетворять человѣческимъ потребностямъ; она же является мѣновою цѣнностью, когда основывается на оцѣнкѣ лицъ, желающихъ обладать предметомъ. Машина имѣетъ полезную цѣнность для лица, нуждающагося въ ней, а мѣновую цѣнность для покупающаго въ цѣляхъ перепродажи. Такъ какъ мѣновая цѣнность основывается на оцѣнкѣ третьихъ лицъ, то „въ основаніи этой оцѣнки никогда не можетъ быть принята годность предмета, а напротивъ оцѣнка сама принимается за основаніе годности.“ Сверхъ того, въ основаніе мѣновой и полезной цѣнностей можетъ быть даже принято одно и тоже качество предмета; такимъ образомъ о логическомъ противорѣчіи обоихъ понятій здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Не существуетъ также и фактическаго противорѣчія. Увеличеніе количества полезныхъ предметовъ, при неизмѣняющейся въ нихъ потребности, равносильно уменьшенію полезной цѣнности каждой единицы предметовъ. Гдѣ нѣтъ людей и потребностей, тамъ нѣтъ и полезностей; мѣриломъ полезности служитъ потребность. „Предположимъ, что общая потребность народа составляетъ цифру 100; въ этомъ случаѣ, полезная цѣнность каждаго вида предметовъ будетъ выражаться различнымъ процентнымъ содержа-

---

1) Историческое обозрѣніе пол. экономическихъ системъ пер. Безобразова, стр. 201 и слѣд.

ніемъ; пусть, напримѣръ, полезная цѣнность желѣза равна 5%, допустивъ, что надобность въ немъ будетъ оставаться неизмѣнною, а производство желѣза будетъ возрастать, и что потому 5% полезной цѣнности будетъ распредѣляться на отдѣльныя единицы производимаго количества. Въ то время, какъ изъ 500 пудовъ произведеннаго желѣза, каждый пудъ имѣетъ $^1/_{100}$% общей полезной цѣнности желѣза, при производствѣ 5,000, 50,000, 5,000,000 и т. д. пудовъ полезная цѣнность каждаго пуда понизится на 0,001, 0,0001, 0,00001 и т. д. процентовъ общей суммы національной полезной цѣнности желѣза." Въ основаніи теоріи Прудона лежитъ „ошибочное понятіе, что полезная цѣнность есть нѣчто объективное, исключительно принадлежащее предмету, тогда какъ полезная цѣнность зависитъ на оборотъ отъ людей и ихъ личныхъ потребностей."

Для рѣшенія вопроса объ отношеніи между цѣнностью и полезностью, по мнѣнію Рошера, (1) необходимо помнить различіе между цѣнностями абстрактною и конкретною. Абстрактная цѣнность (Der abstracte oder Gattungswerth) имѣетъ своимъ основаніемъ отношеніе между родомъ предметовъ и потребностями человѣка вообще. Конкретная цѣнность (Der concrete oder Quantitatswerth) основывается на отношеніяхъ опредѣленнаго предмета къ даннымъ потребностямъ опредѣленнаго лица или народа въ опредѣленное время. Соціалисты, говоря о противорѣчіи между цѣнностью и полезностью, не знали этого различія. Они говорятъ, что фунтъ золота имѣетъ высшую мѣновую цѣнность, нежели фунтъ желѣза, хотя полезность желѣза выше полезности золота. Но родовая или абстрактная цѣнность желѣза выше таковой же цѣнности золота. Предположимъ, что потребность какого либо народа въ золотѣ удовлетворяется 10 цент. золота, а въ желѣзѣ $2^1/_2$ милл. цент. Если такъ, то каждый центнеръ золота удовлетворяетъ $^1/_{10}$ потребности въ золотѣ, а центнеръ желѣза $^1/_{2,500,000}$ потребности въ желѣзѣ. Такимъ образомъ конкретная полезность (Gebrauchswerth) золота несравненно выше конкрет-

---

1) Die Grundl d. Nationalökonomie, стр. 7—10.

ной полезности желѣза; таково же отношеніе между ними и въ мѣновой цѣнности, о противорѣчіи между цѣнностью и полезностью не должно быть и рѣчи. Вообще, заключаетъ Р о ш е р ъ, съ историческимъ развитіемъ устанавливается между цѣнностью и полезностью все большее а большее согласіе, народъ все болѣе и болѣе пріучается цѣнить предметы по ихъ полезному назначенію.

Легко замѣтить, что возраженія какъ Г и л ь д е б р а н д т а, такъ и Р о ш е р а, съ одной стороны основаны на игнорированіи объективнаго элемента въ полезности, съ другой заимствованы у самаго же П р у д о н а. Первое особенно бросается въ глаза въ возраженіи Б. Г и л ь д е б р а н д т а. Всякая полезность, какъ экономическій фактъ, необходимо требуетъ наличности элементовъ объективнаго и субъективнаго. Б. Г и л ь д е б р а н д т ъ прямо заявляетъ, что въ этомъ случаѣ достаточно одного субъективнаго элемента, что цѣнность полезная не есть что либо объективное, что она не существуетъ внѣ субъекта, употребляющаго ее. Очевидно, Б. Г и л ь д е б р а н д т ъ повторяетъ извѣстную теорію Ф и х т е, по ученію котораго весь міръ есть произведеніе нашего я и внѣ этого я окружающаго насъ внѣшняго міра не существуетъ. Подобно Ф и х т е, Б. Г и л ь д е б р а н д т ъ не обратилъ вниманія на то, что для всякаго произведенія необходимо два сомножителя, что безъ объективнаго элемента не мыслимо и проявленіе субъективнаго. Два человѣка читаютъ одну и туже книгу и выносятъ изъ прочтеннаго совершенно различныя воззрѣнія; это случается и съ однимъ и тѣмъ же читателемъ, читающимъ книгу въ разные періоды своей жизни. Можно ли на основаніи подобныхъ фактовъ заключить, что читаемая книга была произведеніемъ читающаго я и что внѣ этого я книга не существовала? Изъ подобныхъ фактовъ слѣдуетъ лишь то положеніе, что пріобрѣтенное воззрѣніе есть результатъ двухъ элементовъ,—объективнаго и субъективнаго, причемъ общечеловѣчность послѣдняго есть условіе нормальности пріобрѣтенія. Тоже самое и относительно полезности. Полезность, какъ экономическій фактъ, не существуетъ въ то время, когда нѣтъ людей; въ это время предметы обладаютъ физическими, химическими и т. п. свойствами,

не имѣя свойствъ экономическихъ. Но изъ этого еще нельзя заключать, что полезность есть произведеніе нашего я, безъ всякаго участія объективныхъ свойствъ продукта, осознаваемыхъ, но не создаваемыхъ нашимъ я. Между тѣмъ именно на этомъ заключеніи Б. Гильдебрандтъ основываетъ свое положеніе, по которому при неизмѣняющейся потребности увеличеніе продуктовъ равносильно уменьшенію полезности каждой единицы продукта. Это значитъ, что удвоенное количество хлѣба, при неизмѣненіи въ потребности, не есть удвоеніе полезности, а напротивъ того каждая единица продукта въ этомъ случаѣ вдвое уменьшается въ своей полезности. Если каждая единица продукта прежде удовлетворяла 1 потребности, то теперь она удовлетворяетъ только $^1/_2$ ея и поэтому полезность предмета вдвое меньше. Но кольскоро произведенный продуктъ находитъ потребителей, то полезность его нисколько не измѣняется отъ того, что потребитель имѣетъ возможность употреблять двѣ четверти хлѣба, вмѣсто одной. Если же продуктъ вовсе не находитъ потребленія, то онъ не имѣетъ экономическихъ свойствъ; табакъ не имѣлъ экономическихъ свойствъ до той поры, пока люди не осознали его потребительнаго значенія и не нашлись потребители. Смѣшивать эти двѣ категоріи предметовъ или сопоставлять ихъ между собою нѣтъ никакихъ научныхъ данныхъ. Нельзя сказать, что продуктъ уменьшился въ полезности только потому, что данная потребность удовлетворяется полнѣе, вмѣсто одного удовлетворяется двумя продуктами, хотя очевидно въ тоже время, что всякій непотребляемый продуктъ безполезенъ.

Другое возраженіе, какъ мы сказали, заимствовано у самаго же Прудона. Прудонъ говоритъ, что при удешевленіи продукта возрастаетъ общее количество потребленія и такимъ образомъ поднимается цѣнность всего потребляемаго количества и возстановляется согласіе между полезностью и цѣнностью. Самъ Б. Гильдебрандтъ такимъ образомъ передаетъ эту мысль Прудона. „Если какой нибудъ предметъ, стоившій 10 дней труда, сталъ производиться въ одинъ день, то цѣнность его упадетъ со 100 на 10; потребность же на него удесятерится. Противоположность полезной и мѣновой цѣнностей является въ этомъ

случаѣ какъ необходимое свойство одной общественной цѣнности, которая снова возстановляетъ ее.“ [1]) Возражая Прудону, Рошеръ говоритъ, что общее потребленіе желѣза болѣе общаго потребленія золота и родовая цѣнность желѣза болѣе родовой цѣнности золота. Ясно, что этимъ Рошеръ только повтаряетъ слова Прудона, болѣе строго формулируя мысль послѣдняго ученіемъ Рау о цѣнностяхъ абстрактной и конкретной. Б. Гильдебрандтъ предполагаетъ случай противоположный тому, который представленъ у Прудона. Если общая потребность народа составляетъ цифру 100 и полезность желѣза равна 5% этой цифры; если потребность въ желѣзѣ не измѣнится, между тѣмъ какъ производство его будетъ увеличиваться, то 5% полезной цѣнности желѣза будутъ распредѣляться между большимъ его количествомъ и слѣдовательно на каждую долю желѣза прійдется менѣе этой полезной цѣнности. Другими словами, по ученію Б. Гильдебрандта, съ удешевленіемъ товара, при неизмѣненіи потребности, послѣдняя будетъ удовлетворяться большимъ количествомъ продуктовъ, то есть произойдетъ общее увеличеніе потребленія, что и утверждалъ Прудонъ. Въ этомъ случаѣ, употребляя терминъ Рау, происходитъ при уменьшеніи цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта увеличеніе абстрактной цѣнности. Б. Гильдебрандтъ не утверждаетъ послѣдняго,—что прибавилъ Рошеръ,—но это заключеніе ясно слѣдуетъ изъ всего имъ прежде сказаннаго. Тоже самое утверждаетъ и Прудонъ; отличіе его ученія отъ ученія Б. Гильдебрандта и Рошера состоитъ лишь въ томъ, что указанное примиреніе между цѣнностью и полезностью, по Прудону, должно произойти посредствомъ установленной цѣнности, между тѣмъ какъ нѣмецкіе экономисты отрицаютъ необходимость таковаго примиренія, допуская его реальное существованіе.

Но дѣствительно ли въ указанныхъ отношеніяхъ между полезностью и цѣнностью происходитъ примиреніе послѣднихъ, такъ что и цѣнность и полезность являются паралельными другъ другу, или лучше совпадаютъ между собою?

---

[1]) Историч. обозрѣніе пол. эк. системъ, стр. 185.

Если продуктъ начинаетъ производиться вдвое меньшимъ количествомъ времени, вслѣдствіе чего вдвое же уменьшается его цѣнность и удвоивается потребленіе, то общее количество потребляемой полезности удвоится, но та цѣнность, которую Рошеръ вслѣдъ за Рау называетъ абстрактною, останется безъ измѣненія. Всякому должно быть очевидно, что общая или абстрактная цѣнность вдвое большаго количества полезностей, вдвое подешевѣвшихъ сравнительно съ прежнимъ временемъ, равна количеству ихъ одинъ разъ взятому, когда еще не происходило такого удешевленія. Положимъ потребленіе учетверится при этомъ удешевленіи каждаго продукта, въ такомъ случаѣ общая цѣнность всѣхъ продуктовъ удвоится, но учетверится количество единицъ полезностей. Наконецъ весьма естественны случаи, что при уменьшеніи издержекъ производства и цѣнности потребленіе не измѣнится; въ этихъ случаяхъ количество полезностей остается прежнее, но при уменьшеніи ихъ цѣнности потребность удовлетворяется легче. Въ всѣхъ указанныхъ случаяхъ нѣтъ и не можетъ быть паралельности между цѣнностью и полезностью; попытка Рошера, Б. Гильдебрандта и Прудона найти такую паралельность должна быть признана неудачною. Прудонъ вполнѣ правъ, говоря, что въ дѣйствительности существуетъ противорѣчіе между полезностью и цѣнностью, но не правъ, полагая въ этомъ фактѣ хромоту правды, нормальное положеніе которой необходимо возстановить. Предложенное имъ возстановленіе правды, какъ видимъ, поддержанное и Рошеромъ и Б. Гильдебрандтомъ, прямо говоритъ о фактивности сдѣланнаго имъ заключенія, убѣждаетъ насъ въ томъ, что справедливость, интересы самаго потребленія—противъ этой паралельности. Если продуктъ начинаетъ производиться вдвое меньшимъ количествомъ издержекъ и предложеніе его увеличится въ два раза, то неужели, въ цѣляхъ полнаго согласія между полезностью и цѣнностью, цѣнность продуктовъ должна увеличиться вдвое, когда дѣйствительно будетъ полное согласіе ея съ полезностью? Не требуетъ ли справедливость какъ разъ противоположнаго, то есть, чтобы цѣнность каждой единицы продукта уменьшилась вдвое и общая ихъ цѣнность осталась безъ

измѣненія, хотя въ томъ и другомъ случаѣ цѣнность не будетъ параллельна полезности? Если увеличеніе предложенія происходитъ безъ уменьшенія издержекъ производства и въ цѣнности своихъ продуктовъ производитель не выручаетъ затратъ, то такого экономическаго положенія дѣлъ никто не считаетъ нормальнымъ. Но и къ этимъ случаямъ положеніе Прудона о хромотѣ правды не примѣнимо. Въ подобныхъ случаяхъ дѣйствительно мы тѣмъ бѣднѣе, чѣмъ больше производимъ. Но здѣсь уменьшеніе цѣны и бѣдность происходятъ не отъ излишка производства, но отъ его односторонности. Продукты покупаются, продуктами же—это аксіома въ экономической наукѣ; продуктъ каждой изъ мѣняющихся сторонъ представляетъ собою спросъ и сбытъ для другой. Когда одна сторона произвела продуктъ необходимый для другой, а послѣдняя не произвела необходимаго для первой, или произвела въ количествѣ не соотвѣтствующемъ по издержкамъ производства для оплаты чужихъ продуктовъ, тогда весьма естественно для стороны болѣе вынесшей на рынокъ наступаетъ кризисъ. Но, какъ видимъ, причиной этого не производство, а односторонность его. Здѣсь цѣнность не соотвѣтствуетъ издержкамъ производства и полезности, но и при соотвѣтствіи издержкамъ производства она все таки въ интересахъ справедливости и потребленія не будетъ соотвѣтствовать полезности.

Говоря о примиреніи цѣнности съ полезностью отъ увеличенія потребленія при удешевленіи каждаго отдѣльнаго продукта, Прудонъ имѣлъ въ виду факты соотвѣтствующаго увеличенія количества получаемыхъ въ обмѣнъ товаровъ. Если продуктъ А вдвое уменьшится въ своей цѣнности и потребленіе его также увеличится, то въ обмѣнъ за удвоенное количество продуктовъ товара А можетъ быть получено удвоенное количество продуктовъ В, когда послѣдній продуктъ также уменьшится въ своей цѣнности. Въ этомъ случаѣ за большее количество полезностей А получается пропорціонально большее количество полезностей В. Но увеличенія цѣнности въ этомъ случаѣ нельзя видѣть. Самъ Прудонъ полагаетъ, что цѣнность должна быть равна труду производства, слѣдовательно она не тожественна съ

количествомъ получаемыхъ въ обмѣнъ товаровъ. Видѣть въ подобномъ увеличеніи получаемыхъ въ обмѣнъ полезностей увеличеніе цѣнности—значитъ дѣйствительно примирить цѣнность съ полезностью, но въ тоже время необходимо допустить противорѣчіе въ собственной теоріи цѣнности и также противорѣчіе дѣйствительности. Въ дѣйствительной жизни никто не увидитъ удвоенія цѣнности продукта въ полученіи вдвое большаго количества другихъ продуктовъ сравнительно съ прежнимъ временемъ вдвое подешевѣвшихъ. Притомъ для полученія удвоеннаго количества продукта В необходимо, чтобы въ его производствѣ произошло соотвѣтствующее измѣненіе, а это условіе не всегда исполнимо. Когда въ продуктѣ В не произойдетъ соотвѣтствующихъ измѣненій, тогда за удвоенное количество продукта А будетъ получаться прежнее количество продуктовъ В примиренія нѣтъ, такъ какъ за удвоенное количество однѣхъ полезностей получается прежнее количество другихъ. Но хотя нѣтъ примиренія, существуетъ справедливость, потому что мѣняющіяся стороны продолжаютъ обмѣниваться равноцѣнностями, ни одна не теряетъ сравнительно съ другою.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о теоріи де Квинси и Д. С. Милля объ отношеніи между полезностью и цѣнностью. Экономисты эти развили кратко высказанное Шторхомъ замѣчаніе, что мѣновая цѣнность не можетъ быть выше непосредственной цѣнности. По ихъ ученію, мѣновая цѣнность можетъ быть ниже полезности, но ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть выше ея, то есть полезность представляетъ какъ бы высшій предѣлъ или максимумъ мѣновой цѣнности. А. Смитъ замѣтилъ, что есть мѣноспособные предметы, почти никакой неимѣющіе внутренней цѣнности или полезности. По замѣчанію Милля [1]), въ этомъ случаѣ слово внутренняя цѣнность употреблено Смитомъ не въ научно-экономическомъ смыслѣ. Политической экономіи нѣтъ дѣла до философскихъ понятій о внутреннемъ достоинствѣ продуктовъ. Въ политической экономіи пред-

[1]) Основанія полит. экономіи, т. 1 стр. 503.

метъ разсматривается по своей способности удовлетворять потребность; брильянтъ обладаетъ этою способностью въ высшей степени; иначе не имѣлъ бы вовсе цѣны. Такая внутренняя цѣнность представляетъ собою крайній предѣлъ мѣновой. „Мѣновая цѣнность вещей можетъ быть на какую угодно пропорцію меньше ея внутренней цѣнности, но что бы она могла превышать внутреннюю цѣнность, это несообразность; это значилобы, что для полученія вещи люди согласятся дать больше всей цѣнности, какую сами придаютъ ей, какъ средству удовлетворенія своимъ наклонностямъ.“

На этомъ воззрѣніи недавно была основана теорія цѣнности галиційскаго экономиста Л. Билинскаго. По его ученію, размѣры цѣнности колеблются между двумя предѣлами: низшій размѣръ не можетъ быть ниже издержекъ производства продукта; высшій размѣръ не можетъ превышать степени полезности, приписываемой продукту покупателемъ [1]).

Съ перваго взгляда легко можетъ показаться, что въ изложенномъ ученіи нѣтъ ничего невѣрнаго. Никто не согласится платить за продуктъ больше того, чего можетъ стоить онъ для потребителя; никто не согласится дать за продуктъ цѣнность, превышающую ту, которую самъ приписываетъ продукту. Но въ окончательномъ результатѣ это значитъ, что никто не согласится дать большую полезность за меньшую, потому что въ этомъ случаѣ понесетъ явную потерю какъ потребитель. Если же никто не согласится дать большую полезность за меньшую, то изъ этого слѣдуетъ и обратное заключеніе, что никто не можетъ дать меньшей полезности за большую, потому что въ противномъ случаѣ одна сторона отдавала бы большую полезность за меньшую. Изъ этого очевидно, что регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій должна быть признана полезность, что мѣновая цѣнность и полезность одно и тоже. Признавъ одинъ разъ, что полезность или внутренняя цѣнность есть крайній предѣлъ мѣновой цѣнности Милль уже не имѣлъ основаній утверждать, не допуская про-

---

[1]) Wykład ekonomii społecznej. т. 1 стр. 31.

тиворѣчія въ теоріи, что мѣновая цѣнность можетъ быть ниже внутренней, такъ какъ послѣднимъ положеніемъ разрушается первое. Когда для одной изъ мѣняющихся сторонъ мѣновая цѣнность ниже внутренней, то для другой стороны послѣдняя выше первой, то есть для послѣдней стороны полезность перестаетъ быть максимумомъ цѣнности. Противорѣчіе очевидно и только допустивъ его Милль не пришелъ къ окончательному опредѣленію полезностью мѣновой цѣнности.

Но дѣйствительно ли полезность опредѣляетъ крайній размѣръ мѣновой цѣнности? Дѣйствительно ли для полученія желаемой вещи люди не могутъ согласиться „дать больше всей цѣнности, какую сами придаютъ ей, какъ средству удовлетворенія своимъ наклонностямъ?“ Мы видимъ, что съ экономическимъ развитіемъ цѣнность перестаетъ опредѣляться полезностью, подчиняясь законамъ обмѣна и производства. Не забѣгая впередъ, возьмемъ случай подчиненія цѣнности законамъ производства. Отъ увеличенія или уменьшенія издержекъ производства цѣнность можетъ увеличиваться или уменьшаться, между тѣмъ какъ полезность цѣннаго предмета при всѣхъ этихъ измѣненіяхъ остается безъ измѣненій. Положимъ продукты А и В обмѣниваются въ пропорціи 1:1, вслѣдствіе равенства издержекъ необходимыхъ для производства каждаго изъ нихъ; положимъ, далѣе, происходитъ усовершенствованіе въ производствѣ продукта А, такъ что при затратѣ прежняго количества издержекъ получается вдвое большее количество этого продукта. Въ послѣднемъ случаѣ мѣновая пропорція изъ отношенія 1:1 измѣнится въ отношеніе 2:1, то есть за прежнее количество продукта В необходимо будетъ платить двойнымъ количествомъ продукта А. Такимъ образомъ владѣлецъ продукта А за прежнее количество получаемой имъ въ обмѣнъ полезности будетъ платить вдвое большимъ сравнительно съ прежнимъ временемъ количествомъ полезностей. Положеніе, что полезностью опредѣляется максимумъ мѣновой цѣнности оказывается ложнымъ. Мѣняющіяся стороны обмѣниваются равноцѣнностями; дѣйствительно никому нѣтъ выгоды отдавать большее количество цѣнности за меньшее ея количество; подобный неравный обмѣнъ возможемъ только въ исключительныхъ случаяхъ:

Но изъ факта убыточности обмѣна неравноцѣнностей еще не слѣдуетъ убыточность обмѣна большаго количества полезностей на прежнее, когда это большее количество при уменьшеніи издержекъ производства имѣетъ цѣнность равную прежнему меньшему количеству.

Если съ экономическимъ развитіемъ полезность перестаетъ быть основаніемъ предпочтенія однихъ продуктовъ другимъ; если потребительная цѣнность, опредѣляемая однимъ спросомъ, съ развитіемъ экономическаго общежитія уступаетъ мѣсто цѣнностямъ мѣновой и производственной, то слѣдуетъ ли изъ этого, что законъ потребительной цѣнности теряетъ всякое экономическое значеніе? Можно ли сказать вмѣстѣ съ Г. Д. Маклеодомъ, что для экономиста цѣнность не есть „*качество*, въ силу котораго предметъ становится привлекательнымъ или заманчивымъ", а есть только „мѣновое отношеніе предметовъ"? (1)

Переставая влиять на предпочтеніе однихъ продутовъ другимъ, полезность тѣмъ самомъ еще не теряетъ экономическаго значенія. Напротивъ того, вещь теряетъ свое экономическое значеніе тогда, когда теряетъ свою полезность; безполезные предметы не могутъ считаться въ реэстрѣ народнаго имущества. Хотя потребительность вещи съ развитіемъ обмѣна и производства перестаетъ влиять на пропорціи цѣнностей, но, тѣмъ не менѣе, она необходима для цѣнности, такъ какъ никто же не станетъ приписывать цѣнность вещи безполезной, вовсе не пригодной къ удовлетворенію потребностей. Въ суммѣ народнаго богатства должны считаться только вещи, обладающія полезностью и цѣнностью одновременно. На этомъ же основаніи представи-

---

1) Основ. политич экономіи, стр. 54—55. Вопросъ имѣетъ важное практическое значеніе Отрицая всякое значеніе въ экономіи потребительной цѣнности, Маклеодъ имѣлъ всѣ основанія къ отожествленію цѣнности съ мѣновымъ отношеніемъ, а отсюда уже прямой путь къ выводамъ поражающимъ своею странностью. Вотъ одинъ изъ нихъ: „Если долги имѣютъ мѣновыя отношенія, т. е. если они способны быть купленными или проданными, то они составляютъ дѣйствительныя цѣнности" стр. 338.

тели ссуженныхъ полезностей—долговые документы,—хотя обладаютъ мѣноспособностью и цѣнностью, не должны считаться въ реэстрѣ народнаго имущества. Благодаря такой именно ошибкѣ въ исчисленіяхъ валоваго дохода, основанныхъ на суммѣ, доставляемой налогомъ на доходъ, въ Англіи, по словамъ Милля, часть общаго дохода страны считается два раза и вся сумма дохода націи выходитъ почти на 30 милліоновъ фунтовъ больше истинной. [1]) Хотя долговые документы имѣютъ цѣнность, но полезность ихъ не реальная, а представительная, по этому же и цѣнность ихъ не реальная, а представительная.

Съ другой стороны, такъ какъ потребности человѣка лежатъ въ основаніи всей его экономической дѣятельности, то законы потребленія должны быть признаны основаніями движенія всѣхъ явленій цѣнности. Мы уже говорили, что несоотвѣтствіе полезности и мѣновыхъ пропорцій естественно требуется самымъ закономъ развитія потребленія. Потребленіе требуетъ съ одной стороны легкости въ пріобрѣтеніи средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія нашихъ потребностей, съ другой стороны требуетъ возможной полноты въ удовлетвореніи послѣднихъ. При существованіи раздѣленія занятій и труда, этотъ естественный законъ потребленія можетъ быть осуществимъ въ жизни не иначе, какъ при удешевленіи цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта, удовлетворяющаго потребность (этимъ обусловливается легкость удовлетворенія), и въ тоже время при неизмѣненіи или же абсолютномъ возвышеніи цѣнности всѣхъ потребляемыхъ продуктовъ (этимъ обусловливается полнота удовлетворенія потребности). Законъ потребленія не можетъ быть осуществленъ при одномъ удешевленіи продуктовъ. Если опредѣленное количество продуктовъ уменьшается на половину въ цѣнности, то этимъ ничего не выиграетъ производитель и продавецъ, слѣдовательно не будетъ мотивовъ къ техническимъ улучшеніямъ. Но если продуктъ А подешевѣлъ на половину, а потребленіе его учетверилось, то, при относительномъ уменьшеніи его цѣнности, абсолют-

[1]) Основ. политич экономіи, стр. 9.

ная цѣнность удвоится. Здѣсь уже является мотивъ къ улучшеніямъ, такъ какъ этими улучшеніями обусловливается благосостояніе какъ производителей и продавцевъ, такъ и потребителей. Торговецъ, разумно преслѣдующій свои собственные интересы, заинтересованъ въ томъ, чтобы продавать продукты какъ можно дешевле, такъ какъ дешевизна его продуктовъ привлекаетъ покупщиковъ и увеличиваетъ его общій доходъ. Мы уже имѣли случай замѣтить, что для понимающаго свои собственныя выгоды торговца гораздо выгоднѣе получить по 1 коп. дохода съ 10 сдѣлокъ въ продолженіи опредѣленнаго времени, чѣмъ съ одной сдѣлки 5 копѣекъ. Торгорцы, предпочитающіе 5 единицъ дохода 10 единицамъ, поступаютъ точно также, какъ поступаетъ дикарь, срубывающій дерево для того, чтобы воспользоваться его плодами. Точно также поступаютъ тѣ индѣйцы, которые съѣдаютъ данный имъ для обработки земли скотъ и полагаютъ что находятъ достаточное оправданіе въ томъ, что они ѣсть хотѣли. Крестьянинъ, который захотѣлъ бы съѣсть свой рабочій скотъ, становится пролетаріемъ; точно также и торговецъ становится банкротомъ, преслѣдуя увеличеніе своего дохода увеличеніемъ цѣнности единицы продуктовъ; особенно это нужно сказать о странахъ, въ которыхъ большинство торговцевъ разумно понимаютъ свои интересы. Прекрасно замѣтилъ Рошеръ, что только въ низшихъ ступеняхъ развитія народнаго хозяйства конкретная цѣнность какъ бы заслоняетъ собою абстрактную. [1]) Дѣйствительно, только въ это время человѣкъ можетъ предпочитать 5 единицъ дохода 10 единицамъ только потому, что первый доходъ получается отъ одной сдѣлки, а второй отъ десяти. Съ экономическимъ развитіемъ законъ потребительной цѣнности измѣняетъ свой характеръ, такъ какъ при раздѣленіи занятій интересы потребленія могутъ быть осуществлены только, употребляя терминъ Рау, при возвышеніи абстрактной цѣнности и уменьшеніи конкретной. Но четверть ржи, продаваемая за 10 или за 3 рубля, въ обоихъ случаяхъ остается тою же самой еди-

---

[1]) Die Grundlagen d. Nationalökonomie, p. 9.

ницей полезности. Такимъ образомъ потребленіе, требуя удешевленія единицы продукта (конкретная ц.) и увеличенія общей цѣнности (абстрактной ц.), тѣмъ самымъ требуетъ несоотвѣтствія между полезностью и цѣнностью. Мы увидимъ въ одной изъ слѣдующихъ главъ, что цѣнность дѣйствительно движется по двумъ противоположнымъ направленіямъ, требуемымъ самой природой развивающагося потребленія. Въ этомъ своемъ высшемъ понятіи потребительная цѣнность является основнымъ хозяйственнымъ двигателемъ, мотивомъ къ улучшеніямъ и въ тоже время мѣриломъ общественнаго благосостоянія, такъ какъ разумнымъ осуществленіемъ ея требованій обусловливается разумное удовлетвореніе потребностей всѣхъ и каждаго.

Осуществленіе требованій потребительной цѣнности происходитъ въ экономическомъ общежитіи при посредствѣ законовъ цѣнности мѣновой и производства. Къ изученію этихъ законовъ мы и переходимъ.

ГЛАВА IV.

Въ понятіи о цѣнности съ точки зрѣнія обмѣна мы указали на противоположность воззрѣній продавца и пріобрѣтателя. Въ опредѣленіяхъ цѣнности экономистовъ, развивавшихъ это частнохозяйственное понятіе, мы не встрѣчаемъ указанной двойственности; во своихъ опредѣленіяхъ они смотрятъ на цѣнность съ точки зрѣнія продавца. Только въ ихъ дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ о законѣ регулирующемъ мѣновыя пропорціи эта двойственность уясняется ими tacite, а именно при уясненіи противоположности интересовъ спроса и предложенія. Это въ особенности необходимо сказать о Г. Маклеодѣ, наиболѣе рѣзко отстаивающемъ воззрѣніе на цѣнность съ исключительной точки зрѣнія обмѣна, на ученіе котораго мы и обращаемъ въ настоящей главѣ особенное вниманіе. Но такъ какъ Маклеодъ болѣе подробно, съ нѣкоторыми впрочемъ измѣненіями, развиваетъ принципы мѣновой цѣнности уясненные Мальтусомъ, поэтому въ общихъ чертахъ мы коснемся и теоріи цѣнности послѣдняго.

Цѣнность, говоритъ Мальтусъ, [1]) имѣетъ своимъ основаніемъ желаніе пріобрѣсть предметъ и съ другой возможность такого пріобрѣтенія. Съ развитіемъ раздѣленія занятій, когда общество раздѣлилось на покупщиковъ и продавцевъ, цѣнность исключительно опредѣляется отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ. Спросомъ называется желаніе соединенное со средствами пріобрѣтенія предмета, подъ предложеніемъ—произведенные продукты и желаніе сбыть ихъ. Цѣнность возвышается, когда уменьшается предложеніе и увеличивается спросъ; она падаетъ, когда уменьшается спросъ и увеличивается предложеніе.

Подобно Шторху, въ спросѣ и предложеніи Мальтусъ отличаетъ объемъ ихъ отъ ихъ силы или интенсивности. Объемъ (étendue) спроса и предложеніе мѣняющихся сторонъ не имѣетъ никакого вліянія на установленіе тѣхъ или иныхъ мѣновыхъ пропорцій. Дѣйствительный объемъ спроса всегда равенъ дѣйствительному объему предложенія, какъ и на оборотъ. Говоря, что цѣнность зависитъ отъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, Мальтусъ имѣетъ въ виду исключительно интенсивность, внутреннюю сторону этого закона, а не объемъ, или внѣшнюю его сторону. Завися отъ интенсивности спроса, цѣнность измѣняется въ прямо-пропорціональномъ отношеніи къ спросу и обратномъ отношеніи къ предложенію. Если какой либо товаръ, обыкновенно спрашиваемый опредѣленнымъ числомъ покупщиковъ, начинаетъ спрашиваться ихъ удвоеннымъ числомъ то нѣкоторые изъ нихъ должны остаться безъ пріобрѣтенія желаемаго продукта. Можетъ быть, что въ этомъ увеличенномъ числѣ покупщиковъ найдутся такіе. которые, опасаясь остаться безъ желаемаго продукта, согласятся дать высшую цѣну. Ясно, что въ этомъ случаѣ увеличеніе цѣны произойдетъ вслѣдствіе увеличенія интенсивности спроса. Тоже самое произойдетъ, если количество предлагаемаго продукта уменьшится, а число покупщиковъ останется тоже самое. Точно также, если вслѣдствіе ка-

---

[1]) Principes de economie politique, стр. 63 и 69.

кихъ либо обстоятельствъ увеличатся издержки производства, покупщики, не желая остаться безъ продукта, согласятся поднять цѣну до уровня оплаты этихъ увеличенныхъ издержекъ. Но если у покупщиковъ нѣтъ ни желанія, ни средствъ къ этому, другими словами—если интенсивность спроса останется безъ измѣненія, во всѣхъ указанныхъ случаяхъ, то останется безъ измѣненія и цѣнность продукта. Издержки производства сами по себѣ не оказываютъ никакого вліянія на размѣры цѣнности; онѣ могутъ вліять въ этомъ случаѣ лишь въ той степени, въ какой измѣненіе въ ихъ размѣрахъ ведетъ къ измѣненію въ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ Но если отношеніе между спросомъ и предложеніемъ останется безъ измѣненій, то никакія измѣненія въ размѣрахъ затратъ производства не могутъ вліять на измѣненія въ цѣнности. Обыкновенно издержки производства вліяютъ на это отношеніе тѣмъ, что продуктъ въ мѣновой цѣнности не возвращающій затратъ перестаетъ производиться, или уменьшаются размѣры производства Такимъ образомъ издержки производства вліяютъ на цѣнность тѣмъ, что указываютъ минимумъ послѣдней. Такую цѣнность можно назвать необходимою цѣнностью. Такъ какъ цѣнность опредѣляется исключительно отношеніемъ между спросомъ и предложеніемъ, а размѣры издержекъ производства имѣютъ только посредственное вліяніе и опредѣляютъ условія необходимой цѣны, не имѣя прямаго вліянія на размѣры мѣновыхъ пропорцій, то трудъ заключенный въ продуктѣ не можетъ быть мѣриломъ цѣнности. Такимъ мѣриломъ можетъ быть трудъ покупаемый продуктомъ, какъ величина менѣе другихъ подверженная колебаніямъ въ своей собственной цѣнности.

Мальтусъ не далъ точнаго опредѣленія понятія цѣнности, но изъ послѣднихъ словъ его видно, что онъ смотритъ на цѣнность съ точки зрѣнія продавца и что, по его ученію, цѣнность можетъ быть опредѣлена какъ количество покупаемаго продуктомъ труда.

Г. Маклеодъ, ясно высказывая мысль о тожествѣ предмета политической экономіи съ изслѣдованіями о законахъ явленій цѣнности, уже поэтому одному въ своей экономической системѣ

даетъ большое мѣсто теоріи цѣнности, въ которой со всею подробностью и рѣдкою ясностью развиваются принципы мѣновой цѣнности, намѣченные уже Мальтусомъ. По его ученію, [1]) цѣнность и трудъ такъ тѣсно связаны между собою, что разграниченіе ихъ представляетъ такую же трудную операцію, какъ сдѣланное Г. Беллемъ разграниченіе между нервами ощущеній и движенія. При всемъ томъ разграниченіе должно быть сдѣлано. Трудъ не составляетъ причины цѣнности; цѣнится только результатъ труда, не обращая вниманія на то, при посредствѣ какого количества труда добытъ этотъ результатъ. Человѣкъ, идя дорогою, находитъ алмазъ, алмазъ этотъ будетъ имѣть такую же цѣнность, какъ еслибы его искали въ теченіе двадцати лѣтъ. Алмазъ не потому цѣненъ, что человѣкъ поднялъ его съ земли, а потому человѣкъ его поднялъ, что онъ цѣненъ. Не трудъ сообщаетъ продукту цѣнность, а цѣнность привлекаетъ къ себѣ трудъ. Если бы трудъ былъ причинной цѣнности, то мусоръ, вынутый изъ глубокаго колодца, имѣлъ бы высокую цѣнность, между тѣмъ какъ алмазъ, найденный на поверхности земли, не имѣлъ бы никакой цѣнности. Если бы перевозочныя издержки что либо прибавляли къ цѣнности продукта, то изъ этого слѣдовало бы, что переслать масло, идущее обыкновенно изъ Марселя въ Парижъ, обратно изъ Парижа въ Марсель—значитъ увеличить его цѣнность, а переправить его такимъ образомъ взадъ и впередъ двадцать разъ значитъ въ двадцать разъ возвысить его цѣнность. Въ дѣйствительности „никакіе расходы на перевозку ничего не прибавляютъ къ цѣнности товара.“ Не расходы на перевозку опредѣляютъ цѣнность, а люди потому только рѣшаются производить перевозочные расходы, ибо надѣются, что разница въ цѣнѣ на товаръ въ двухъ различныхъ пунктахъ вознаградитъ перевозочныя издержки. „Такъ, если бы какая нибудь библіотека или музей привезены были изъ деревни въ Лондонъ для продажи, то деньги, издержанныя на перевозку, не прибавили бы ничего къ цѣнности книгъ; на оборотъ, книги были бы доста-

---

[1]) Основ пол. экономіи, см предв. замѣчанія, гл. 1 и 11.

влены въ Лондонъ потому лишь, что болѣе высокая цѣнность ихъ въ столицѣ должна, по вѣроятному разсчету, вознаградить за издержки, употребленныя на ихъ доставку". Результатъ громаднаго количества труда можетъ оказаться не имѣющимъ ни малѣйшей частицы цѣнности, какъ и на оборотъ результатъ ничтожнаго количества труда можетъ имѣть высокую цѣнность. Алмазъ самой лучшей воды можетъ быть отысканъ послѣ поисковъ въ теченіи пяти минутъ, тогда какъ послѣ самыхъ продолжительныхъ поисковъ можетъ быть отысканъ самый плохой алмазъ. Во всѣхъ случаяхъ оцѣнки предметовъ обращается вниманіе только на результатъ, и только на результатъ, независимо отъ того труда, который былъ потраченъ на полученіе этого результата.

Изъ приведенныхъ словъ очевидно, что Маклеодъ смотритъ на цѣнность исключительно съ точки зрѣнія продавца. Цѣнится только результатъ, для достиженія котораго производятся затраты; цѣнность не зло, но благо, къ достиженію обладанія которымъ направлены усилія; размѣры послѣднихъ обусловливаются значеніемъ этого блага, а не на оборотъ. Но еще яснѣе это воззрѣніе высказано Маклеодомъ въ слѣдующихъ опредѣленіяхъ цѣнности: Цѣнность предмета есть-соотвѣтствующее количество, въ какомъ другой предметъ можетъ быть, въ данный моментъ, обмѣненъ на первый (стр. 99);—мѣновое отношеніе предметовъ въ приложеніи къ ихъ численнымъ количествамъ (стр. 55);—мѣновая сила количествъ (стр. 338).

Но, если для продавца цѣнность есть благо, то для пріобрѣтателя она есть зло, если первый заинтересованъ въ увеличеніи цѣнности, то послѣдній заинтересованъ въ ея уменьшеніи. Что же такое цѣнность, благо или зло? Стать на точку зрѣнія продавца, какъ это сдѣлалъ Маклеодъ, еще не значитъ научно отвѣтить на вопросъ, такъ какъ отрицаніе воззрѣнія пріобрѣтателя не возможно. Маклеодъ и не отрицаетъ этого воззрѣнія, *eo ipso* отрицаетъ все сказанное имъ о существѣ цѣнности съ точки зрѣнія продавца. Воззрѣніе пріобрѣтателя онъ *tacite* допускаетъ въ своемъ ученіи о спросѣ и предложеніи, какъ регуляторѣ мѣновыхъ пропорцій.

Цѣнность, говоритъ онъ, есть результатъ борьбы между покупщикомъ и продавцемъ, выигриваетъ изъ нихъ тотъ, кто сильнѣе. По мѣрѣ того, какъ одинъ получаетъ перевѣсъ надъ другимъ, цѣна повышается или понижается, подобно тому какъ цѣна, при встрѣчѣ волнъ, бросается впередъ или назадъ, сообразно съ относительной силой каждой изъ встрѣтившихся волнъ. Если бы человѣку, послѣ роскошнаго обѣда, предложили корку хлѣба и стаканъ воды, то такое предложеніе не имѣлобы никакой цѣны. Но если бы тотъ же человѣкъ находился въ состояніи близкомъ къ голодной смерти, или изнемогалъ отъ жара и жажды посреди африканскихъ степей, то съ какимъ восторженнымъ чувствомъ онъ принялъ бы тоже самое предложеніе! При такихъ обстоятельствахъ владѣлецъ подобныхъ предметовъ могъ бы вынудить у страдальца всякую цѣну, какую бы только послѣдній могъ уплатить. Точно также если одинъ лодочникъ отправляется спасать утопающаго, то можетъ вытребовать отъ утопающаго какую угодно цѣну, такъ какъ послѣдній будетъ находиться совершенно во власти лодочника и принужденъ соглашаться на всѣ условія, какъ бы они не были чрезмѣрны. Но если бы вмѣсто одного явилось нѣсколько лодочниковъ, то условія спасенія понизились бы, потому что каждый изъ нихъ пожелалъ бы заработать деньги въ свою пользу. Изъ этого видно, что цѣнность слагается изъ двухъ элементовъ, изъ власти продавца надъ пріобрѣтателемъ и изъ степени нуждаемости послѣдняго въ услугѣ перваго [1]). *Цѣна измѣняется въ прямомъ отношеніи къ напряженности оказанной услуги и въ обратномъ отношеніи къ власти покупщика надъ продавцемъ.* Законъ этотъ тожественъ съ закономъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Цѣна есть результатъ борьбы между спрашивающими и предлагающими продуктъ, этой борьбой обусловливается цѣнность всѣхъ продуктовъ. Законъ

---

[1]) Цѣна каждой услуги состоитъ изъ двухъ элементовъ,—изъ внутренней стоимости, или напряженія самой услуги, что мы можемъ назвать также крайностью, въ которую поставлено лицо, требующее услуги, —и изъ власти, которую лицо, оказывающее услугу, пріобрѣтаетъ надъ тѣмъ, кому услуга оказывается; другими словами,—цѣна измѣняется сообразно напряженію оказываемой услуги и сообразно власти продавца" (стр. 104).

спроса и предложенія, подобно закону тяготѣнія, прилагается ко всѣмъ явленіямъ цѣнности. Всѣ обстоятельства, вліяющія на измѣненія въ цѣнности, прежде всего вліяютъ на измѣненіе въ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ, безъ послѣдняго не мыслимо первое. Никакое измѣненіе въ издержкахъ производства не вызоветъ измѣненія въ цѣнности, если оно не сопровождается измѣненіемъ въ отношеніи спроса и предложенія. Доказывать обусловливаемость цѣнности издержками производства можно лишь въ томъ смыслѣ, что никто не согласится добровольно продать произведенный предметъ за цѣну меньшую издержекъ производства; никто не могъ бы производить продажу такимъ образомъ въ теченіе долгаго времени. Но выше этого уровня человѣкъ старается выручить какъ можно больше и прибыль его будетъ опредѣляться необходимостью, которую покупщикъ ощущаетъ въ пріобрѣтеніи извѣстной услуги, совокупно съ числомъ совмѣстниковъ, желающихъ оказать ему услугу. Съ другой стороны покупщикъ вовсе не обращаетъ вниманія на издержки производства, его единственная цѣль—купить какъ можно дешевле, не заботясь о томъ, продаетъ ли производитель съ убыткомъ, или безъ убытка. Результатомъ перваго будетъ то, что если продажная цѣна предмета будетъ ниже издержекъ производства, то это не можетъ долго продолжаться, въ противномъ случаѣ производство предмета прекратится.

Что такое спросъ и что такое предложеніе, которымъ всецѣло подчинены всѣ явленія цѣнности, то Маклеодъ даетъ отвѣтъ на этотъ вопросъ въ слѣдующихъ словахъ: Нѣкоторые признавали, что потребленіе равносильно уничтоженію, истребленію продукта; мы употребляемъ это слово въ смыслѣ продажи. Когда мы говоримъ о потребленіи предмета, мы разумѣемъ проданное количество. Производитель есть лицо, доставляющее предметъ для продажи; потребитель есть лицо, уносящее предметъ съ рынка посредствомъ покупки его. Какъ произведенное количество выражаетъ предложеніе (supply), такъ количество проданное выражаетъ спросъ (demand). Такимъ образомъ выраженія: произведеніе и потребленіе, предложеніе и спросъ не означаютъ ничего

болѣе, какъ количество предлагаемое для продажи и количество проданное (стр. 90—91).

Шторхъ, уясняя значеніе закона отношенія между спросомъ и предложеніемъ, выдѣлилъ объемъ отъ интенсивности какъ въ спросѣ, такъ и въ предложеніи. Легко замѣтить, что и ученія объ этомъ законѣ Мальтуса и Маклеода всецѣло основаны на этомъ же выдѣленіи объема отъ интенсивности; выдѣленіе это прямо формулировано Мальтусомъ, въ теоріи же Маклеода оно хотя и не констатируется, но построеніемъ всей теоріи цѣнности на внутреннемъ элементѣ спроса и предложенія (интенсивность) Маклеодъ тѣмъ самымъ уже выдѣляетъ внѣшній элементъ, какъ не имѣющій значенія.

Необходимо согласиться, что для надлежащаго уясненія экономическаго значенія закона отношенія между спросомъ и предложеніемъ указанное выдѣленіе внѣшняго элемента отъ внутренняго представляетъ собою такое условіе, безъ соблюденія котораго научное уясненіе этого закона немыслимо. Дѣло въ томъ, что внѣшній элементъ въ спросѣ и предложеніи не имѣетъ никакого вліянія на мѣновыя пропорціи, а скорѣе самъ въ своихъ размѣрахъ зависитъ отъ размѣровъ послѣднихъ. Для доказательства этой мысли, уяснимъ нѣсколько точнѣе, что такое внѣшній и внутренній элементы въ спросѣ и предложеніи.

Предложеніемъ называется количество продуктовъ, назначенныхъ ихъ владѣльцемъ для продажи; слѣдовательно въ предложеніи необходимо отличать два элемента: 1) количество продуктовъ и 2) желаніе ихъ сбыть со стороны ихъ владѣльца. Такихъ же два элемента необходимо отличать и въ спросѣ. Спросомъ называется желаніе пріобрѣсть товаръ, соединенное съ необходимыми для пріобрѣтенія средствами; въ экономическомъ смыслѣ нельзя назвать съ экономической точки зрѣнія спросомъ, на примѣръ, желаніе нищаго пріобрѣсть какія либо драгоцѣнныя вещи, такой спросъ не имѣетъ экономическаго значенія. Изъ этого видно, что и въ спросѣ необходимо отличать: 1) количество продуктовъ, какъ средствъ пріобрѣтенія, и 2) желаніе со стороны ихъ владѣльца пріобрѣсть посредствомъ ихъ продажи другіе продукты. Внѣшній элементъ въ спросѣ и предложеніи и есть коли-

чественная ихъ сторона, между тѣмъ какъ внутренній состоитъ въ качественной сторонѣ или въ желаніи сбыта и пріобрѣтенія. При этомъ опредѣляя количественную сторону спроса и предложенія необходимо имѣть въ виду не столько количество спрашивающихъ и предлагающихъ, сколько, количество вынесенныхъ на рынокъ въ цѣляхъ сбыта и пріобрѣтенія продуктовъ. Спрашивающіе и предлагающіе продуктъ имѣютъ значеніе лишь въ той степени, въ какой являются представителями вынесенныхъ на рынокъ продуктовъ Опредѣленіе Маклеода, по которому произведенное количество выражаетъ предложеніе, а проданное выражаетъ спросъ, при всей своей неточности, можетъ быть опредѣленіемъ только внѣшняго элемента въ спросѣ и предложеніи. Въ этомъ отношеніи опредѣленіе Маклеода гораздо ниже опредѣленія Мальтуса, обнимающаго въ опредѣляемомъ явленіи его обѣ стороны—внѣшнюю и внутреннюю.

Внѣшній элементъ въ спросѣ и предложеніи, по замѣчанію сдѣланному уже Шторхомъ и за тѣмъ развитому Мальтусомъ, не имѣетъ вліянія на цѣнность, скорѣе на оборотъ она зависитъ отъ цѣнности вещей. Въ количественномъ отношеніи спросъ и предложеніе равны между собою. Спросъ не можетъ быть въ этомъ отношеніи больше предложенія, какъ бы мало ни было послѣднее; съ другой стороны какъ бы ни было велико предложеніе, спросъ долженъ увеличиться въ соотвѣтствующей пропорціи, иначе часть продуктовъ должна остаться безъ потребленія и производство этой лишней части, какъ никому не нужной, должно быть прекращено. Если же такъ, то по закону спроса и предложенія, такимъ образомъ опредѣляемому, цѣнность продуктовъ всегда была бы равна или необходимой цѣнѣ, какъ замѣтилъ Шторхъ, или лучше должна вовсе не зависѣть отъ этого закона, какъ замѣтилъ Мальтусъ, а на оборотъ, размѣры спроса и предложенія должны опредѣляться и дѣйствительно въ этомъ случаѣ опредѣляются цѣнностью. Чѣмъ ниже цѣнность продуктовъ, тѣмъ большему числу покупателей продукты эти доступны, тѣмъ большій спросъ на нихъ, больше потребленіе и сбытъ. Спросъ на уголь въ Великобританіи простирается почти до 100 милл. тоннъ, между тѣмъ какъ цѣнность угля едва равняется $^1/_4$

той цѣны, которая существовала въ то время, когда спросъ на уголь для всей Европы былъ менѣе милліона [1]). По мнѣнію Маклеода, если пониженіе цѣны совершается въ ариѳметической пропорціи, то увеличеніе потребляемаго количества совершается въ геометрической пропорціи, быстро восходящей; другими словами это значитъ, что уменьшеніе цѣны въ ариѳметической пропорціи сопровождается увеличеніемъ спроса и предложенія въ геометрической быстро восходящей пропорціи. Очевидно, не цѣна зависитъ въ этомъ случаѣ отъ спроса и предложенія, а наоборотъ. Цѣнность всѣхъ хлопчатобумажныхъ товаровъ, говоритъ Маклеодъ, въ Великобританіи въ настоящее время быть можетъ въ сто разъ выше сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда каждая отдѣльная штука этихъ товаровъ была вдесятеро выше настоящей цѣны. Тоже самое и съ книгами; въ настоящее время спросъ и цѣнность всѣхъ книгъ быть можетъ въ сто разъ выше чѣмъ въ то время, когда каждая отдѣльная книга была въ сто разъ дороже, чѣмъ теперь [2]).

Большая часть возраженій противъ закона спроса и предложенія направлены противъ этого внѣшняго элемента, значеніе котораго отрицается и самыми экономистами, принимающими законъ спроса и предложенія въ качествѣ регулятора мѣновыхъ пропорцій. Таковы, на примѣръ возраженія В. Торнтона. Обыкновенно подъ предложеніемъ предмета потребленія, говоритъ онъ [3]), разумѣется все то его количество, которое предлагается на продажу; опредѣленіе это не вполнѣ удовлетворительно и требуетъ дополненія. Подъ запросомъ разумѣется не одно желаніе пріобрѣсть, тутъ необходимо еще другое условіе—средства къ пріобрѣтенію. Поэтому обыкновенно говорятъ, что спросъ—это желаніе пріобрѣсть, соединенное съ необходимыми къ пріобрѣтенію средствами. Но независимо отъ другихъ возраженій противъ удовлетворительности такого опредѣленія, оно дѣлаетъ невозможнымъ сравненіе между спросомъ и предложеніемъ. Если

---

[1]) Кэри. Руков. къ экон. наукѣ стр. 134.

[2]) Основ. политич. эк. стр. 148—149

[3]) Трудъ, его ложныя требованія и законныя права. кн. II, гл. 1.

предложеніе есть количество извѣстнаго товара, предлагаемаго на продажу, то невозможно сравнивать предложеніе, какъ количество, съ желаніемъ, или хотя бы съ желаніемъ, но соединеннымъ съ извѣстными средствами. Сравненіе становится возможнымъ только тогда, когда подъ желаніемъ имѣть, соединеннымъ съ средствами купить, подразумѣвается количество товара, которое мы желаемъ и имѣемъ возможность купить Когда мы говоримъ объ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ, то разумѣемъ *отношеніе между количествомъ предложенія и количествомъ спроса.* Но и это опредѣленіе не вѣрно. Если бы спросъ не требовалъ болѣе точнаго и ограниченнаго опредѣленія, то отношеніе между предложеніемъ и спросомъ могло бы измѣняться только въ одномъ направленіи. Спросъ могъ бы превзойдти предложеніе, но послѣднее не могло бы превзойдти запросъ. Едвали предложеніе какого бы то ни было товара можетъ достичь до такого избытка, чтобы не нашелся охотникъ пріобрѣсть его, хотя бы за грошъ. Пусть только цѣна товара будетъ достаточно низка, всегда найдется покупщикъ на все его количество. Если продавецъ предлагаетъ свой товаръ безусловно, лишь бы сбыть его съ рукъ за какую бы то ни было цѣну, то спросъ на его товаръ будетъ соразмѣренъ съ предложеніемъ. Изъ этого видно, что опредѣленіе предложенія необходимо дополнить такъ: предложеніе есть не просто количество предлагаемаго товара, а количество предлагаемаго товара за извѣстную цѣну, такъ какъ въ дѣйствительности продажному товару всегда назначается продавцемъ или покупщикомъ та или другая цѣна. Точно также необходимо исправить и опредѣленіе спроса. Спросъ не есть вообще количество товара, которое покупщикъ желаетъ пріобрѣсть за какую бы то ни было цѣну, а количество, которое онъ желаетъ купить за извѣстную цѣну. И такъ, предложеніе есть количество товара, предлагаемаго на продажу по извѣстной цѣнѣ; съ другой стороны спросъ есть количество товара, требуемаго по той цѣнѣ, по которой онъ предлагается. Если понять спросъ и предложеніе въ этомъ единственно научномъ смыслѣ, то вліяніе этого закона на цѣнность вполнѣ отрицается. Для доказательства этой мысли Торнтонъ представляетъ нѣсколько примѣровъ, изъ которыхъ мы

приводимъ два. Положимъ, говоритъ онъ, два человѣка въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время продаютъ по комиссіи лошадь, оцѣненную владѣльцемъ въ 50 ф. ст., и что въ одномъ случаѣ является два, а въ другомъ три покупщика, изъ которыхъ каждый готовъ заплатить за лошадь 50 ф., но не въ состояніи дать болѣе этой цѣны. Въ обоихъ случаяхъ предложеніе одно и тоже—лошадь въ 50 ф., а спросъ различенъ, однакожъ цѣна, по которой лошади продадутся, въ обоихъ случаяхъ одна и таже, а именно 50 ф. Изъ этого примѣра видно, что цѣна вовсе не возвышается, хотя спросъ превосходитъ предложеніе. Съ другой стороны предложеніе товара опредѣляется цѣной, а не наоборотъ, не вѣрна теорія, по которой товаръ предлагается на продажу безусловно. За исключеніемъ одного лишь труда, ни одинъ предметъ потребленія не предлагается на продажу безусловно; едва ли когда продавецъ согласится на цѣну, какая устанавливается наличнымъ спросомъ и предложеніемъ, иными словами, на цѣну, по которой онъ могъ бы немедленно сбыть весь свой запасъ. Обыкновенно продавецъ соображаетъ, какую цѣну въ данную минуту могутъ дать не за весь его товаръ, а за значительную его часть, и потому начинаетъ продавать товаръ по этой цѣнѣ, какая по опыту окажется самой выгодной въ данное время: продаетъ сколько можетъ по этой цѣнѣ и, удовлетворивъ наличному спросу, выжидаетъ новаго. Торговецъ выручаетъ за свой товаръ гораздо болѣе той суммы, которая досталась бы ему, если бы вздумалъ сбыть разомъ весь свой запасъ. Перчаточникъ, выжидая покупателей, вѣроятно распродаетъ всѣ свои перчатки по 3 или 4 тал. за пару и едвали выручилъ бы по 6 пенсовъ за пару, если бы вздумалъ навязывать ихъ своимъ покупателямъ. Но какимъ же способомъ онъ выручаетъ высшую цѣну? Очень просто,—не продавая безусловно, не соглашаясь на цѣну, какую установило бы дѣйствительное отношеніе между спросомъ и предложеніемъ, и назначая высшую цѣну, дешевле которой онъ не уступаетъ своего товара.

Съ этими возраженіями Торнтона нельзя не согласиться, но въ тоже время необходимо сказать, что возраженія эти не имѣютъ никакого значенія при рѣшеніи вопроса о значеніи въ народной экономіи закона спроса и предложенія. Только количествен-

ная сторона этого закона, къ которой относятся всѣ возраженія Торнтона, дѣйствительно зависитъ отъ цѣнности продуктовъ, а не наоборотъ, слѣдовательно не имѣетъ вліянія на мѣновыя пропорціи. Впрочемъ, такой мыслитель какъ Д. С. Милль думаетъ, что въ этой количественной сторонѣ и состоитъ вся сущность вопроса, [1]) между тѣмъ, какъ мы видѣли, лучшіе изъ представителей теоріи спроса и предложенія, какъ регулятора мѣновыхъ пропорцій, ясно говорятъ, что цѣнность зависитъ не отъ количественной, но качественной стороны этого закона, не отъ объема или размѣра, но отъ интенсивности спроса и предложенія. Нѣкоторыя изъ возраженій Торнтона прямо заимствованы у Мальтуса; таковъ на примѣръ фактъ продажи лошади за 50 ф. ст. въ двухъ случаяхъ, хотя въ обоихъ спросъ не равенъ. Въ изложеніи теоріи Мальтуса мы видѣли, что онъ утверждаетъ тоже самое, но только въ доказательство того, что размѣръ (количество или объемъ) спроса не вліяетъ на цѣнность, но что послѣдняя зависитъ отъ интенсивности спроса. Ясно, что возраженія Торнтона, при всей ихъ вѣрности, вовсе не разрушаютъ закона спроса и предложенія. Мы вполнѣ согласны, что если бы въ этомъ законѣ была только одна количественная сторона, то законъ этотъ долженъ быть признанъ простымъ измышленіемъ экономистовъ; въ этомъ случаѣ онъ дѣйствительно не имѣлъ бы никакого реальнаго значенія. Но лучшіе изъ представителей этого закона—Мальтусъ и Маклеодъ—вовсе не ограничиваютъ его одною количественною стороною. По Мальтусу, колебанія въ явленіяхъ цѣнности зависятъ отъ колебаній въ отноше-

---

[1]) Какъ всѣ честные полемисты, Торнтонъ, говоритъ Милль, направляетъ свою атаку на самую могучую изъ формъ, въ которыхъ вышлось мнѣніе, противъ котораго онъ возстаетъ. Онъ не останавливается на *дѣтской* формѣ теоріи, по которой спросъ опредѣлялся какъ желаніе предмета потребленія или желаніе, соединенное съ способностью купли, или по которой цѣна зависитъ отъ пропорціи между запросомъ и предложеніемъ. Надо надѣяться, что не многіе теперь находятся въ этомъ limbus infantum. Спросъ для возможности сравненія съ предложеніемъ долженъ означать не желаніе, не способность, а количество. Д. С. Милль о сочин. Торнтона, прил. къ книгѣ Торнтона „Трудъ“ стр. 413. Какъ видно. Милль плохо изучилъ теорію цѣнности Мальтуса, своего учителя.

ніяхъ между спросомъ и предложеніемъ, ведущихъ къ проявленію большей интенсивности спроса. Эта мысль еще яснѣе высказана Маклеодомъ въ словахъ: цѣнность измѣняется въ прямомъ отношеніи къ напряженности оказанной услуги и въ обратномъ отношеніи къ власти покупщика надъ продавцемъ. Въ этомъ истинномъ своемъ видѣ законъ спроса и предложенія не измышленіе экономистовъ, но прямо взятъ изъ окружающей насъ дѣйствительности, не limbus infantium, какъ думаетъ Милль, но великій законъ отношеній, который уже *впослѣдствіи* былъ примѣненъ Дарвиномъ къ міру животныхъ и растеній. Это законъ борьбы взаимно противоположныхъ интересовъ продавца и пріобрѣтателя. Каждый изъ нихъ старается дать за чужой продуктъ какъ можно дешевле и получить за свой продуктъ какъ можно болѣе чужихъ; „по мѣрѣ того, какъ одинъ получаетъ перевѣсъ надъ другимъ, цѣна повышается или понижается, подобно тому, какъ цѣна, при встрѣчѣ волнъ, бросается впередъ или назадъ, сообразно съ относительной силой каждой изъ встрѣчающихся волнъ.“ На низшихъ ступеняхъ развитія побѣждаетъ обыкновенно тотъ, кто физически сильнѣе, съ развитіемъ безопасности по общему правилу перевѣсъ силы на сторонѣ того, чья потребность въ чужомъ продуктѣ менѣе настоятельна [1]). Экономисты вполнѣ правы, признавая въ такомъ видѣ реальное значеніе закона спроса и предложенія; каждый изъ насъ вѣроятно испытывалъ грозную силу этого закона. Но они не правы, считая его общественно-экономическимъ закономъ; борьба въ экономическихъ отношеніяхъ представляетъ собою фактъ, а не принципъ, частнохозяйственный, а не общественно-хозяйственный законъ. Съ экономическимъ развитіемъ внутренняя сторона въ законѣ отношенія между спросомъ и предложеніемъ, то есть сравнительная нуждаемость въ чужомъ продуктѣ, по общему правилу, перестаетъ вліять на мѣновыя пропорціи, уступая мѣсто взаимной нуждаемости, какъ той возможности въ развитіи мѣновыхъ сношеній, которая заключается въ самой природѣ обмѣна.

---

[1]) W. Roscher Die Grundlagen, стр. 177.

По идеѣ обмѣна, для каждой изъ мѣняющихся сторонъ желаемый продуктъ находится въ чужихъ рукахъ, слѣдовательно въ этомъ отношеніи ни одна изъ нихъ сравнительно съ другою не монополизирована, каждая изъ нихъ находится въ одинаковомъ и равномъ положеніи сравнительно съ другою. Представимъ себѣ двухъ производителей, изъ которыхъ одинъ производитъ пшеницу, а другой производитъ рожь, и что между этими производителями происходитъ обмѣнъ. Такъ какъ для каждаго изъ нихъ желаемый продуктъ находится въ рукахъ другаго и, вслѣдствіе этого, такъ какъ каждый изъ нихъ одинаково нуждается въ продуктѣ другаго, то въ ихъ отношеніяхъ борьба противоположныхъ интересовъ не можетъ быть регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій. Каждый изъ нихъ можетъ желать обмануть другаго, можетъ стараться дать за чужой продуктъ какъ можно меньше и, наоборотъ, стараться получить какъ можно больше, но эти желанія, вслѣдствіе одинаковости взаимной нуждаемости въ продуктѣ другаго, не оказываютъ никакого вліянія на цѣнность. Законъ спроса и предложенія, какъ формула борьбы взаимно противоположныхъ интересовъ, въ данномъ случаѣ оказывается не приложимымъ; одинъ изъ элементовъ это закона, именно желаніе или нуждаемость, является равнымъ какъ въ спросѣ, такъ и въ предложеніи, вслѣдствіе чего остается безъ всякаго вліянія на мѣновыя пропорціи. Остается другой элементъ—количественный, но мы видѣли, что этотъ элементъ не опредѣляетъ цѣнности, а самъ опредѣляется ею. Такъ законъ спроса и предложенія, какъ законъ борьбы интересовъ, долженъ быть признанъ не согласнымъ съ идеей обмѣна, изъ природы котораго вытекаетъ не борьба, но взаимность въ отношеніяхъ между контрагентами, вступающими между собою въ обмѣнъ.

Взаимность въ спросѣ и предложеніи мѣняющихся сторонъ, какъ взаимность нуждаемости и равенство ихъ зависимости, подобно всѣмъ общественнымъ законамъ, не сразу, но постепенно осуществляется. При натуральномъ обмѣнѣ взаимности спроса и предложенія почти не существуетъ. Человѣку, имѣющему платье и желающему промѣнять его на хлѣбъ, весьма трудно найти именно такого контрагента обмѣна, который имѣлъ бы хлѣбъ

и желалъ обмѣнять его на платье. Портной, не имѣющій ничего, кромѣ платья, по замѣчанію Милля, можетъ умереть съ голода прежде, чѣмъ найдетъ человѣка, желающаго продать хлѣбъ и пріобрѣсти платье. Мало того, если онъ и найдетъ человѣка, который бы желалъ обмѣнять платье на хлѣбъ, но можетъ случиться, что человѣкъ этотъ имѣетъ менѣе хлѣба, нежели стоитъ платье; послѣдній продуктъ не можетъ быть дѣлимъ на части безъ уничтоженія своей цѣнности; можетъ случиться также, что найденный контрагентъ и имѣетъ много хлѣба, но не желаетъ отдать за платье столько, сколько стоитъ оно, менѣе нуждаясь въ продуктѣ портнаго, чѣмъ послѣдній въ его продуктѣ. Для такого портнаго, когда онъ въ своихъ поискахъ встрѣтится съ владѣльцемъ хлѣба, желающимъ продать его за платье, цѣнность послѣдняго будетъ опредѣляться борьбой, въ которой сильнѣе тотъ, чья потребность въ чужомъ продуктѣ менѣе настоятельна. Въ такомъ положеніи сторонъ взаимности въ спросѣ и предложеніи не существуетъ. Но фактъ, возведенный въ принципъ экономистами, весьма рано былъ признанъ мѣняющимися сторонами убыточнымъ. Каждый производитель, не желая испытывать на себѣ подобной борьбы, весьма рано старался запасаться такимъ товаромъ, въ отношеніи къ которому спросъ найболѣе постоянен, товаромъ всѣми потребляемымъ, всѣми желаемымъ или общеспрашиваемымъ. Запасшись такимъ товаромъ, каждый былъ гарантированъ въ томъ, что во всякое время найдетъ человѣка, желающаго купить этотъ товаръ, обмѣнять его на другой. У народовъ пастушескихъ такимъ товаромъ былъ скотъ; у древнихъ славянъ „скотъ“ часто употреблялся не только въ смыслѣ животнаго, но также въ смыслѣ денегъ, иногда холопа; въ малороссійскихъ губерніяхъ и до настоящаго времени скотъ называютъ товаромъ, что ясно указываетъ на тотъ періодъ, когда скотъ былъ дѣйствительно товаромъ по преимуществу, какъ общеспрашиваемымъ и найболѣе обращающимся продуктомъ. Слово *pecunia* производятъ отъ слова *pecus* скотъ, что также указываетъ на тотъ періодъ, когда скотъ былъ самымъ общеспрашиваемымъ товаромъ, запасаться которымъ каждый старался для того, чтобы гарантировать себѣ сбытъ и пріобрѣтеніе желаемаго при всякомъ

случаѣ. Такъ мало по малу появились деньги, какъ мѣновой посредникъ; натуральный обмѣнъ продуктовъ на продукты уступилъ мѣсто денежному обмѣну продукта на деньги и потомъ денегъ на продуктъ. Мѣновой актъ раздвоился, но въ сущности произошло большее сближеніе между продавцемъ и покупателемъ, между спросомъ и предложеніемъ. Каждый, имѣющій въ рукахъ деньги, вполнѣ увѣренъ, что можетъ обмѣнять ихъ на желаемый продуктъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, такъ какъ деньги представляютъ собою такой товаръ, запасаться которымъ старается каждый. Спросъ на всякій отдѣльный товаръ есть спросъ на данный товаръ, между тѣмъ какъ спросъ на деньги есть спросъ на товары вообще; равнымъ образомъ и предложеніе всякаго отдѣльнаго товара есть предложеніе именно этого товара, между тѣмъ какъ предложеніе денегъ равносильно предложенію товаровъ вообще. Вотъ почему справедливо говорятъ, что деньги представляютъ собою отвлеченное богатство (abstract wealth). „Это оживленная отвлеченность, прекрасно замѣчаетъ г. Кауфманъ. Самая высокая абстракція, какую знаетъ исторія прогресса человѣчества, представляется тою, которая обобщаетъ всѣ проявленія полезной (культурной) человѣческой дѣятельности, что она ни создавала бы, хлѣбъ, платье, обувь, жилище, пѣсню, военную побѣду, политическій порядокъ и т. д. какому бы времени, какой бы національности и мѣстности она ни принадлежала, всѣ, словомъ, проявленія дѣятельности обобщаетъ, какъ проявленіе общечеловѣческаго единства. Эта-то найвысшая абстракція имѣетъ практическое реальное значеніе въ той мѣрѣ, въ какой она воплощается въ золотѣ и серебрѣ, представляющихъ всѣ цѣнности, выработанныя культурою. [1])“ Переходъ отъ натуральнаго хозяйства въ денежному, въ которомъ всѣ товары находятъ для себя обобщающее начало въ деньгахъ представляетъ собою величайшій шагъ въ исторіи человѣчества къ человѣчности интересовъ, къ общей взаимности въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Представляя собою обобщенный спросъ и обобщен-

[1]) Кредитъ, банки и денежное обращеніе, стр. 59.

ное предложеніе, деньги устанавливаютъ взаимность въ спросѣ и предложеніи товаровъ мѣняющихся сторонъ. Портной, который могъ умереть съ голоду, прежде нежели встрѣтился бы съ человѣкомъ, желающимъ обмѣнять свой хлѣбъ на платье, при существованіи денежнаго обмѣна легко можетъ получить желаемый продуктъ, обмѣнявъ предварительно платье на деньги. При натуральномъ мѣновомъ хозяйствѣ онъ вполнѣ зависѣлъ отъ человѣка, владѣющаго хлѣбомъ, при денежномъ хозяйствѣ между производителями устанавливается взаимная зависимость и слѣдовательно солидарность интересовъ. При натуральномъ обмѣнѣ, не говоря уже о продолжительности поисковъ за контрагентомъ обмѣна, при встрѣчѣ съ послѣднимъ производитель платья долженъ былъ подчинятъся мѣновымъ условіямъ владѣльца хлѣба, или наоборотъ, смотря по тому, у кого настоятельность потребности въ чужомъ продуктѣ была сильнѣе. Ограниченность выбора между контрагентами дѣйствовала такимъ же образомъ на цѣнность, какъ дѣйствуетъ на цѣны наприм. осада города непріятелемъ. Какъ въ послѣднемъ случаѣ покупатель вполнѣ зависитъ отъ того или иного продавца, количество которыхъ ограничено, такъ и въ первомъ случаѣ одна изъ мѣняющихся сторонъ легко становится въ монопольное положеніе сравнительно съ другою, имѣетъ возможность предписывать условія обмѣна для послѣдней. Здѣсь спросъ концентрируется въ данномъ пунктѣ и интенсивностью его опредѣляется мѣновая пропорція. Будучи общеспрашиваемымъ товаромъ, деньги разширяютъ районъ какъ спроса, такъ и предложенія. При натуральномъ хозяйствѣ на мѣстѣ спроса можетъ быть предложеніе ограничено, какъ и наоборотъ, на мѣстѣ предложенія можетъ быть спросъ ограниченъ при денежномъ хозяйствѣ въ этихъ случаяхъ является уравнивающая сила. Портному нечего искать владѣльца хлѣба, желающаго обмѣнять свой хлѣбъ на платье; онъ можетъ продать его всякому, имѣющему хлѣбъ въ абстрактномъ видѣ денегъ, слѣдовательно деньги ведутъ къ увеличенію района сбыта его продуктовъ; съ другой стороны, получивъ деньги, онъ можетъ обмѣнять ихъ на хлѣбъ у перваго встрѣчнаго владѣльца хлѣба, слѣдовательно деньги ведутъ къ увеличенію района предложенія жела-

емыхъ продуктовъ. Вмѣсто зависимости продавца или покупщика отъ тѣхъ или иныхъ лицъ, является зависимость каждаго отъ всѣхъ и наоборотъ, что въ свою очередь ведетъ къ зависимости не отъ людей и лицъ, но отъ условій производства. Когда, при натуральномъ обмѣнѣ, районъ предложенія ограниченъ, продавецъ находится въ монопольномъ положеніи сравнительно съ покупщикомъ, можетъ требовать цѣну, какую только можетъ дать покупщикъ, смотря по своимъ средствамъ и настоятельности потребности. Разширеніе района предложенія увеличиваетъ конкурренцію между продавцами, что въ свою очередь ведетъ къ уничтоженію монополизированности въ ихъ положеніи. Наоборотъ, при ограниченности района спроса, покупщикъ находится въ монопольномъ положеніи сравнительно съ продавцемъ, можетъ послѣднему предписывать мѣновыя условія, отъ которыхъ онъ несетъ только потери. Разширяя районъ какъ спроса, такъ и предложенія, деньги очевидно, ведутъ къ уничтоженію монополизированности въ положеніи той или иной мѣняющейся стороны, устанавливаютъ равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ, слѣдовательно взаимность и равенство ихъ. Вполнѣ справедливо замѣчаніе экономистовъ, что деньги—одно изъ основныхъ орудій ассоціаціи между людьми (К э р и).

Значеніе денегъ, какъ орудія междучеловѣческой взаимности, прекрасно уяснено самимъ же М а к л е о д о м ъ.

Деньги, говоритъ онъ, [1]) имѣютъ цѣлію приводить на память и преводить долги. Уже А. С м и т ъ замѣтилъ, что гинея можетъ быть разсматриваема какъ вексель на полученіе извѣстнаго количества товаровъ, выданный на всѣхъ торговцевъ околодка. Для лучшаго уясненія этой мысли, М а к л е о д ъ употребляетъ слѣдующее сравненіе. Представимъ себѣ общественную книгу, содержимую правительствомъ, въ которую каждый производитель вносилъ бы свои услуги, выраженныя посредствомъ цифръ. „*Такая книга представляла бы самое отчетливое выраженіе денежныхъ знаковъ страны.* Тогда всякій, имѣющій по этой книгѣ

[1]) Основ. пол. экономіи, стр 30—39.

кредитъ, могъ бы требовать услугъ отъ другаго лица и дать приказъ національному бухгалтеру перевести цифры, выражающія размѣръ этихъ услугъ, изъ своего столбца въ столбецъ своего кредитора. Самая книга служила бы къ приведенію на память и обозначенію долговъ; весь итогъ цифръ по кредитамъ отдѣльныхъ лицъ составлялъ бы полный итогъ денежныхъ знаковъ страны, а переводъ цифръ изъ одного столбца въ другой, выражалъ бы переводъ долга и обозначалъ бы точно такую же операцію, какъ переводъ монеты отъ одного лица къ другому; итогъ же всѣхъ этихъ переводовъ составилъ бы итогъ денежнаго обращенія."

Уже одинъ этотъ фактъ возможности построенія научной системы, по которой деньги и долговой документъ представляются понятіями тожественными и денежное обращеніе сравнивается съ долговой книгой, содержимой правительственною властью для взаимнаго перевода услугъ, ясно указываетъ намъ на реальное существованіе солидарности въ мѣновыхъ отношеніяхъ, проявляющейся при посредствѣ денегъ. Конечно, отожествлять деньги съ долговымъ документомъ не научно, такъ какъ денежная единица представляетъ собою самостоятельный товаръ, между тѣмъ какъ долговой документъ съ общественно-хозяйственной точки зрѣнія товаромъ не можетъ быть названъ. Деньги, матеріаломъ для которыхъ служитъ золото и серебро, представляютъ такой же общеспрашиваемый товаръ, какъ скотъ, товаръ-посредникъ, на низшихъ ступеняхъ экономическаго быта. Подобно тому, какъ странно было бы назвать въ послѣднемъ случаѣ общеспрашиваемый товаръ скотъ долговымъ документомъ, потому только, что этотъ товаръ служитъ мѣновымъ посредникомъ, даетъ возможность пріобрѣтенія другихъ товаровъ, такъ не менѣе странно отожествлять металлическія деньги съ долговымъ документомъ. Нашъ портной промѣнялъ платье на корову, послѣднюю промѣниваетъ на хлѣбъ, для чего собственно онъ и производилъ первую мѣновую сдѣлку. Корова эта не вексель на полученіе хлѣба, такимъ же точно образомъ не можетъ быть названа векселемъ и гинея. То, что А. Смитъ употребилъ въ обратномъ смыслѣ, для лучшаго уясненія своей мысли о сущности денегъ, противопоставленной имъ ученію объ этомъ предметѣ меркантилистовъ, Маклe-

одъ принимаетъ въ буквальномъ смыслѣ. Тѣмъ не менѣе въ основаніи его взгляда лежитъ вполнѣ вѣрная мысль о взаимости общечеловѣческихъ мѣновыхъ интересовъ, по которой каждый производитель путемъ обмѣна получаетъ эквивалентъ имъ произведенной услуги и деньги служатъ орудіемъ такой мѣновой взаимности. Выражаясь образно, дѣйствительно можно сравнивать гинею съ векселемъ, деньги съ долговымъ документомъ и все денежное обращеніе съ общественной долговой книгой. Подобно переводу долговъ, деньги ведутъ къ взаимному погашенію производительныхъ услугъ по закону равенства выгодъ мѣняющихся сторонъ.

Начиная съ А. Смита, экономисты весьма часто сравниваютъ значеніе денегъ для общества съ значеніемъ дорогъ. Въ этомъ подведеніи денегъ и путей сообщенія къ одному знаменателю много правды. Подобно деньгамъ, разумное развитіе путей сообщеній ведетъ къ равновѣсію между спросомъ и предложеніемъ и слѣдовательно къ большей взаимности мѣновыхъ интересовъ. Отсутствіе возможности удобнаго и дешеваго перемѣщенія продуктовъ изъ однѣхъ мѣстностей въ другія, ведетъ къ раздѣленію между спросомъ и предложеніемъ и къ съуженію района ихъ дѣйствій. Въ одной мѣстности спросъ можетъ быть въ высшей степени интенсивенъ на извѣстнаго рода продукты и цѣны высоки, въ другой, наоборотъ, можетъ быть велико предложеніе этихъ товаровъ, спросъ ничтоженъ и цѣны низки. Проведеніе дороги между такими мѣстностями равносильно соединенію спроса съ предложеніемъ, расширенію района ихъ дѣйствія и слѣдовательно увеличенію взаимности интересовъ мѣняющихся сторонъ. Другими словами, пути сообщеній въ отношеніи къ спросу и предложенію оказываютъ тоже вліяніе, какъ и деньги.

Къ этимъ двумъ средствамъ уравненія спроса и предложенія мало по малу присоединяется третье—кредитъ. Какъ денежный обмѣнъ имѣетъ своею задачею устраненіе недостатковъ натуральнаго обмѣна, при которыхъ мѣновая взаимность была не мыслима, такъ въ свою очередь, кредитный обмѣнъ имѣетъ своею задачею, въ числѣ другихъ, устраненіе недостатковъ денежнаго обмѣна, при которыхъ мѣновая взаимность не всегда можетъ

быть осуществима. Какъ при натуральномъ, такъ и при денежномъ обмѣнѣ необходимо наличное существованіе обоихъ элементовъ обмѣна, необходимо, чтобы каждый контрагентъ обладалъ на лицо взаимноспрашиваемымъ. Между тѣмъ это не всегда бываетъ. Одинъ человѣкъ можетъ имѣть необходимое другому, но этотъ послѣдній можетъ не имѣть необходимаго для перваго или его эквивалента въ видѣ денегъ. На первыхъ ступеняхъ развитія экономическаго общежитія обмѣнъ во всѣхъ подобныхъ случаяхъ не возможенъ въ такихъ случаяхъ не можетъ быть ни натуральнаго, ни денежнаго обмѣна. Но съ накопленіемъ капиталовъ и организаціей юридическихъ началъ общежитія нашлась возможность производить мѣновыя сдѣлки и въ подобнаго рода случаяхъ. Накопленіе капиталовъ сдѣлало возможнымъ обойтись на время безъ товара или его эквивалента, спрашиваемыхъ другимъ. Владѣющій достаточнымъ количествомъ хлѣба можетъ снабдить спрашивающаго хлѣбомъ и обождать возвращенія эквивалента. Съ другой стороны развитіе и осуществленіе юридическихъ началъ общежитія даетъ гарантію, что этотъ эквивалентъ, какъ другой элементъ обмѣна, будетъ возвращенъ въ свое время. Къ тому же съ экономическимъ развитіемъ развивается честность между людьми, гарантирующая доброе желаніе исполнить заключенное обѣщаніе, и трудъ всѣ болѣе и болѣе получаетъ разумное направленіе, гарантирующее то, что человѣкъ, не имѣющій въ данное время необходимыхъ элементовъ для обмѣна, послѣ ссуды можетъ болѣе производительно употребить свой трудъ и такимъ образомъ получитъ возможность исполнить обѣщаніе. Такъ является кредитное хозяйство и кредитный обмѣнъ. Кредитъ является на помощь человѣку въ тѣхъ случаяхъ, когда денежный обмѣнъ для него недостаточенъ. Посредствомъ кредита человѣкъ получаетъ возможность покупить продуктъ при посредствѣ самаго же покупаемаго продукта, что, безъ всякаго сомнѣнія, совершенно не мыслимо какъ при натуральномъ такъ и при денежномъ обмѣнѣ. Я занимаю опредѣленное имущество, употребляю его производительнымъ образомъ и возвращаю занятое послѣ такого производства, здѣсь, очевидно, занятое возвращается при посредствѣ самаго же занятаго. Законъ 19 февраля

представляетъ намъ величественный образецъ общественнаго значенія такого обмѣна. Крестьяне получили въ надѣлъ землю, которую они покупаютъ посредствомъ самаго же покупаемаго, производительно утилизируя предметъ своей покупки, причемъ общественная власть гарантировала принятое покупщиками обязательство.

Какъ денежный обмѣнъ, увеличивая районъ спроса и предложенія, усилилъ взаимность интересовъ мѣняющихся сторонъ, такъ и кредитный обмѣнъ ведетъ къ этой взаимности, также разширяя районъ спроса и предложенія Особенно это нужно сказать о такъ называемомъ личномъ кредитѣ, который съ развитіемъ честности, труда и правосудія получаетъ все большее и большее примѣненіе. При денежномъ обмѣнѣ еще не вполнѣ гарантируется равномѣрное развитіе спроса и предложенія; продавецъ можетъ находиться въ затруднительномъ положеніи только потому, что у покупщика нѣтъ въ наличности необходимыхъ средствъ пріобрѣтенія; въ этомъ случаѣ предложеніе получаетъ высокую интенсивную силу, продавецъ принужденъ продавать за безцѣнокъ свои продукты покупателямъ, имѣющимъ для этого средства и пользующимся его затруднительнымъ положеніемъ. Кредитъ, освобождая мѣновую сдѣлку отъ ограниченія ея даннымъ моментомъ, освобождаетъ продавца отъ такой временной зависимости отъ спроса, разширяя районъ послѣдняго. Во всѣхъ подобныхъ случаяхъ, при отсутствіи кредита, равномѣрность въ спросѣ и предложеніи была бы не мыслима. Съ другой стороны, при отсутствіи кредита была бы не мыслима равномѣрность въ приложеніи къ производству хозяйственныхъ силъ, такъ какъ это приложеніе вполнѣ обусловливалось бы не полною равномѣрностью въ спросѣ и предложеніи при существованіи одного только денежнаго обмѣна. При взаимной обусловливаемости всѣхъ явленій въ общественномъ организмѣ, весьма естественно, такая неравномѣрность приложенія къ производству хозяйственныхъ силъ, въ свою очередь, еще болѣе увеличивала бы неравенство въ отношеніи между спросомъ и предложеніемъ. Но что всего важнѣе, такъ это то, что посредствомъ кредита въ настоящее время получается правильная возможность развитія закона единенія

сходствъ въ приложеніи къ производству хозяйственныхъ силъ. Равновѣсіе между спросомъ и предложеніемъ возможно только тогда, когда болѣе или менѣе равны хозяйственныя силы, вступающія между собою въ обмѣнъ. Теорія согласія интересовъ и безусловной экономической свободы упустила изъ виду, что при свободѣ промышленности не можетъ быть равенства между карликомъ и великаномъ не только въ международной экономической жизни, но и въ экономическихъ междучеловѣческихъ отношеніяхъ вообще. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ нѣтъ равенства хозяйственныхъ силъ, не можетъ быть равенства и въ спросѣ и предложеніи, вмѣсто согласія интересовъ является борьба, въ которой побѣждаетъ сильнѣйшій, обращая болѣе слабаго въ фактическое рабство. Кредитъ дѣлаетъ возможнымъ концентрацію производительныхъ силъ, которая въ настоящее время наиболѣе проявляется между капиталистами и даетъ значеніе такимъ долямъ капитала, которыя въ противномъ случаѣ не имѣли бы никакого производительнаго значенія. Благодаря кредиту, устроиваются производительныя товарищества, при посредствѣ которыхъ каждая отдѣльная хозяйственная единица удесятеряетъ свои силы, многія хозяйства получаютъ дѣйствительное экономическое значеніе, между тѣмъ какъ внѣ пользованія закономъ единенія сходствъ всегда оставались бы въ зависимости отъ другихъ, или были бы въ положеніи человѣка, желающаго поднять тяжесть, для поднятія которой необходима совмѣстная, товарищеская работа десятя человѣкъ. Безъ всякаго сомнѣнія, принципъ единенія сходствъ можетъ осуществляться въ жизни и помимо кредита, но во многихъ случаяхъ безъ существованія кредита осуществленіе его не мыслимо, въ другихъ же случаяхъ оно не мыслимо въ такой полнотѣ, какъ при существованіи кредита. Споспѣшествуя осуществленію этого принципа, кредитъ прямо ведетъ къ усиленію равновѣсія между производствами и слѣдовательно равновѣсія и взаимности въ спросѣ и предложеніи.

Подъ вліяніемъ указанныхъ факторовъ мало по малу развивается взаимность въ мѣновыхъ отношеніяхъ, монополизированность въ положеніи того или иного контрагента обмѣна становится исключеніемъ, а равенство общимъ правиломъ. Вотъ поче-

му съ экономическимъ развитіемъ постоянно усиливается сближеніе между цѣнами на одни и тѣже продукты въ разныхъ мѣстностяхъ какой либо страны. Чѣмъ ниже страна въ экономическомъ отношеніи, тѣмъ больше замѣчается въ ней колебаній въ цѣнности продуктовъ и различій въ разныхъ мѣстностяхъ, напротивъ того съ экономическимъ развитіемъ постоянно замѣчается сближеніе между цѣнами. Сближеніе между цѣнами, замѣчаемое въ настоящее время въ образованныхъ странахъ, служитъ вѣрнѣйшимъ признакомъ экономическаго развитія этихъ странъ. Во Франціи средняя цѣна гектолитра пшеницы въ м. Нивозѣ 13 г. республики разнилась въ различныхъ провинціяхъ отъ 10 франковъ и 14 сантимовъ до 28 франковъ и 99 сантимовъ, то есть относилась какъ 1 къ 2,86 [1]). Въ голодномъ 1817 г. разница за гектолитръ хлѣба на разныхъ рынкахъ простиралась до 40 франковъ, въ 1847 г.—до 20, въ 1861 г. не превышала 6—7 франковъ, въ 1866 опустилась до 3—4, а въ настоящее время не превышаетъ одного франка [2]).

Очевидное сближеніе между цѣнами замѣчается и у насъ. По Шторху, въ послѣднихъ четырехъ мѣсяцахъ 1804 года средняя цѣна ржи въ различныхъ губерніяхъ была отъ 1 р. 95 коп. ассигнаціями до 12 р. 50 коп. то есть въ отношеніи 1 къ 6,41. Подъ Красноярскомъ въ 1772 г. пудъ ржаной муки стоилъ 3 коп. пшеничной 5 коп. въ Тобольскѣ пудъ ржаной 11½ коп. пшеничной 23 к. Отъ 1797 по 1803 г. средняя цѣна ржи въ Кіевѣ была 23 к. въ Тамбовѣ 27 к. въ Астрахани 46 к. въ Москвѣ 62 к. въ Петербургѣ 93 к. ассигнаціями. Не меньше разнообразіе замѣчается и въ данныхъ, сообщенныхъ Тенгоборскимъ [3]). Съ 1846 по 1849 г. цѣна мѣнялась по губерніямъ въ слѣдующихъ размѣрахъ: четверть ржи стоила отъ 98 к. до 11 р. и 7 к. четверть пшеницы отъ 2 р. 19 коп. до 13 рублей; четверть

---

[1]) Peuchet, statistique de la France, стр. 450; H. Storch, Cours d'écon. pol. т. 1, стр 481.

[2]) Чупровъ. Желѣзнодорожное хозяйство, стр. 42.

[3]) О производительныхъ силахъ Россіи. стр. 46.

крупы отъ 1 р. 60 коп. до 12 р. 60 коп. четверть овса отъ 79 коп. до 5 р. 70 коп. Изъ этого видно, что цѣны ржи колебались въ отношеніи 1 къ 11, цѣны пшеницы въ отношеніи 1 къ 6, цѣны крупы въ отношеніи 1 къ 8, цѣны овса въ отношеніи 1 къ 7. По даннымъ относящимся къ послѣднему времени замѣтно уже значительное сближеніе. Департаментъ сельскаго хозяйства въ четвертой картѣ хозяйственнаго статистическаго атласа Европейской Россіи, представляетъ классификацію губерній по среднимъ цѣнамъ на хлѣбъ, при чемъ всѣ губерніи раздѣлены на 6 категорій, смотря по цѣнамъ четверти ржи въ 9 пудовъ.

Въ 1 категоріи цѣна отъ 5 р. — до 6 р. 50 к.
Во 2 „ „ „ 4 „ — до 5 „
Въ 3 „ „ „ 3 „ 50 к. до 4 „
Въ 4 „ „ „ 3 „ — до 3 „ 50 к.
Въ 5 „ „ „ 2 „ 50 к. до 3 „
Въ 6 „ „ „ 2 „ — до 2 „ 50 к.

Цѣна ржи въ губерніяхъ послѣдней категоріи относится къ цѣнѣ ржи въ губерніяхъ первой категоріи какъ 1 къ $2^1/_2$ и 1 къ $2^5/_8$ между тѣмъ какъ по даннымъ сообщаемымъ Тенгоборскимъ наименьшая цѣна къ наибольшей относилась какъ 1 къ 11; экономическое развитіе очевидно.

Это постоянно увеличивающееся сближеніе между цѣнами было бы фактомъ положительно не объяснимымъ, если бы въ мѣновомъ хозяйствѣ не существовало взаимности въ спросѣ и предложеніи, правильности въ удовлетвореніи потребностей, исключающей слѣпой случай какъ въ производствѣ, такъ и въ обмѣнѣ, которому человѣкъ былъ всецѣло подчиненъ на низшихъ ступеняхъ экономическаго быта. Съ научной точки зрѣнія общество представляетъ собою организмъ единеній, происходящихъ отъ существованія различій и сходствъ въ отношеніяхъ, представляетъ собою цѣлое, въ которомъ всѣ составныя части взаимно обусловливаются. Факты изъ дѣйствительной жизни оправдываютъ эту теоретическую точку зрѣнія на общество; по крайней мѣрѣ изъ этихъ фактовъ очевидно, что такое понятіе объ обществѣ, логически вытекающее изъ природы отношеній, есть та идея возможности въ развитіи, постепенное осуществленіе которой пред-

ставляетъ собою исторія. Но если общество есть организмъ единеній, въ которомъ всѣ части взаимно обусловливаются, то съ научной точки зрѣнія не можетъ быть и рѣчи о произволѣ въ мѣновыхъ отношеніяхъ, о борьбѣ, происходящей отъ отсутствія взаимности мѣновой зависимости. Взаимная обусловливаемость въ общественномъ цѣломъ его составныхъ элементовъ, какъ мы видѣли, все болѣе и болѣе проникаетъ въ отношеніе между спросомъ и предложеніемъ, вслѣдствіе чего сравнительная настоятельность потребности и слѣдовательно законъ спроса и предложенія, какъ борьбы мѣновой, перестаетъ влиять на установленіе мѣновыхъ пропорцій. Вліяніе этого закона должно быть отнесено или къ низшимъ ступенямъ экономическаго развитія или къ тѣмъ или инымъ частнымъ и временнымъ случаямъ на высшихъ ступеняхъ. Для признанія мѣновой борьбы закономъ цѣнности необходимо отрицаніе экономическаго развитія, отрицаніе общеизвѣстныхъ фактовъ сближенія цѣнъ, вліянія на правильность въ удовлетвореніи потребностей и равенство въ положеніи контрагентовъ обмѣна денегъ, путей сообщенія и кредита. Можно сказать, что только благодаря отрицанію экономическаго развитія, Маклеодъ возвелъ въ принципъ неравенство настоятельности потребностей и происходящую отсюда борьбу между контрагентами обмѣна. Онъ прямо утверждаетъ, что принципы торговли вообще тѣже самые, что и принципы торговли на низшихъ ступеняхъ развитія [1]).

Источникъ какъ экономическаго, такъ за тѣмъ и всякаго другаго пирронизма, заключается въ анархіи интересовъ, необходимомъ спутникѣ того періода въ исторіи человѣчества, когда общество слабо организовано, когда оно представляетъ собою про-

---

[1]) Топоры въ Фиджи цѣнились несравненно выше раковинъ; наоборотъ въ Лондонѣ раковины гораздо выше цѣнились, чѣмъ топоры. Англійскій мореплаватель, тратя 2 шилл. 6 пенс. пріобрѣталъ предметъ, который стоилъ 10 гиней, причемъ вся разница составляла его прибыль. Въ этомъ заключается основная мысль торговли. Крашеный бисеръ казался дикарю стольже дорогимъ, какъ алмазы европейцамъ. *Торговля между всѣми народами происходитъ изъ того же самаго начала какъ и торговля между мореходами и дикарями.* Основанія, стр. 400.

стой агрегатъ отдѣльныхъ личностей. Когда при мѣнѣ нѣтъ взаимности въ спросѣ и предложеніи, тогда каждый, не находя своихъ интересовъ солидарными съ интересами другихъ, старается пользоваться всякимъ невыгоднымъ положеніемъ другаго. При обмѣнѣ каждый смотритъ на другаго какъ на своего экономическаго врага, котораго необходимо побороть, не даромъ въ древности говорили—homo homini lupus est. Въ это время иначе и не могло быть. При отсутствіи раздѣленія занятій, при отсутствіи ихъ индивидуализаціи и локализаціи, производительность была слаба, при обмѣнѣ равноцѣнностей взаимный выигрышъ былъ ничтоженъ, дѣйствительная прибыль получалась только тогда, когда другая сторона теряла. Весьма естественно, что каждый смотрѣлъ на прибыль одного, какъ на потерю другаго, смотрѣлъ на контрагента обмѣна какъ на своего экономическаго врага, каждый старался дать какъ можно меньше, а получить какъ можно больше, потому что только при такихъ условіяхъ побѣдитель получалъ дѣйствительную прибыль. Такъ смотрѣли на происхожденіе мѣноваго дохода не только простые люди, но даже и мыслители того времени, что ясно указываетъ на тѣсную связь подобныхъ воззрѣній съ современнымъ имъ бытомъ. Цицеронъ, напримѣръ, прямо говоритъ, что прибыль торговца есть результатъ обмана [1]). Въ сферѣ хаотичности интересовъ экономическія понятія были также хаотичными, пирроническими. Цирронизмъ и вообще все ученіе школы софистовъ есть продуктъ реальнаго пирронизма, продуктъ, если такъ можно выразиться, общественной софистики. Пріобрѣтатель смотрѣлъ на цѣнность какъ на зло, продавецъ какъ на благо, такъ какъ пирронизмъ такой существовалъ и въ дѣйствительной жизни, въ которой обмѣнъ еще не былъ проникнутъ духомъ органичности. Пирронисты только систематизировали реальный пирронизмъ и распространили его на всѣ факты знанія. Съ развитіемъ въ обществахъ духа органичности, когда раздѣленіе занятій становится общимъ за-

---

[1]) Nihil enim proficiunt mercatores, nisi admodum mentiantur. De officiis кн. I, отд. 42.

конэмъ въ дѣятельности людей, направленной къ удовлетворенію потребностей, когда каждый начинаетъ жить не столько продуктами, въ производствѣ которыхъ участвовалъ самъ, сколько продуктами, получаемыми чрезъ обмѣнъ, общимъ закономъ перехода продуктовъ изъ однихъ рукъ въ другія становится взаимность спроса и предложенія мѣняющихся сторонъ. Невозможно сказать, что въ это время цѣнность есть власть продавца надъ покупателемъ, такъ какъ монополизированность въ положеніи продавца представляетъ собою только исключеніе изъ общаго правила, а не общее правило, и такъ какъ всякій покупатель есть въ тоже время и продавецъ, какъ и наоборотъ. Невозможно утверждать, что цѣнность для одного есть мѣрило власти, а для другаго мѣрило зависимости, для одного мѣрило благосостоянія, для другаго бѣдности. При взаимной зависимости спроса и предложенія, благосостояніе одного члена общества всецѣло обусловливается благосостояніемъ другихъ, несчастье одного есть несчастье другихъ, противоэкономическій поступокъ одного производителя отражается на благосостояніи другихъ, влечетъ за собою страданіе въ самыхъ отдаленныхъ частяхъ общественнаго цѣлаго, подобно тому, какъ ненормальное положеніе одной части человѣческаго тѣла влечетъ за собою страданіе другихъ. Въ древнемъ мірѣ такой взаимной обусловливаемости интересовъ не было, тогда дѣйствительно можно было опредѣлять собственность какъ jus utendi et abutendi, индивидуумъ въ то время могъ свободно пользоваться и злоупотреблять своимъ имуществомъ, другимъ членамъ общества это было совершенно безразлично. Но уже въ наше время римскія понятія о собственности становятся противообщественными; въ наше время злоупотребленіе своею собственностью не можетъ быть правомъ; оно клеймится преступленіемъ, такъ какъ отъ такой или иной дѣятельности индивидуума могутъ страдать другіе, а причинять вредъ другимъ—посредственно или непосредственно,—безъ всякаго сомнѣнія преступно.

Взаимная обусловливаемость мѣновыхъ интересовъ, какъ взаимность зависимости продавца и пріобрѣтателя, сбыта и пріобрѣтенія, спроса и предложенія, уничтожающая все ученіе о законѣ противоположности и борьбы мѣновыхъ интересовъ, была

прекрасно уяснена самимъ же Маклеодомъ. Въ самомъ началѣ своихъ основаній политической экономіи онъ говоритъ: „Чтобы получить для себя необходимое, человѣкъ долженъ изучать и наблюдать, въ чемъ нуждаются другіе люди; наоборотъ, если другіе нуждаются въ томъ, что онъ производитъ, то должны изучать въ чемъ онъ самъ нуждается, чтобы предложить ему этотъ нужный предметъ, въ обмѣнъ на его произведеніе. При такихъ условіяхъ общество состоитъ изъ членовъ связанныхъ другъ съ другомъ и принужденныхъ изучать потребности и желанія каждаго изъ своей среды (гл. 1, § 16). Если каждый для лучшаго удовлетворенія своихъ потребностей обязанъ изучать потребности другихъ и содѣйствовать ихъ удовлетворенію; если, такимъ образомъ, каждый своимъ собственнымъ благосостояніемъ заинтересованъ въ благосостояніи другихъ, то возможно ли утверждать, что мѣновыя пропорціи регулируются борьбой взаимно противоположныхъ интересовъ? Въ другомъ мѣстѣ Маклеодъ вполнѣ основательно заключаетъ, что знаменитый ученый, открывшій ту очевидную истину, что въ торговлѣ обѣ стороны должны выигривать, произвелъ переворотъ въ общественномъ мнѣніи и политикѣ народовъ прямо затрогивающій благосостояніе каждаго человѣка и который доставилъ человѣчеству больше существенныхъ благъ, чѣмъ открытія всѣхъ паукъ, вмѣстѣ взятыхъ. Но если въ обмѣнѣ обѣ стороны взаимно выигриваютъ, если прибыль одной стороны не есть убытокъ для другой, то мѣновыя отношенія получаютъ характеръ взаимности, о борьбѣ не должно быть и рѣчи; какъ видно, открытіе знаменитаго ученаго еще слишкомъ мало осознано, если другой ученый, цитируя слова перваго, въ тоже время можетъ возводить въ принципъ борьбу взаимно противоположныхъ интересовъ.

Мы старались доказать, что съ экономическимъ развитіемъ законъ мѣновой борьбы теряетъ свое значеніе, уступая мѣсто мѣновой взаимности. Противоположныя воззрѣнія на цѣнность продавца и пріобрѣтателя имѣютъ силу только при условіи существованія мѣновой борьбы, съ появленіемъ мѣновой взаимности двойственность воззрѣній на мѣновую цѣнность сама собою уничтожается и постепенно уступаетъ мѣсто такому понятію, которое

должно обнимать интересы и продавца и пріобрѣтателя. Для двойственности понятій о мѣновой цѣнности нѣтъ мѣста тогда, когда въ самой жизни уничтожается двойственность мѣновыхъ интересовъ продавца и пріобрѣтателя. Неудивительно, поэтому, что и въ экономической литературѣ мы встрѣчаемся съ интересной попыткой объединенія этихъ интересовъ въ общемъ понятіи о цѣнности. Попытка эта сдѣлана французскимъ экономистомъ Ф. Бастіа.

Источникъ цѣнности, по его ученію, заключается въ обмѣнѣ. Обмѣнъ, говоритъ онъ [1]), не только утверждаетъ и измѣряетъ цѣнности, онъ ихъ творитъ. Я не говорю этимъ, что обмѣнъ даетъ существованіе промѣниваемымъ дѣйствіямъ и вещамъ, онъ даетъ бытіе понятію цѣнности. Когда два человѣка взаимно обмѣниваются своими усиліями или результатами усилій, они оказываютъ другъ другу *услугу*. Цѣнность и есть ничто иное, какъ *отношеніе между промѣниваемыми услугами*. Идея цѣнности впервые появилась въ мірѣ тогда, когда одинъ человѣкъ сказалъ другому: сдѣлай для меня это, я сдѣлаю для тебя то, и когда послѣдовало на это согласіе; тогда впервые можно было сказать: промѣниваемыя *услуги* имѣютъ *цѣнность*. Истинная теорія цѣнности, которую мы тщетно будемъ искать въ толстыхъ книгахъ ученыхъ, встрѣчается въ прекрасной баснѣ Флоріана—Слѣпой и Паралитикъ:

Aidons—nous mutuellement,
La charge des malheurs en sera plus légère.
..... A nous deux
Nous possédons le bien à chacun nécessaire.
J'ai des jambes et vous, vous des yeux.
Moi, je vais vous porter; vous, vous serez mon guide:
Ainsi, sans que jamais notre amitié décide
Qui de nous deux remplit le plus utile emploi,
Se marcheraі pour vous, vous, vous y verrez pour moi.

---

[1]) Harmonies économiques, стр 145 и слѣд.

Вотъ вполнѣ точное опредѣленіе и значеніе цѣнности; въ этихъ словахъ цѣнность является предъ нами во всей строгости ея научнаго понятія. Мы видимъ, что двое несчастныхъ взаимно промѣниваются услугами, не интересуясь тѣмъ, который изъ нихъ приноситъ другому бо́льшую выгоду. Если бы всѣ люди или большая часть ихъ были паралитиками и слѣпыми, тогда со всею ясностью представился бы намъ неумолимый законъ спроса и предложенія, устанавливающій справедливость въ отношеніяхъ. Въ извѣстномъ смыслѣ мы всѣ слѣпцы и паралитики. Легко понимаемъ, что помогая другъ другу, облегчаемъ свои несчастія. Отсюда—*обмѣнъ*. Трудимся для того, чтобы прокормить, одѣть, образовать одни другихъ. Отсюда взаимныя *услуги*. Эти услуги мы сравниваемъ, оцѣниваемъ. Отсюда—*цѣнности*. Источникъ цѣнности не въ полезности, не въ трудѣ, но въ промѣниваемыхъ услугахъ, точно также цѣнность въ своихъ размѣрахъ паралельна не полезности и не труду, но услугѣ. Я говорю своему сосѣду: *сберегите* мой трудъ, окажите мнѣ *услугу*, принесите вмѣсто меня воды. За вашу услугу я отплачу услугой, буду обучать вашихъ дѣтей. Сосѣдъ соглашается и происходитъ обмѣнъ услугъ, въ это время можно сказать, что одна услуга *стоитъ* другой. Здѣсь, очевидно, сравниваются не двѣ потребности и не удовлетворенія, но двѣ услуги; что можетъ быть общимъ мѣриломъ для сравненія потребностей пить и учиться грамотѣ? Оставимъ вещамъ принадлежащія имъ свойства: водѣ, воздуху *полезность*, услугамъ—*цѣнность*. Вода полезна, потому что имѣетъ свойство удовлетворять жажду, услуга цѣнна, потому что есть результатъ соглашенія. Полезность воды не измѣняется отъ того, далеко или близко рѣка, но цѣнность при этомъ увеличивается или уменьшается. Почему же? Потому, что при этомъ увеличивается или уменьшается услуга. Прохаживаясь по морскому берегу, я нахожу брильянтъ и тѣмъ самымъ становлюсь обладателемъ высокой цѣнности. Гдѣ же причина этого? Не въ полезности брильянта для общества и не въ трудѣ находки, а въ томъ, что покупающій у меня брильянтъ считаетъ, что я оказываю ему большую услугу. Я вовсе не трудился и не принесъ человѣчеству никакого благодѣянія. Цѣнность, такимъ образомъ, не равна

труду заключенному въ продуктѣ, а труду *сбереженному* лицемъ, которому оказана мною услуга.

Такимъ образомъ, по ученію Бастіа, мѣновые интересы покупщика и пріобрѣтателя объединяются въ понятіи объ услугѣ; покупщикъ и пріобрѣтатель не враги между собою, но люди оказывающіе другъ другу услуги, сберегающіе другъ другу усилія въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Мѣновыя отношенія основаны на принципѣ взаимности, въ относительномъ положеніи контрагентовъ обмѣна нѣтъ монополизированности, подобно тому, какъ нѣтъ монополіи въ положеніи людей, изъ которыхъ одинъ слѣпой, но имѣетъ здоровыя ноги, другой имѣетъ здоровые глаза, но не можетъ ходить. Для каждаго изъ нихъ желаемая услуга находится въ рукахъ другаго, слѣдовательно взаимная зависимость ихъ одинакова, для закона спроса и предложенія какъ борьбы между пріобрѣтателемъ и продавцемъ, нѣтъ мѣста. Намъ остается только согласиться съ этимъ. Но мы не можемъ согласиться съ тѣмъ, что цѣнность есть результатъ обмѣна. Цѣнность существуетъ и внѣ обмѣна, посредствомъ обмѣна только распредѣляются цѣнности, но не производятся. Понятіе о цѣнности какъ услугѣ, какъ не кажется оно всеобъемлющимъ, относится только къ обмѣну, не обнимаетъ собою всѣхъ явленій цѣнности. Необходимо сказать, что самъ Бастіа видѣлъ невозможность подведенія всѣхъ явленій цѣнности къ понятію объ услугѣ. Такъ вслѣдъ за Кэри, онъ принимаетъ, что цѣнность есть результатъ препятствій, встрѣчаемыхъ человѣкомъ на пути къ удовлетворенію потребностей, что она есть зло, есть выраженіе, симптомъ, свидѣтельство нашей прирожденной слабости. „Цѣнность безпрестанно напоминаетъ намъ приговоръ: въ потѣ лица твоего будешь ѣсть хлѣбъ твой. Для Всемогущаго Существа слова: усиліе, услуга и, слѣдовательно, цѣнность не существуютъ. Что же касается насъ, то мы окружены полезностями, изъ которыхъ однѣ даровыя, но другія могутъ быть пріобрѣтаемы не иначе, какъ трудомъ. Между потребностями и полезностями послѣдняго рода находятся препятствія, которыя необходимо побороть, иначе полезности останутся для насъ недоступными; мы должны работать или на самыхъ себя или на тѣхъ, которые въ потѣ чела на насъ

работали“ [1]). Если же такъ, то цѣнность перестаетъ быть результатомъ обмѣна; препятствія, лежащія между потребностями и средствами ихъ удовлетворенія, какъ источникъ цѣнности, предшествуютъ обмѣну, слѣдовательно и цѣнность предшествуетъ обмѣну. Понятіе о цѣнности, какъ объ отношеніи между услугами, дѣйствительно объединяетъ воззрѣнія на цѣнность продавца и пріобрѣтателя, но оно еще недостаточно для подведенія къ одному знаменателю всѣхъ нормальныхъ явленій цѣнности. Въ этомъ отношеніи, помимо другихъ основаній, каковы, на примѣръ, неопредѣленность понятія услуги, какъ регулятора мѣновыхъ пропорцій, субъективность мѣрила цѣнности, состоящаго въ сбереженномъ трудѣ, результатѣ не производства при раздѣленіи занятій, но обмѣна,—теорія Бастіа должна быть признана односторонней, причемъ односторонность эта констатируется самимъ же авторомъ, съ мѣновой точки зрѣнія весьма часто переходящимъ къ понятію цѣнности съ точки зрѣнія производства. Съ другой стороны и принципу мѣновой взаимности Бастіа придаетъ далеко не соотвѣтственный характеръ, у него принципъ этотъ является не съ характеромъ общественнаго, но физическаго закона. Это общій недостатокъ всей такъ называемой школы согласія интересовъ, вызвавшей противъ себя столько справедливыхъ, но еще больше несправедливыхъ упрековъ. Согласіе интересовъ есть принципъ, развивающійся постепенно, хотя и неуклонно, замѣняющій собою законъ борьбы интересовъ. На низшихъ ступеняхъ общественнаго развитія вся экономическая жизнь основана исключительно на борьбѣ интересовъ, которая сохраняетъ свою силу въ частныхъ, временныхъ и мѣстныхъ случаяхъ и на высшихъ ступеняхъ. Противники школы согласія интересовъ обратили вниманіе только на эти послѣдніе случаи и пришли къ отрицанію существованія всякаго упорядочивающаго принципа въ экономическихъ отношеніяхъ. Здѣсь источникъ той массы проэктовъ искуственной экономической организаціи, которая извѣстна подъ общимъ названіемъ соціализма. Правъ Бастіа, возражая орга-

[1]) Harmon. économiques, стр. 209.

низаторамъ, что если бы въ самой природѣ отношеній не было порядка, то примѣненіе искуственнаго было бы не мыслимо (гл. 1) но онъ не правъ отожествляя общественные законы съ физическими, исключающими всякое вліяніе свободы. Принципъ взаимности мѣновой можетъ быть нарушаемъ въ тѣхъ или иныхъ случаяхъ, можетъ быть низводимъ до едва замѣтнаго минимума. Подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ производитель можетъ быть принужденъ продавать вещь за безцѣнокъ, когда такая продажа является настоятельною. Въ такомъ положеніи находятся наши крестьяне, занимающіеся сельскимъ хозяйствомъ, а частью и большіе землевладѣльцы. Цѣнность хлѣба колеблется по временамъ года, смотря по нуждаемости сельскихъ производителей въ деньгахъ. Это одна изъ важнѣйшихъ причинъ, тормозящихъ развитіе нашего сельскаго хозяйства. При отсутствіи краткосрочнаго кредита, крестьянинъ во время нужды въ деньгахъ принужденъ сбывать хлѣбъ за первую предложенную цѣну, вслѣдствіе чего онъ находится въ заколдованномъ кругѣ, изъ котораго выхода не предвидится: сколько бы онъ ни производилъ, при отсутствіи краткосрочнаго кредита, онъ не выручаетъ соотвѣтствующей цѣнности за свой продуктъ, на его счетъ богатѣютъ скупщики. Но такихъ случаевъ невозможно считать обыкновенными, результатомъ отсутствія въ экономической жизни упорядочивающаго принципа. Тѣмъ болѣе не научно возводить ихъ въ принципъ, считать общественно-необходимыми явленіями, считать, что по естественному закону цѣнность продуктовъ опредѣляется спросомъ и предложеніемъ, какъ закономъ борьбы, вытекающей изъ неравенства настоятельности потребностей. Еслибъ въ этомъ случаѣ теорія цѣнности Мальтуса и Маклеода оправдывалась дѣйствительностью, то организаторы были бы безусловно правы, необходимо было бы переорганизовать всѣ мѣновыя отношенія. Вотъ почему теорія цѣнности Бастіа имѣетъ высокое научное значеніе, при всѣхъ ея видимыхъ недостаткахъ. Въ этой теоріи мы видимъ принципъ мѣновой взаимности, вполнѣ отрѣшенный отъ его осложненій. Это мѣновая идея въ ея чистомъ видѣ. Всякая наука, прекрасно замѣчаетъ Т. Степановъ, имѣетъ свои идеи. Идеи суть цѣ-

ли, назначенныя природою для всѣхъ отдѣловъ жизни человѣчества, для жизни индивидуальной, общественной и народной. Человѣчество достигаетъ этихъ цѣлей, или осуществленія идей, постепеннымъ раскрытіемъ своихъ силъ физическихъ и нравственныхъ [1]).

Если законъ спроса и предложенія съ экономическимъ развитіемъ естественно переходитъ въ законъ взаимности интересовъ, взаимности мѣновой зависимости, то можно ли сказать, что вмѣстѣ съ этимъ онъ теряетъ всякое общественно-экономическое значеніе? Факты изъ обыденной дѣйствительности даютъ намъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Въ каждомъ болѣе или менѣе развитомъ общественномъ организмѣ *каждый*,—какъ представитель спроса, желаетъ пріобрѣсть отъ другихъ какъ можно больше и съ меньшими издержками, каждый,—какъ представитель предложенія, желаетъ высшей покупной силы своему имуществу. Но *каждый* же своему желанію можетъ удовлетворить не иначе, какъ возможно лучшимъ удовлетвореніемъ желаній другихъ. Такое взаимное удовлетвореніе желаній возможно не иначе, какъ при постепенномъ уменьшеніи издержекъ производства, сопровождающемся увеличеніемъ потребленія. Каждый начинаетъ понимать, что гораздо выгоднѣе получить за десять продуктовъ по копѣйкѣ, чѣмъ за одинъ продуктъ пять копѣекъ. Каждый стремится къ улучшенію своего производства, къ удешевленію его, къ увеличенію продуктовъ потребленія при относительномъ уменьшеніи издержекъ производства каждаго изъ нихъ. Только этимъ средствомъ каждый, какъ представитель спроса, получаетъ возможность пріобрѣтенія продуктовъ легче и больше, и какъ представитель предложенія, получаетъ возможность увеличить покупную силу своего хозяйства. Въ этомъ высшемъ своемъ развитіи законъ спроса и предложенія становится закономъ общественнаго прогреса, какъ той *естественной формой*, посредствомъ которой

---

[1]) Записки о политич. экономіи. 1844. часть 1, стр. 55.

осуществляется законъ потребительной цѣнности. Мы видимъ въ этомъ полное примиреніе цѣнности потребительной съ распредѣлительною или мѣновою. Примиреніе это—историческая необходимость, постепенно осуществляющаяся вмѣстѣ съ развитіемъ органичности, по которой благосостояніе каждаго обусловливается благосостояніемъ всѣхъ. И потребительная и мѣновая цѣнности объединяются въ высшемъ понятіи о цѣнности, какъ законѣ союзности въ общемъ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Законъ потребительной цѣнности—легкость и полнота въ удовлетвореніи потребностей—достигается посредствомъ закона мѣновой цѣнности—спросомъ и предложеніемъ, какъ формулой стремленія къ достиженію лучшихъ результатовъ съ возможно меньшими пожертвованіями, слѣдовательно формулой общественнаго прогресса. Въ слѣдующихъ главахъ мы подробнѣе разовьемъ это воззрѣніе, такъ какъ подробное уясненіе его возможно только вмѣстѣ съ уясненіемъ понятія о цѣнности съ точки зрѣнія производства. Прежде всего мы переходимъ къ изученію ученій экономистовъ о цѣнности съ этой точки зрѣнія, именно ученій Рикардо, Кэри и Маркса.

ГЛАВА V.

По ученію Рикардо, [1]) въ основаніи всякой цѣнности лежитъ полезность, безъ послѣдней цѣнность не мыслима, какова бы небыла рѣдкость безполезнаго предмета и сколько бы не требовалось труда для производства такого предмета. Но если полезность необходима для того, чтобы предметъ имѣлъ цѣнность, то изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы она была регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій. Полезность воды и воздуха въ высшей степени значительна, тѣмъ не менѣе при обыкновенныхъ обстоятельствахъ ни вода, ни воздухъ не имѣютъ цѣнности; наоборотъ: золото,

[1]) Начала политической экономіи, гл. 1, XXX.

сравнительно съ водою и воздухомъ, имѣетъ незначительную полезность, но при всемъ томъ цѣнность его высока. Полезность и цѣнность не находятся между собою въ прямомъ отношеніи. Предметы, признанные полезными, заимствуютъ свою мѣновую цѣнность изъ двухъ источниковъ, изъ рѣдкости и труда, необходимаго для ихъ производства. Цѣнность нѣкоторыхъ предметовъ опредѣляется исключительно ихъ рѣдкостью, таковы рѣдкія картины, медали, статуи, то есть всѣ тѣ предметы, количество которыхъ не можетъ быть увеличиваемо по нашему произволу. Но эти предметы составляютъ весьма незначительную часть въ массѣ ежедневнаго оборота. Большая часть предметовъ, обращающихся на рынкѣ, можетъ быть увеличиваема по мѣрѣ увеличенія труда, необходимаго на ихъ производство. Говоря о мѣновой цѣнности предметовъ, Рикардо имѣетъ въ виду исключительно предметы послѣдней категоріи. Цѣнность такихъ предметовъ, по его мнѣнію, опредѣляется количествомъ труда, необходимымъ для ихъ производства; увеличеніе или уменьшеніе этого труда равносильно увеличенію или уменьшенію цѣнности производимыхъ предметовъ. Опредѣляя, напримъ цѣнность бумажныхъ чулокъ, мы находимъ, говоритъ Рикардо, что она равна суммѣ труда, употребленнаго на ихъ производство и доставку. Сюда входитъ трудъ обработки земли, доставляющей сырой хлопокъ, трудъ доставки хлопка на мѣсто производства чулокъ, часть труда, употребленнаго на постройку судна, перевозящаго хлопокъ, часть труда инженера, плотника, трудъ прядильщика, ткача и многихъ другихъ лицъ. Для доказательства того, что именно здѣсь дѣйствительное основаніе цѣнности, предположимъ, что въ какой либо изъ разнообразныхъ операцій приготовленія чулокъ происходитъ усовершенствованіе, сокращающее трудъ. Если необходимо, на примѣръ, меньше труда для воздѣлыванія хлопка, или меньше матросовъ, или меньше мастеровъ для постройки зданій и сооруженія машинъ, то чулки непремѣнно понизятся въ цѣнѣ, слѣдовательно, онѣ могутъ быть обмѣнены только на меньшее количество другихъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ не произошло подобныхъ усовершенствованій. Экономія въ трудѣ всегда сопровождается уменьшеніемъ цѣнности товара, все равно

экономія эта произошла ли въ трудѣ непосредственно необходимомъ для производства извѣстнаго товара, или въ трудѣ, необходимомъ для образованія капитала, при помощи котораго производится товаръ. Въ первомъ случаѣ все сбереженіе въ трудѣ будетъ отнесено къ чулкамъ, во второмъ только часть, такъ какъ другія части должны будутъ разложены на другіе предметы, производимые при участіи капитала. Такимъ образомъ цѣнность опредѣляется количествомъ труда, овеществленнаго въ продуктѣ. Она не зависитъ ни отъ количества продуктовъ, ни отъ размѣровъ заработной платы и прибыли. Величина заработной платы имѣетъ важное значеніе для вопроса о прибыли, такъ какъ отъ увеличенія или уменьшенія первой зависитъ уменьшеніе или увеличеніе послѣдней. Еслибы капиталъ рыбака имѣлъ цѣнность во 100 ф. ст. и служилъ десять лѣтъ; если бы этотъ капиталистъ располагалъ десятью рабочими, годовая плата которыхъ была бы 100 ф. ст., если бы такимъ трудомъ было добываемо въ день 20 штукъ семги; съ другой стороны, если бы капиталъ охотника стоилъ также 100 ф. ст., если бы охотникъ нанималъ 10 рабочихъ съ платой въ 100 ф. и добывалъ ежедневно по 10 дикихъ козъ,—то естественную цѣну одной козы составляли бы двѣ семги, какъ бы ни была велика или мала часть продукта, отданная рабочимъ. Если бы охотникъ захотѣлъ получить больше рыбы за дичь, ссылаясь на то, что увеличилась плата рабочимъ, то рыбакъ отвѣтилъ бы ему, что и онъ самъ находится въ такихъ же обстоятельствахъ. Пока трудъ одного дня будетъ доставлять прежнее количество рыбы и дичи, цѣнность этихъ продуктовъ не измѣнится, каковы бы ни были измѣненія въ заработной платѣ и капиталистической прибыли. Цѣнность зависитъ только отъ количествъ труда, затрачиваемыхъ на производство.

Изъ этого видно, что цѣнность и богатство, по ученію Рикардо, выраженія не тожественныя. Трудъ милліона людей въ данной отрасли промышленности, говоритъ онъ, производитъ всегда одну и туже цѣнность, но не всегда одно и тоже богатство. Вслѣдствіе улучшеній въ производственныхъ процессахъ или вслѣдствіе открытія болѣе выгодныхъ для сбыта рынковъ, этотъ милліонъ людей можетъ увеличить въ нѣсколько разъ свое богат-

ство, но мы не можемъ сказать, что вмѣстѣ съ этимъ увеличеніемъ богатства увеличилась и цѣнность продуктовъ. Увеличивая легкость производства, мы уменьшаемъ цѣнность товаровъ, хотя увеличиваемъ тѣмъ самымъ народное богатство. Много заблужденій въ политической экономіи произошло именно изъ того ложнаго взгляда, по которому богатство и цѣнность считались синонимами, увеличеніе цѣнности и увеличеніе богатства считались выраженіями тожественными. Благодаря смѣшенію цѣнности съ богатствомъ, можно было утверждать, что, уменьшая количество продуктовъ, можно увеличить богатство. Если бы цѣнность дѣйствительно была мѣриломъ богатства, то этого предложенія невозможно было бы отрицать, такъ какъ всякая затруднительность въ пріобрѣтеніи вещей увеличиваетъ ихъ цѣнность. Но богатство состоитъ въ предметахъ, удовлетворяющихъ наши потребности; увеличиваться оно не можетъ отъ уменьшенія этихъ предметовъ. Безъ сомнѣнія, человѣкъ, обладающій рѣдкимъ предметомъ, обладаетъ богатствомъ въ той мѣрѣ, въ какой онъ можетъ пріобрѣсть себѣ количество другихъ предметовъ отъ другихъ лицъ. Но въ этомъ случаѣ размѣръ того общаго капитала, изъ котораго извлекаетъ свое богатство каждый отдѣльный человѣкъ, уменьшается на всю сумму, получаемую за рѣдкій предметъ, слѣдовательно богатство другихъ лицъ должно уменьшиться въ соотвѣтствующей пропорціи. Пусть вода, говоритъ Лодердаль, станетъ рѣдкостью и сдѣлается собственностью одного лица, тогда она получитъ цѣнность и отъ этого богатство лица увеличится; если же народное богатство есть сумма индивидуальныхъ богатствъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ увеличится и народное богатство. Но, очевидно, что въ этомъ случаѣ, хотя дѣйствительно богатство отдѣльнаго лица увеличится, но ничего подобнаго не произойдетъ съ народнымъ богатствомъ. Новая часть богатства отдѣльнаго лица будетъ вычетомъ изъ богатства другихъ лицъ, всѣ другія лица должны будутъ лишиться опредѣленной доли изъ своего состоянія, чтобы пріобрѣсть себѣ воды, которую прежде получали даромъ; значитъ, они обѣднѣютъ на всю сумму товаровъ, жертвуемыхъ для пріобрѣтенія воды, а владѣлецъ послѣдней получитъ прибыль, равную ихъ потерѣ. Можно назвать двѣ страны равно бо-

гатыми, если каждая изъ нихъ обладаетъ одинаковымъ количествомъ предметовъ, необходимыхъ для удовлетворенія потребностей, но цѣнность имущества каждой изъ этихъ странъ можетъ быть не одинакова, при неравенствѣ количествъ труда, посредствомъ которыхъ эти имущества производятся. Цѣнность даннаго имущества можетъ увеличиваться и при неизмѣняемости его размѣровъ. Количество добываемыхъ произведеній можетъ увеличиваться, уменьшаться, оставаться неизмѣннымъ, но измѣненіе ихъ цѣнности будетъ зависѣть исключительно отъ труда, овеществленнаго въ нихъ. Цѣнность произведеній измѣняется не вслѣдствіе измѣненій въ количествѣ другихъ продуктовъ, въ обмѣнъ за первые получаемыхъ, а на оборотъ. Если для производства сукна начинаетъ требоваться вдвое болѣе труда, между тѣмъ какъ производство другихъ товаровъ остается при прежнихъ условіяхъ, то сукно начинаетъ обмѣниваться на бо́льшее количество этихъ другихъ товаровъ. Цѣнность сукна въ данномъ случаѣ увеличится, но увеличится не вслѣдствіе увеличенія получаемыхъ въ обмѣнъ товаровъ, а на оборотъ, получится въ обмѣнъ больше другихъ товаровъ вслѣдствіе того, что цѣнность сукна увеличилась чрезъ увеличеніе затруднительности въ его производствѣ. Если производство сукна будетъ вестись на прежнихъ условіяхъ, между тѣмъ какъ сдѣлается болѣе легкимъ производство другихъ товаровъ, вслѣдстіе чего сукно начнетъ обмѣниваться на бо́льшее количество послѣднихъ, то въ этомъ случаѣ нужно сказать что цѣнность сукна остается безъ всякаго измѣненія, не смотря на увеличеніе количества товаровъ, въ обмѣнъ за него получаемыхъ, но что цѣнность этихъ послѣднихъ товаровъ уменьшилась. Положимъ, что два мѣшка хлѣба станутъ производиться тѣмъ же способомъ, какъ прежде одинъ, въ такомъ случаѣ цѣнность каждаго мѣшка понизится на половину. Если суконный фабрикантъ, прежде обмѣнивавшій свои матеріи на одинъ мѣшокъ, теперь станетъ обмѣнивать ихъ на два, то, очевидно, онъ получитъ за свой товаръ туже самую цѣнность, какъ и прежде, потому что два мѣшка хлѣба имѣютъ теперь туже цѣнность, какую прежде имѣлъ одинъ мѣшокъ. Суконный фабрикантъ получитъ вдвое болѣе богатства, вдвое болѣе полезностей, чѣмъ полу-

чалъ прежде, но не вдвое болѣе цѣнности. Цѣнность и богатство вовсе не синонимы.

Общій законъ мѣновой цѣнности, по которому товары обмѣниваются пропорціонально количествамъ овеществленнаго въ нихъ труда, по ученію Рикардо, подвергается измѣненіямъ, происходящимъ отъ вліянія закона спроса и предложенія и неравенства затратъ постояннаго и оборотнаго капиталовъ.

При обыкновенномъ ходѣ вещей, говоритъ онъ, нѣтъ продуктовъ, предложеніе которыхъ въ точности соотвѣтствовало бы существующему на нихъ спросу; при перевѣсѣ предложенія надъ спросомъ цѣнность продуктовъ можетъ быть ниже указанной выше естественной цѣнности, въ противоположномъ случаѣ—выше. Но это отклоненіе рыночной цѣнности отъ естественной не можетъ быть продолжительнымъ при свободѣ соперничества. Увеличеніе или уменьшеніе уровня прибыли въ извѣстной отрасли промышленности, происходящее отъ даннаго положенія рыночной цѣны къ естественной, сопровождается увеличеніемъ или уменьшеніемъ размѣровъ производства, что ведетъ къ болѣе правильному соотношенію между спросомъ и предложеніемъ, къ уравненію прибыли въ данной отрасли промышленности съ другими и, слѣдовательно, къ обмѣну продуктовъ по закону естественной цѣнности. Законъ отношенія между спросомъ и предложеніемъ производитъ, такимъ образомъ, только временное отклоненіе рыночной цѣнности отъ естественной. Неравенство затратъ постояннаго и оборотнаго капиталовъ представляетъ собою болѣе постоянную причину нарушеній закона естественной цѣнности. Можетъ случиться, что въ двухъ отрасляхъ промышленности затрачиваются одинаковыя количества капитала, но въ одной изъ нихъ можетъ преобладать постоянный капиталъ, тогда какъ въ другой—оборотный; въ одной изъ нихъ, на примѣръ, можетъ быть затрачена незначительная доля капитала въ видѣ заработной платы, въ другой, на оборотъ, въ видѣ заработной платы можетъ быть значительнѣйшая часть; въ первой можетъ преобладать капиталъ въ видѣ машинъ, во второй же капиталъ въ этомъ видѣ можетъ быть весьма незначителенъ. Если бы производство велось съ помощью одного только труда, причемъ на производство продукта затрачи-

валось бы одинаковое его количество, то цѣнность продуктовъ была бы равна большей или меньшей суммѣ заключеннаго такимъ образомъ въ продуктъ труда. Тоже самое былобы и при затратѣ въ дѣло одинаковыхъ долей капиталовъ оборотнаго и постояннаго. Но при затратѣ не одинаковыхъ долей этихъ капиталовъ, хотя бы количества овеществленнаго въ продуктахъ труда были одинаковы, цѣнность произведенныхъ при такихъ условіяхъ продуктовъ будетъ не одинакова. Положимъ, что одно лицо ежегодно употребляетъ сто человѣкъ на постройку машинъ и что другое лицо употребляетъ тоже самое число рабочихъ на производство хлѣба,—въ такомъ случаѣ машины и хлѣбъ будутъ имѣть одинаковую цѣнность, такъ какъ въ нихъ овеществлено одинаковое количество труда. Положимъ далѣе, что владѣлецъ машинъ употребляетъ ихъ при помощи ста рабочихъ на производство сукна, фермеръ же при помощи своихъ ста рабочихъ продолжаетъ производить хлѣбъ. Въ концѣ года товаръ фабриканта будетъ представлять результатъ труда 200 человѣкъ, работавшихъ въ теченіи года, или ста человѣкъ, работавшихъ въ теченіи двухъ лѣтъ, хлѣбъ будетъ представлять рабочее время только ста человѣкъ. И такъ, если цѣнность хлѣба равна 500 ф. то продукты фабриканта будутъ вдвое дороже. Но въ дѣйствительности послѣдніе будутъ стоить болѣе чѣмъ вдвое; такъ какъ фабрикантъ присоединитъ къ своему капиталу прибыль за первый годъ. Цѣнность продуктовъ фабриканта въ отношеніи къ продуктамъ фермера превзойдетъ отношеніе 2 : 1, чтобы вознаградить за то время, которое должно истечь, прежде чѣмъ продуктъ можетъ быть представленъ къ сбыту. Въ этихъ случаяхъ и заработая плата оказываетъ вліяніе на цѣнность продуктовъ. Увеличеніе заработей платы влечетъ за собою пониженіе прибыли, вслѣдствіе этого фабрикантъ присоединитъ къ цѣнности своихъ продуктовъ меньшую прибыль и въ размѣрѣ этого цѣнность продуктовъ будетъ меньше. Всѣ продукты, въ производствѣ которыхъ участвуетъ постоянный капиталъ, испытываютъ въ своей цѣнности вліяніе размѣра заработей платы; цѣнность ихъ уменьшается вмѣстѣ съ увеличеніемъ заработей платы сравнительно съ продуктами, въ производствѣ которыхъ имѣетъ большее участіе оборотный капи-

талъ. Такое же измѣненіе общаго закона цѣнности производитъ, при равенствѣ долей постояннаго и оборотнаго капиталовъ въ производствѣ, неравенство долговѣчности или прочности постояннаго капитала. Если постоянный капиталъ не проченъ, то нужны ежегодныя пожертвованія для поддержанія его; этотъ трудъ поддержанія капитала долженъ быть разсматриваемъ какъ служащій производству продуктовъ, почему онъ и долженъ входить въ составъ цѣнности. Чѣмъ долговѣчнѣе капиталъ, тѣмъ меньше сумма, получаемая въ видѣ вознагражденія за его употребленіе; но если уничтоженіе капитала идетъ быстро, то къ цѣнѣ товаровъ присоединяется большая доля. Въ томъ и другомъ случаѣ увеличеніе заработной платы дѣйствуетъ не одинаково на цѣнность. Въ первомъ случаѣ на продуктъ переносится не значительная доля труда, во второмъ его переносится много. Увеличеніе заработной платы или, что тоже, пониженіе прибыли сопровождается уменьшеніемъ цѣнности товаровъ, произведенныхъ при помощи прочнаго капитала, и на оборотъ, ведетъ къ увеличенію цѣнности товаровъ, произведенныхъ при помощи менѣе прочнаго капитала. Уменьшеніе заработной платы оказываетъ противоположное вліяніе.

Взглядъ, положенный въ основаніи теоріи цѣнности Рикардо, съ особенною отчетливостью былъ развитъ американскимъ экономистомъ Кэри.

Цѣнность, говоритъ этотъ экономистъ, [1]) есть ничто иное, какъ оцѣнка тѣхъ препятствій, которыя человѣку необходимо побороть въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ потребностей. Полезности, достающіяся человѣку даромъ, не имѣютъ цѣнности. Такъ воздухъ не имѣетъ цѣнности, потому что для пріобрѣтенія его не требуется преодолѣнія никакихъ препятствій. По этой же причинѣ днемъ свѣтъ и лѣтомъ теплота, не смотря на всю ихъ полезность, не имѣютъ нѣнности. Цѣнность возникаетъ только тогда, когда для пріобрѣтенія предмета, удовлетворяющаго по-

---

[1]) Руководство къ соціальной наукѣ, гл. VI, VII, VIII.

требность, является необходимость со стороны человѣка въ усиліяхъ или въ трудѣ, является необходимость побороть извѣстныя препятствія. Человѣкъ приписываетъ цѣнность свѣту, ночью и теплу зимой, такъ какъ для обладанія ими въ это время требуются усилія. Уголь природа доставляетъ человѣку даромъ, но доставка его на мѣсто потребленія требуетъ труда и, поэтому, уголь имѣетъ цѣнность. Такимъ же образомъ приготовленіе свѣта для того, чтобы пользоваться имъ ночью, требуетъ труда, по этому газъ и свѣчи имѣютъ цѣнность. Точно также, если бы явилась необходимость доставлять воздухъ въ такое мѣсто, въ которомъ его нѣтъ, тогда и воздухъ получилъ бы цѣнность, потому что для пріобрѣтенія его въ этомъ мѣстѣ необходимы были бы пожертвованія или трудъ.

Установивъ это понятіе о существѣ цѣнности, Кэри уже прямо заключаетъ, что цѣнность и полезность, цѣнность и богатство—это понятія противоположныя. Богатство народа, говоритъ онъ, состоитъ въ прямомъ отношеніи съ тѣми факторами, посредствомъ которыхъ народъ утилизируетъ услуги природы. Чѣмъ лучше человѣкъ утилизируетъ силы природы, тѣмъ больше за извѣстную сумму труда онъ получаетъ полезностей, необходимыхъ для удовлетворенія его потребностей, и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается легкость и полнота въ удовлетвореніи потребностей. Богатство человѣка прямо пропорціонально этой легкости въ пріобрѣтеніи средствъ удовлетворенія потребностей. Но чѣмъ легче пріобрѣтеніе этихъ средствъ, чѣмъ необходимо меньше труда къ преодолѣнію препятствій на пути къ ихъ пріобрѣтенію, тѣмъ меньше и цѣнность пріобрѣтаемаго. Прогрессъ человѣчества находится въ прямомъ отношеніи съ уменьшеніемъ цѣнности средствъ удовлетворенія потребностей человѣка. Увеличеніе полезности и богатства всегда сопровождается уменьшеніемъ цѣнности. Человѣкъ, которому необходимо идти за водой съ горы къ отдаленному источнику, затрачиваетъ для этого значительное количество труда, но, выкопавъ колодезь, онъ получаетъ необходимое ему количество воды за несравненно меньшую долю труда. Потомъ этотъ человѣкъ устраиваетъ въ колодезѣ насосъ, посредствомъ котораго еще больше облегчается добываніе воды; по-

лезность послѣдней увеличилась, но цѣнность ея пала. Наконецъ, когда населеніе увеличилось, проводятся въ дома трубы; человѣку съ его семействомъ является возможность за самое дешевое вознагражденіе потреблять воды въ одинъ день болѣе, чѣмъ прежде можно было въ мѣсяцъ, пользованіе водою становится почти безплатнымъ. Полезность есть мѣрило силы человѣка надъ природою, цѣнность, на оборотъ, есть мѣрило силы природы надъ человѣкомъ. Полезность и цѣнность взаимно противоположны, всегда находятся между собою въ обратномъ отношеніи.

Такимъ образомъ, по ученію Рикардо и Кэри, цѣнность, какъ стоимость производства, есть зло; происхожденіе и размѣры ея—въ суммѣ препятствій, преодолѣваемыхъ человѣкомъ на пути къ удовлетворенію своихъ потребностей. Различіе между теоріями этихъ мыслителей не въ ученіи о существѣ цѣнности, но въ ихъ воззрѣніяхъ на ея динамическій законъ.

По Кэри, цѣнность есть зло, съ которымъ человѣкъ постоянно борется и которое онъ постоянно побѣждаетъ. Человѣкъ постоянно борется съ силами природы, но въ этой борьбѣ онъ постоянно увеличиваетъ свои силы надъ силами послѣдней, все болѣе и болѣе высвобождается отъ власти природы и самъ становится ея повелителемъ. Вмѣстѣ съ развитіемъ индивидуальныхъ силъ все болѣе и болѣе развивается сила ассоціаціи, комбинація труда дѣлаетъ человѣка болѣе способнымъ къ преодолѣнію противодѣйствій природы, каждая побѣда въ этомъ направленіи сопровождается уменьшеніемъ труда, необходимаго для удовлетворенія потребностей. Параллельно съ уменьшеніемъ труда цѣнность производимыхъ продуктовъ все болѣе и болѣе уменьшается. Робинзонъ на своемъ изолированномъ островѣ, окруженный всѣмъ необходимымъ для удовлетворенія его потребностей, въ тоже время былъ въ самомъ безпомощномъ положеніи, такъ какъ предметы потребленія находились внѣ сферы его силъ. Заяцъ убѣгалъ отъ него, рыба уплывала; ему приходилось довольствоваться преимущественно растительною пищей, такъ какъ мясная доставалась съ большимъ трудомъ. Но послѣ того, какъ былъ изготовленъ лукъ, мясная пища начинаетъ пріобрѣтаться

легче, чѣмъ растительная простыми руками; въ это время происходитъ измѣненіе въ цѣнности обоихъ родовъ пищи; цѣнность мясной пищи падаетъ сравнительно съ растительною. Весьма естественно, Крузэ замѣчаетъ, что при помощи капитала облегчается пріобрѣтеніе необходимыхъ ему продуктовъ Онъ замѣчаетъ, что продукты, пріобрѣтенные съ помощью капитала, имѣютъ меньшую цѣнность, чѣмъ пріобрѣтенные безъ его помощи и, слѣдовательно, пріобрѣтенные съ большимъ трудомъ. Цѣну послѣднихъ онъ начинаетъ опредѣлять цѣной первыхъ, то есть не заплотитъ за продуктъ, добываемый легче, столько же, сколько платилъ прежде, когда онъ пріобрѣтаемъ былъ съ большимъ трудомъ. Одна побѣда надъ силами природы вызываетъ дальнѣйшія. Первый лукъ могъ быть сдѣланъ только съ большимъ трудомъ; много нужно было преодолѣть препятствій для пріобрѣтенія тетивы къ этому луку, такъ какъ необходимое для этого животное безъ лука могло быть поймано не иначе, какъ съ большими пожертвованіями. Но разъ произведенный лукъ даетъ возможность легче пріобрѣтать животныхъ, доставляющихъ тетиву; лукъ такимъ образомъ можетъ быть произведенъ уже съ меньшими пожертвованіями, вслѣдствіе чего прежде произведенный падаетъ въ своей цѣнности. Самъ лукъ, слѣдовательно, является причиною уменьшенія своей собственной цѣнности. Никто не дастъ за новый лукъ столько труда, сколько было необходимо для пріобрѣтенія прежняго, такъ какъ этотъ новый лукъ можетъ быть произведенъ съ меньшими пожертвованіями. Если на производство стараго лука нужно было затратить 10 дней труда, между тѣмъ какъ на производство новаго достаточно 5 дней, то цѣнность и перваго будетъ не 10 дней, то есть не трудъ заключенный въ продуктъ, но 5 дней, то есть трудъ необходимый для воспроизводства при усовершенствованной техникѣ, при болѣе легкихъ условіяхъ производства. Цѣна прежде произведенныхъ продуктовъ опредѣляется не количествомъ овеществленнаго въ нихъ труда, но количествомъ труда, необходимымъ для воспроизводства ихъ въ настоящемъ, когда человѣкъ пріобрѣлъ больше господства надъ силами природы. Чѣмъ больше времени проходитъ съ тѣхъ поръ, какъ былъ произведенъ предметъ, тѣмъ больше онъ теря-

етъ цѣнности. Экземпляръ Мильтона или Шекспира въ настоящее время можно пріобрѣсть цѣною одного дня труда искуснаго рабочаго и притомъ экземпляръ этотъ будетъ несравненно лучшаго качества чѣмъ тотъ, который можно было пріобрѣсть назадъ тому 50 лѣтъ не иначе, какъ за недѣльный трудъ. Цѣнность всѣхъ предметовъ уменьшается по мѣрѣ того, какъ увеличивается господство человѣка надъ силами природы вслѣдствіе усовершенствованій въ техникѣ производства; чѣмъ быстрѣе или медленнѣе такія усовершенствованія, тѣмъ быстрѣе или медленнѣе паденіе цѣнности. Цѣнность опредѣляется не издержками производства, но издержками воспроизводства.

Совершенно противоположный взглядъ на движеніе цѣнности представляетъ собою теорія Рикардо. Рикардо смотритъ на экономическое движеніе съ точки зрѣнія, по которой трудность добыванія средствъ удовлетворенія потребностей постоянно увеличивается подъ вліяніемъ закона размноженія народонаселенія въ быстрѣйшей пропорціи сравнительно съ увеличеніемъ средствъ существованія. Размѣромъ найвысшей ступени въ этомъ регрессѣ средствъ существованія опредѣляется, по его ученію, размѣръ цѣнности продуктовъ. Мѣновая цѣнность товара, говоритъ онъ,—будетъ ли это произведеніе мануфактуры, земли или рудника,—никогда не опредѣляется найменьшимъ количествомъ труда, необходимымъ для производства при обстоятельствахъ найболѣе благопріятныхъ, которыми пользуются тѣ, въ чьемъ распоряженіи находятся особенно легкіе способы производства. Напротивъ того, она опредѣляется найбольшимъ количествомъ труда, какое вынуждены употреблять тѣ, кто для производства товара долженъ бороться съ самыми неблагопріятными обстоятельствами, разумѣя подъ найболѣе неблагопріятными обстоятельствами самыя неблагопріятныя изъ тѣхъ, подъ вліяніемъ которыхъ добывается необходимое количество продукта.

При всей противоположности этихъ воззрѣній на динамическій законъ явленій цѣнности, въ воззрѣніяхъ Рикардо и Кэри на сущность цѣнности и ея статическій законъ, мы не видимъ никакого различія. У того и другаго цѣнность есть зло, она

равна суммѣ издержекъ необходимыхъ для преодолѣнія препятствій, встрѣчаемыхъ человѣкомъ на пути удовлетворенія своихъ потребностей. Различіе только въ томъ, что по ученію одного цѣнность равна издержкамъ производства, заключаемымъ въ продуктъ при самыхъ благопріятныхъ условіяхъ, между тѣмъ какъ по ученію другаго, она равна издержкамъ производства, заключаемымъ въ продуктъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ. Цѣнность есть зло по ученію и Рикардо и Кэри, но по ученію перваго это зло, съ которымъ человѣку приходится все труднѣе и труднѣе бороться, между тѣмъ какъ по взгляду Кэри — это зло, съ которымъ человѣкъ борется вполнѣ успѣшно. Для примиренія обоихъ воззрѣній достаточно сказать, что цѣнность равна общественно необходимымъ издержкамъ производства. Теорія цѣнности нѣмецкаго экономиста К. Маркса, въ своемъ основаніи, и представляетъ намъ именно такое воззрѣніе на сущность цѣнности, въ которомъ примиряются теоріи Рикардо и Кэри. Цѣнность товара, говоритъ Марксъ, [1]) есть ничто иное, какъ овеществленный въ продуктѣ трудъ производства; заключенный въ продуктѣ трудъ измѣряется количествомъ опредѣленныхъ единицъ времени. Но не всякій, а только для производства общественно необходимый трудъ образуетъ цѣнность. Если бы всякій трудъ, овеществленный въ продуктѣ, былъ регуляторомъ цѣнности послѣдняго, то продуктъ, произведенный рабочимъ мало искуснымъ или лѣнивымъ, имѣлъ бы самую высокую цѣнность, такъ какъ подобный рабочій затрачиваетъ большое количество рабочаго времени на производство продукта. Цѣнность обусловливается не этимъ индивидуальнымъ, но общественно необходимымъ рабочимъ временемъ, опредѣляемымъ общественными условіями производства. Послѣ введенія пароваго ткацкаго станка, сократившаго время прядильнаго производства, хотя продуктъ ручной пряжи представляетъ прежнее количество рабочаго времени, но цѣнность этого продукта будетъ равна не ручному труду, а общественно необходимому при усовершенствованной техникѣ произ-

[1]) Das Kapital, гл. 1.

водства. Хотя продуктъ ручной пряжи содержитъ въ себѣ прежнее количество рабочаго времени, но тѣмъ не менѣе цѣнность этого продукта уменьшится, причемъ уменьшится пропорціонально тому, сколько необходимо времени для его производства при употребленіи въ дѣло усовершенствованныхъ пріемовъ.

И такъ, по ученію Маркса, цѣнность можетъ быть равна и издержкамъ, затрачиваемъ на производство при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, какъ и на оборотъ, издержкамъ, затрачиваемымъ при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, смотря по тому, тѣ или другія представляютъ собою общественно-необходимое рабочее время. Основныя воззрѣнія на цѣнность Рикардо и Кэри въ теоріи цѣнности Маркса являются отрѣшенными отъ ихъ противоположныхъ воззрѣній на динамическій законъ цѣнности.

Въ основаніи изложенныхъ ученій лежитъ мысль, высказанная еще въ древности Епихартомъ, что „боги продаютъ человѣку всѣ блага свои только за трудъ.“ Трудъ считается единственнымъ источникомъ всего того, что имѣетъ цѣнность; ни природа, ни капиталъ не должны считаться экономически производительными факторами. Необходимо сказать, что въ настоящее время, вслѣдствіе господства ученій, считающихъ единственнымъ источникомъ цѣнности трудъ, экономическая непроизводительность силъ природы и капитала, считается едва ли не аксіомой въ большинствѣ экономическихъ трактатовъ. Въ настоящее время можно сказать о большинствѣ экономистовъ тоже самое, что говорилъ Бернгарди еще въ концѣ сороковыхъ годовъ: „Основнымъ принципомъ во главѣ цѣлой системы является положеніе, что природа не производительна. Это положеніе составляетъ какъ бы другую половину той, постоянно повторяемой аксіомы, что одинъ только трудъ составляетъ источникъ всякаго богатства. Обѣ половины, находясь въ необходимой связи и взаимно дополняя одна другую, составляютъ основу цѣлаго зданія; въ нихъ заключается безусловный законъ для всѣхъ практическихъ выводовъ, для всѣхъ постулятовъ относительно результата обмѣна и относительно распредѣленія общаго

пріобрѣтенія.“ [1]) Были даже попытки санкціонировать указанное положеніе законодательнымъ путемъ [2]). Точно также во главѣ цѣлой экономической системы является и то положеніе, что капиталъ не производителенъ. Это положеніе также составляетъ развитіе аксіомы, по которой только трудъ производительный факторъ, и оно также считалось на столько вѣрнымъ, что были проэкты санкціонировать его законодательнымъ путемъ. Прудонъ въ своемъ Уставѣ народнаго банка предлагалъ узаконить слѣдующую статью: „Общество признаетъ, что всѣ сырые продукты природа даетъ человѣку даромъ, что все производится трудомъ и что только одинъ трудъ производителенъ, капиталъ же непроизводителенъ“ (гл. 11 ст. 9).

Для истинности теоріи, по которой цѣнность есть овеществленный общественно необходимый трудъ производства продукта, необходимо признать и природу и капиталъ экономически непроизводительными факторами. Мы переходимъ, поэтому, къ анализу экономическаго значенія этихъ факторовъ.

ГЛАВА VI.

Физіократы учили, что ни трудъ, ни капиталъ не обладаютъ производительностью, что только силы природы, исключительно дѣйствующія въ земледѣльческой промышленности, имѣютъ производительное значеніе. Одна природа производительна говорили они, или, по выраженію Дюпонъ де Немура, Dieu seul est producteur. Если мы положимъ въ землю зерно, то оно можетъ возвратиться земледѣльцу въ видѣ пяти или болѣе зеренъ, между тѣмъ какъ опредѣленное количество шерсти, сколькимъ бы операціямъ не подвергалось въ обрабатывающихъ отрасляхъ промышленности, остается тѣмъ же самымъ количествомъ; промышленные процессы не придадутъ къ нему ни малѣйшаго атома. Въ замледѣльческой промышленности, вслѣдствіе участія

---

[1]) О крупномъ и мелкомъ землевладѣліи, § 10.

[2]) Histoire parlamentaire de la Revolution, т. XXVI, стр. 52.

производительной дѣятельности силъ природы, не только воспроизводится затраченный на производство продуктъ, но сверхъ того получается излишекъ надъ затратами, который и былъ названъ физіократами чистымъ доходомъ. Такой чистый доходъ, по ихъ ученію, существуетъ только въ земледѣльческой промышленности, поэтому только земледѣльческіе классы могутъ быть названы производительными классами населенія [1]).

Ученіе физіократовъ было весьма мало измѣнено А. Смитомъ. Онъ считаетъ производительнымъ всякое занятіе, овеществляющееся въ произведеніяхъ, не производительнымъ считаетъ только трудъ, не создающій вещественныхъ мѣноспособныхъ предметовъ. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что высказавъ это положеніе, онъ рѣшительно разошелся съ физіократами, но ближайшее разсмотрѣніе его ученія убѣждаетъ насъ въ противномъ. А. Смитъ говоритъ, что силы природы, дѣйствующія въ земледѣліи, даютъ чистый доходъ, называемый рентой и что такого чистаго дохода не даютъ другія отрасли народной промышленности, то есть утверждаетъ тоже, что было доказываемо и физіократами. Положеніе свое А. Смитъ нисколько не смягчаетъ тѣмъ замѣчаніемъ, что какъ не считаемъ мы безплоднымъ бракъ, дающій сына и дочь, на смѣну отца и матери, хотя такой бракъ не увеличиваетъ человѣческаго рода, но только поддерживаетъ его на уровнѣ прежней численности, такъ не должны считать безплодными и отраслей промышленности, не дающихъ чистаго дохода [2]). Этимъ замѣчаніемъ А. Смитъ только на сло-

---

[1]) О сущности основнаго физіократическаго ученія А. Гейсманъ. Кіевъ. 1849.

[2]) Nous n'appellarions pas stérile ou non reproductif un mariage qui ne reproduirait seulement qu'un fils et une fille pour remplacer le pére et la mére, quoique ce mariage ne contribuât point á augmenter le mombre des individus de l'espéce humaine, et ne fît que continuer la population telle qu'elle était auparavant. A la vérité, les fermiers et les ouvriers de la campagne, outre le capital qui les fait travailler et subsister, reproduisent encore annuellement un produit net, une rente franche et quitte au propriétaire. Aussi, de même qu'un mariage qui donne trois enfants est certainement plus productif que celui qui n'en donne que deux, de même le travail des fermiers et ouvriers de la campagne est assurément plus productif que celui des marchands, des artisans et des manufacturiers. Toutefois, la supériorité du produit de l'une des ces classes ne fait pas que l'autre soit stérile et non productive. Recherches, т. 3 стр. 15.

вахъ расходится съ физіократами, въ существѣ же дѣла, подобно послѣднимъ, считаетъ не земледѣльческія отрасли промышленности не производительными, а только воспроизводительными. Подобно физіократамъ онъ утверждаетъ также, что только въ земледѣліи природа помогаетъ человѣку, въ другихъ отрасляхъ промышленности она не оказываетъ никакого содѣйствія, здѣсь все дѣлается руками человѣка. Изъ этого видно, что А. Смитъ вполнѣ солидаренъ съ ученіемъ физіократовъ объ исключительной производительности силъ природы. Но съ А. Смита начинаетъ свое послѣдовательное развитіе и другое ученіе о значеніи въ народной экономіи силъ природы, ученіе совершенно противоположное доктринѣ физіократовъ, поддерживаемой, какъ видимъ, самимъ же Смитомъ. Мы уже говорили, что теорія ренты послѣдняго крайне не опредѣленна. То воззрѣніе его на ренту, по которому она есть результатъ того, что землевладѣльцы жнутъ тамъ, гдѣ не сѣяли, и послужило исходной точкой построенія цѣлой системы, отрицающей экономическую производительность силъ природы. Впервые строго логически эта система проводится въ началахъ политической экономіи Рикардо.

Нѣтъ мнѣнія болѣе распространеннаго, говоритъ Рикардо, (гл. 11) какъ то, что земледѣліе приноситъ большія выгоды нежели другія отрасли производительной дѣятельности, и это вслѣдствіе того, что земля даетъ излишекъ, называемый рентой. Но въ ту эпоху, когда земли найболѣе плодородны, когда онѣ найболѣе изобильны, ренты вовсе не существуетъ, и уже въ то время, когда плодородіе уменьшается, когда на прежній трудъ получается меньше продукта, появляется рента. Странно, что это свойство земли, которое должно было бы считаться убыточнымъ, на которое слѣдовало бы смотрѣть какъ на неудобство въ сравненіи съ другими отраслями народной промышленности, было разсматриваемо какъ преимущество земледѣлія надъ другими вѣтвями производства. Если бы воздухъ и вода имѣли разныя свойства и находились въ ограниченномъ количествѣ, допускавшемъ обращеніе ихъ въ частную собственность, то они, подобно землѣ, давали бы ренту. И чѣмъ больше ухудшалось бы качество, тѣмъ болѣе возвышалась бы цѣнность продуктовъ, въ про-

изводствѣ которыхъ участвовали бы эти дѣятели, потому что одинаковыя количества труда были бы менѣе производительны. Если излишекъ продукта, составляющій ренту, есть дѣйствительное преимущество земледѣлія, то остается пожелать, чтобы вновь сооружаемыя машины были менѣе производительны, нежели прежнія. Когда природа щедра и благодѣтельна, она всегда работаетъ даромъ; но мѣрѣ того, какъ становится скупѣе, она начинаетъ требовать платы за свою работу. Природѣ платятъ не за то, что она производитъ много, но за то, что она производитъ мало. Продуктъ, представляющій собою результатъ дѣятельности силъ природы, не имѣетъ самостоятельнаго экономическаго значенія, силы природы и ихъ продукты имѣютъ только монопольную цѣнность.

Доктрина эта имѣетъ своимъ ближайшимъ источникомъ ученіе о цѣнности, какъ овеществленномъ трудѣ. Измѣряя цѣнность трудомъ, овеществленнымъ въ продуктахъ процессомъ производства, экономисты видѣли положительную невозможность объяснить посредствомъ этой теоріи цѣнность продуктовъ, производимыхъ силами природы. Силы природы представляютъ собою одинъ изъ факторовъ производства; въ результатѣ дѣятельности земледѣльца есть доля не только производительныхъ факторовъ труда и капитала, но также доля, произведенная силами природы. При опредѣленіи цѣнности полученныхъ продуктовъ трудомъ производства, капиталъ и трудъ могутъ быть измѣряемы числомъ рабочихъ дней, количествомъ которыхъ и измѣряется цѣнность. Но относительно доли фактора природы ничего подобнаго невозможно было утверждать; невозможно было сказать, что цѣнность ея опредѣляется заключеннымъ въ ней извѣстнымъ количествомъ рабочихъ дней, потому что въ производствѣ ея не участвовалъ трудъ. И вотъ экономисты говорятъ, что продуктъ, представляющій собою результатъ дѣятельности силъ природы, не имѣетъ самостоятельной цѣнности, а только монопольную. Экономисты въ этомъ случаѣ вполнѣ послѣдовательны. Если цѣнность есть овеществленный трудъ человѣка, то все, что не производится трудомъ, можетъ имѣть только монопольную, а не естественную цѣнность, ни силы природы, ни ихъ продукты въ реэстрѣ народныхъ

цѣнностей не могутъ считаться. Изъ этого же должно быть всякому очевидно, если въ дѣйствительности окажется, что силы природы и ихъ продукты имѣютъ самостоятельную, а не монопольную цѣнность, то послѣдняя *eo ipso* уже не можетъ быть опредѣляема какъ овеществленный трудъ производства продукта.

Прежде нежели обратимся къ даннымъ, доказывающимъ самостоятельность цѣнности силъ природы и ихъ продуктовъ, обращаемъ вниманіе на тотъ фактъ, что отрицаніе этой самостоятельности ведетъ къ фатализму самаго мрачнаго свойства.

Вода не имѣетъ естественной цѣнности, но она можетъ имѣть монопольную, когда на примѣръ сдѣлается исключительною собственностью одного или нѣсколькихъ лицъ; цѣнность эта будетъ вычетомъ изъ богатства другихъ лицъ, которыя обѣднѣютъ на всю сумму продуктовъ, жертвуемыхъ для пріобрѣтенія воды. Плата за пользованіе силами природы, говорятъ намъ, ничѣмъ не отличается отъ этой монопольной платы за воду. Плата эта въ земледѣліи вызывается тѣмъ, что земля находится въ ограниченномъ количествѣ и можетъ быть монополизируема. Какъ собственникъ воды, въ приведенномъ случаѣ монополизированности послѣдней, живетъ не самостоятельнымъ доходомъ, но доходомъ другихъ лицъ, такъ, по теоріи экономической неироизводительности силъ природы, землевладѣлецъ живетъ не самостоятельнымъ доходомъ, но доходомъ, получаемымъ отъ другихъ классовъ населенія; доходъ перваго есть вычетъ изъ дохода послѣднихъ, такъ какъ чистый поземельный доходъ есть результатъ, а не самостоятельный и общественно-хозяйственный элементъ цѣнности. Необходимость такого вычета обыкновенно ставится въ прямой зависимости съ извѣстнымъ закономъ Мальтуса относительно размноженія населенія. По мѣрѣ увеличенія послѣдняго приходится обращаться къ обработкѣ худшихъ земель, природа дѣлается скупѣе и скупѣе, начинаетъ требовать платы за то, что прежде давала даромъ. Поземельная рента мало по малу стремится къ поглощенію не только всего земледѣльческаго дохода, но и вообще всего народнаго дохода. Когда съ возрастаніемъ населенія люди принимаются за обработку худшихъ земель, то немедленно

возникаетъ рента для лучшихъ, равная разности плодородія не одинаково плодородныхъ участковъ. Если лучшая земля даетъ 100 единицъ продуктовъ, а худшая 90, то при переходѣ къ обработкѣ послѣдней рента первой будетъ равна 10 единицамъ продуктовъ. При всякомъ увеличеніи населенія, побуждающемъ приниматься за обработку земель низшаго плодородія, самый плохой обрабатываемый участокъ будетъ оставаться безъ ренты, а каждый лучшій будетъ давать ренту, соотвѣтствующую разности между его плодородіемъ и плодородіемъ участка недающаго ренты. Съ этой точки зрѣнія движеніе ренты, какъ платы за участіе въ производствѣ силъ природы, можетъ быть представлено въ видѣ слѣдующей таблицы:

Періоды.	Доходъ съ отдѣльныхъ участковъ.	Сумма доходовъ.	Ренты съ отдѣльныхъ участковъ	Сумма рентъ.	Доходъ земледѣльца.
1	100	100	0	0	100
2	90	190	10	10	180
3	80	270	20+10	30	240
4	70	340	30+20+10	60	280
5	60	400	40+30+20+10	100	300
6	50	450	50+40+30+20+10	150	300
7	40	490	60+50+40+30+20+10	210	280
8	30	520	70+60+50+40+30+20+10	280	240
9	20	540	80+70+60+50+40+30+20+10	360	180
10	10	550	90+80+70+60+50+40+30+20+10	450	100

и т. д.

Изъ этой таблицы легко видѣть, что рента въ своемъ постепенномъ увеличеніи прямо стремится къ поглощенію дохода земледѣльца [1]). Но она имѣетъ тенденціей не только поглоще-

[1]) L. Biliński. Wykład ekon. społ. t. 1. стр. 95.

ніе дохода послѣдняго, но и вообще всего народнаго дохода. Если бы вода была вполнѣ монополизирована, то собственникъ воды могъ бы требовать отъ не имѣющаго ея все, чего только пожелаетъ. Какимъ же образомъ до настоящаго времени мы не видимъ не только поглощенія доходовъ неземледѣльческихъ отраслей промышленности, но и чисто земледѣльческихъ? Остается предположеніе, что спасеніемъ отъ этого мы обязаны какому то чуду; теорія Рикардо, по справедливому замѣчанію одного англійскаго экономиста, вноситъ въ науку элементъ чудеснаго.

Кэри не могъ не замѣтить этой фаталистической тенденціи въ теоріи Рикардо, онъ прямо утверждаетъ, что крайнее рабство человѣка есть естественный исходъ Рикардо-Мальтузіанской школы. Но онъ также называетъ цѣнность овеществленнымъ трудомъ, слѣдовательно также долженъ былъ признать силы природы и ихъ продукты не имѣющими естественной цѣнности. По мнѣнію экономистовъ, говоритъ онъ, (гл. VI, § 6), цѣнность имѣетъ два источника трудъ и монополію. Признаніе истинности этого положенія равносильно отрицанію всеобщности законовъ въ міровыхъ явленіяхъ. Цѣнность всѣхъ продуктовъ опредѣляется трудомъ воспроизводства; цѣнность земли, которую экономисты опредѣляютъ монополіей, въ дѣйствительности опредѣляется этимъ же самымъ закономъ, она равна тому труду, который необходимъ для воспроизводства земли въ ея данномъ состояніи. Рента есть ничто иное, какъ плата за поземельныя улучшенія, размѣры ея опредѣляются не тѣмъ трудомъ, который былъ необходимъ для производства улучшеній, но трудомъ, необходимымъ для воспроизводства ихъ при усовершенствованной техникѣ. Такимъ образомъ, по ученію Кэри, цѣнность силъ природы и ихъ продуктовъ заключается въ трудѣ человѣка. Это объясненіе было бы вѣрно, если бы силы природы были создаваемы человѣкомъ, такъ какъ только въ этомъ случаѣ эти силы можно бы назвать овеществленнымъ трудомъ. Необходимо впрочемъ сказать, что относительно цѣнности земли это объясненіе съ перваго взгяда представляется довольно вѣрнымъ. Весь верхній слой обрабатываемой земли, на высшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, въ извѣстной степени представляетъ собою

дѣло рукъ человѣка; физическія свойства почвы, минеральныя питательныя вещества и теплота могутъ быть увеличиваемы или уменьшаемы, вносимы или извлекаемы изъ почвы по волѣ человѣка. Даже солнечный свѣтъ подчиняется послѣдней, покрайней мѣрѣ посредствомъ черненія почвы угольнымъ порошкомъ сельскій хозяинъ можетъ увеличить поглотительную способность почвы и тѣмъ самымъ въ извѣстной мѣрѣ можетъ распоряжаться солнечнымъ свѣтомъ по своему усмотрѣнію. Но и въ этомъ случаѣ нельзя сказать, что продуктъ произведенъ только трудомъ человѣка. Самъ же К э р и въ слѣдующихъ характеристическихъ чертахъ опредѣляетъ относительное значеніе въ производствѣ человѣка и силъ природы. Человѣкъ, говоритъ онъ, находитъ вокругъ себя массу предметовъ, находящихся въ инертномъ состояніи и непроизводительныхъ. Это запасъ скрытой силы, которую необходимо освободить. Твердая почва производитъ плохія растенія, человѣкъ разрыхляетъ ее, усиливая этимъ вліяніе солнечныхъ лучей и дождя, бросаетъ въ обработанную землю зерна, принимающія изъ нея пищу, необходимую для питанія. При помощи воздуха и земли зерно мало по малу развивается, принося человѣку хлѣбъ. Во всѣхъ этихъ операціяхъ человѣкъ является ни болѣе, ни менѣе какъ кочегаромъ, который приготовляетъ топливо для локомотива (гл. III, § 3). Если же человѣкъ только кочегаръ въ дѣлѣ производства, то не странно ли доходъ получаемый отъ производства считать результатомъ его дѣятельности и исключать въ этомъ отношеніи значеніе природы, относительно которой онъ только кочегаръ? Какъ увидимъ впослѣдствіи, относительно цѣнности земли К э р и измѣняетъ своему общему понятію о цѣнности, отожествляя цѣнность земли съ богатствомъ. Неужели силы природы въ данномъ случаѣ не производятъ богатства, а только производится оно трудомъ человѣка? Конечно, безъ человѣка не было бы тѣхъ результатовъ, которые получаются при его участіи; но тоже самое необходимо сказать и обратно, то есть безъ участія силъ природы человѣкъ также не могъ бы ничего производить. Если для произведенія необходимо два сомножителя, то очевидно, что они оба имѣютъ

производительное значеніе, хотя бы и невозможно было съ точностью опредѣлить, что произведено однимъ, и что другимъ [1]).

Обращаясь къ обыденнымъ фактамъ явленій цѣнности, мы на каждомъ шагу можемъ встрѣтить такіе факты, по которымъ цѣнность продуктовъ не можетъ быть объяснена ни монополіей, ни трудомъ. Укажемъ на общеизвѣстный фактъ цѣнности стараго вина, фактъ извѣстный и послѣдователямъ Рикардо.

„Цѣнность вина, говоритъ Бернгарди, (§ 10) возрастаетъ по мѣрѣ того, какъ товаръ становится старѣе, покрайней мѣрѣ это необходимо сказать относительно нѣкоторыхъ его сортовъ. Объясненіе этого факта для человѣка не предубѣжденнаго не представляетъ ни малѣйшей трудности. Вино сдѣлалось лучше; его внутренняя цѣнность возвысилась, благодаря дѣйствію творческихъ силъ природы, и это обстоятельство составляетъ единственную побудительную причину, чтобы оплачивать его по увеличенной цѣнѣ, которая дѣлается необходимою вслѣдствіе слишкомъ поздняго вознагражденія издержекъ производителя.“ Съ этимъ объясненіемъ факта дѣйствительно всякій непредубѣжденный человѣкъ согласится, но согласившись съ нимъ, мы должны признать участіе силъ природы въ производствѣ мѣноспособныхъ предметовъ, должны признать природу экономически производительною силою. Этого объясненія не могутъ допустить экономисты, для которыхъ цѣнность есть овеществленный трудъ человѣка. Такъ какъ силы природы не могутъ быть названы овеществленнымъ трудомъ, то приходится утверждать, что нѣтъ нужды измѣрять цѣнность продуктовъ природы, потому что они не имѣютъ естественной цѣнности, а только монопольную. Но въ отношеніи къ факту возрастанія цѣнности вина послѣ того, какъ оно въ продолженіи извѣстнаго времени сохраняется, и это

---

[1]) Бастія приводитъ слѣдующее deductio ad absurdum доктрины, приписывающей только труду экономическое значеніе:

Toute richesse vient du travail,
Donc la richesse est proportionnelle au travail.
Or le travail est en raison inverse de la libéralité de la nature;
Donc la richesse est en raison inverse de la libéralité de la nature!

Harm. économ. стр. 81.

объясненіе оказывается недостаточнымъ. Какъ замѣтилъ Бернгарди, сравнительно очень малое количество вина обращается въ потребленіе непосредственно изъ виноградныхъ тисковъ, или же тотчасъ послѣ того, какъ выбродило. Вотъ почему даже послѣдователи теоріи экономической непроизводительности природы относительно приведеннаго факта не считаютъ возможнымъ сослаться на монополію или рѣдкость, какъ источникъ монополіи. Фактъ этотъ, по теоріи Рикардо, объясняется тѣмъ, что производитель долженъ получить вознагражденіе за прибыль на капиталъ, равное тому, что онъ получалъ бы, если бы этотъ капиталъ былъ употребленъ въ дѣло немедленно послѣ производства вина. Такое объясненіе, справедливо замѣчаетъ Бернгарди, совершенно достаточно для того, что бы сдѣлать желательнымъ для производителя увеличеніе цѣны, оно показываетъ намъ душевное настроеніе производителя въ этомъ отношеніи, но болѣе ничего; для покупателя не заключается въ немъ основанія, въ силу котораго онъ долженъ былъ бы исполнить желаніе производителя. Но и такимъ объясненіемъ факта Рикардо разрушаетъ свою теорію цѣнности. Если вино увеличивается въ цѣнности, между тѣмъ какъ количество овеществленнаго въ немъ труда остается прежнее, то трудъ не можетъ быть признанъ единственнымъ регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій. Вотъ почему Макъ-Куллохъ сдѣлалъ попытку иначе объяснить этотъ фактъ. По его объясненію, увеличеніе цѣнности вина при подобныхъ обстоятельствахъ есть результатъ новаго количества труда, къ нему приложеннаго, а именно труда силъ природы. Положимъ, что одинъ капиталъ въ 1,000 ф. ст. затрачивается на молодое вино, другой на кожу и заработную плату, черезъ годъ оба продукта будутъ имѣть одну и туже цѣнность, въ обоихъ случаяхъ увеличеніе цѣнности произойдетъ отъ увеличенія труда, въ одномъ случаѣ труда человѣка, въ другомъ природы. „Куда же дѣвалось, говоритъ по поводу этого объясненія Бернгарди, ученіе о непроизводительности естественныхъ силъ, дѣйствіе которыхъ будто бы совершается всегда даромъ, какъ щедрый даръ Провидѣнія? Очевидно, тутъ попадаешь изъ огня въ полымя, такъ оставаться было нельзя и Макъ-Куллохъ въ своихъ примѣчаніяхъ

къ Смиту еще разъ попытался справиться съ этимъ непріятнымъ дѣломъ посредствомъ новаго пріема.“ Новый пріемъ оказывается еще менѣе удовлетворительнымъ; въ этомъ новомъ пріемѣ Макъ-Куллохъ объясняетъ увеличеніе цѣнности вина частью издержками первоначально приложеннаго къ нему капитала, частью временемъ, въ теченіи котораго эти издержки были необходимы для производства желаемой перемѣны въ винѣ. Но въ производствѣ этой перемѣны затраченный первоначально капиталъ не принимаетъ участія; она производится естественными силами, а не капиталомъ, употребленнымъ на примѣръ на покупку молодаго вина. Въ основаніи добавочной цѣнности вина съ одной стороны лежитъ новая годность, произведенная силами природы, съ другой же стороны время, необходимое для обнаруженія производительной дѣятельности природы, какъ фактора въ хозяйствѣ.

Для доказательства нашей мысли обращаемся въ анализу природы цѣнности въ изолированномъ и мѣновомъ хозяйствахъ.

Однѣ изъ средствъ, необходимыхъ для удовлетворенія нашихъ потребностей, существуютъ въ количествѣ экономически неограниченномъ, общедоступны и въ большей части случаевъ служатъ непосредственно къ удовлетворенію потребностей, таковы на примѣръ въ обыкновенныхъ случаяхъ вода и воздухъ. Съ силами и веществами подобнаго рода человѣкъ не соединяетъ понятія цѣнности, не смотря на всю ихъ годность къ удовлетворенію потребностей. Другія силы и вещества находятся въ ограниченномъ количествѣ и не могутъ служить непосредственно для удовлетворенія потребностей, но должны быть преобразованы въ пригодную для этой цѣли форму. Люди соединяютъ понятіе о цѣнности только съ веществами и силами послѣдней категоріи. Въ изолированномъ хозяйствѣ въ основаніи ихъ цѣнности лежитъ время производства на томъ основаніи, что увеличеніе или уменьшеніе его равносильно увеличенію или уменьшенію пожертвованій, ограниченію въ потребленіи и ожиданію. Однимъ изъ наиболѣе существенныхъ элементовъ этого времени есть время, необходимое для обнаруженія продуктивной дѣятельности труда. Чѣмъ больше необходимо труда для производства, тѣмъ выше цѣнность

продукта. Если для производства продукта А необходимо два дня труда, между тѣмъ какъ для производства продукта В достаточно одного дня, то первый продуктъ будетъ вдвое дороже послѣдняго. Всматриваясь ближе въ условія производственной цѣнности, мы легко увидимъ, что трудъ не единственный источникъ ея. Время, необходимое для обнаруженія продуктивной дѣятельности природы, какъ фактора хозяйственнаго производства, является вторымъ элементомъ цѣнности. Если для производства продукта N достаточно въ этомъ случаѣ одного года, между тѣмъ какъ для производства продукта В необходимо два года, то послѣдній при равенствѣ всѣхъ остальныхъ условій будетъ вдвое цѣннѣе перваго на томъ же основаніи, по которому въ первомъ случаѣ продуктъ А былъ вдвое дороже продукта В. Въ томъ и другомъ случаѣ источникомъ и основаніемъ цѣнности является необходимое для производства время, увеличеніе или уменьшеніе послѣдняго равносильно измѣненіямъ въ условіяхъ производства, увеличенію или уменьшенію затрудненій. При равенствѣ всѣхъ другихъ условій, производитель болѣе дорожитъ тѣмъ продуктомъ, на производство котораго затрачивается болѣе хозяйственнаго времени дѣйствія природы, сравнительно съ тѣмъ, на производство котораго необходимо этого времени менѣе, который, поэтому, пріобрѣтается удобнѣе и легче.

Экономисты, считающіе единственнымъ источникомъ цѣнности трудъ человѣка, обыкновенно замѣчаютъ, что увеличеніе *даровой* дѣятельности силъ природы ведетъ не къ увеличенію, но къ уменьшенію цѣнности. Если бы даровая дѣятельность силъ природы входила въ составъ цѣнности, то въ этомъ случаѣ былобы совершенно противоположное, то есть увеличеніе такой дѣятельности вело бы не къ уменьшенію, но къ увеличенію цѣнности, подобно тому, какъ увеличеніе ея производится вслѣдствіе увеличенія труда, необходимаго для производства. Возраженіе это оказывается крайне неудовлетворительнымъ, оно грѣшитъ противъ элементарныхъ требованій логики. Для сравненія необходимо приведеніе величинъ къ одному знаменателю, сравненіе не мыслимо тамъ, гдѣ сравниваемыя данныя не подведены къ общему знаменателю. Приведенное возраженіе грѣшитъ имен-

но противъ этого элементарнаго условія, необходимаго при всякомъ сравненіи. Если бы дѣятельность труда и природы была приведена экономистами къ единственно возможному въ данномъ случаѣ знаменателю, а именно къ времени, въ теченіи котораго обнаруживается дѣятельность этихъ факторовъ, то они легко избѣжали бы ошибки и легко увидѣли бы, что увеличеніе дѣятельности и труда и силъ природы относительно цѣнности имѣетъ одинаковое значеніе. Увеличеніе времени, въ теченіи котораго обнаруживается дѣятельность труда, ведетъ къ увеличенію цѣнности производимаго продукта; точно также ведетъ къ увеличенію цѣнности и увеличеніе времени, въ теченіи котораго обнаруживается хозяйственная дѣятельность природы. Въ томъ и другомъ случаѣ мы обращаемъ вниманіе на увеличеніе времени производства, обращаемъ вниманіе на количественную сторону въ дѣятельности. Получимъ совершенно ложное понятіе, если обратимъ вниманіе въ одномъ случаѣ на количественную, а въ другомъ на качественную сторону. Экономисты говорятъ, что увеличеніе *рабочаго времени* ведетъ къ увеличенію цѣнности, но *увеличеніе производительности силъ природы* уменьшаетъ цѣнность; очевидно, въ первомъ случаѣ говорится о количественномъ увеличеніи труда, иначе говоря, объ *увеличеніи* необходимаго для производства продукта рабочаго времени, а во второмъ о качественномъ увеличеніи дѣятельности природы, то есть объ *уменьшеніи* времени производства продукта. Если обратимъ вниманіе на качественную сторону производства, то необходимо сказать, что увеличеніе производительности труда ведетъ къ уменьшенію цѣнности, подобно тому, какъ ведетъ къ уменьшенію цѣнности и увеличеніе продуктивности природы, то есть въ томъ и другомъ случаѣ уменьшеніе цѣнности происходитъ вслѣдствіе уменьшенія необходимаго для производства продукта времени.

Указанное возраженіе, очищенное отъ нелогичности, служитъ въ защиту того, противъ чего оно направлено было. Такъ какъ увеличеніе производительности природы равносильно уменьшенію времени, въ теченіи котораго продуктъ производится, то это возраженіе должно быть переведено слѣдующимъ образомъ: увеличеніе рабочаго времени ведетъ къ увеличенію цѣнности про-

дукта, уменьшеніе времени хозяйственной дѣятельности природы ведетъ къ уменьшенію ея. Ясно, что экономисты своимъ возраженіемъ должны именно это утверждать, иначе ихъ возраженіе является логическою несообразностью. Но ясно также, что этимъ возраженіемъ они, противъ собственнаго желанія, признаютъ отрицаемое, признаютъ, что силы природы входятъ въ составъ цѣнности и входятъ такимъ же точно образомъ, какъ и трудъ. Если уменьшеніе времени, необходимаго для проявленія хозяйственной дѣятельности природы, ведетъ къ уменьшенію цѣнности, то, очевидно, увеличеніе этого времени равносильно увеличенію цѣнности.

И такъ, силы и вещества природы, находящіяся въ ограниченномъ количествѣ и не могущія служить непосредственно къ удовлетворенію потребностей, входятъ въ составъ цѣнности такимъ же естественнымъ образомъ, какъ и силы труда. Цѣнность въ томъ и другомъ случаѣ является превращеннымъ въ продуктъ необходимымъ при данныхъ условіяхъ временемъ производства. Теперь обращаемся къ отношенію производственной цѣнности силъ и веществъ природы и труда къ мѣновой.

Мы видѣли, что въ мѣновыхъ отношеніяхъ съ экономическимъ развитіемъ борьба интересовъ уступаетъ мѣсто мѣновой взаимности. Мѣновая взаимность мыслима не иначе, какъ при осуществленіи въ обмѣнѣ закона производственной цѣнности. Обращаемся для уясненія этой мысли прежде всего къ цѣнности продуктовъ труда. Силы труда также разнообразны, какъ разнообразны индивидуальныя особенности людей. Разнообразіе въ трудовыхъ способностяхъ вызываетъ необходимость раздѣленія занятій и обмѣна. По общему правилу, разнокачественность труда не только не вызываетъ монополіи и цѣнность продуктовъ труда не только не можетъ быть названа монопольною, но на оборотъ, обмѣнъ, а слѣдовательно и мѣновая цѣнность продуктовъ индивидуализированныхъ занятій, представляетъ собою необходимое условіе взаимности въ общемъ дѣлѣ удовлетвоенія потребностей. Значеніе въ этомъ отношеніи индивидуализированности занятій можетъ быть наглядымъ образомъ уяснено въ слѣдующемъ примѣрѣ. Одинъ производитель производитъ про-

дуктъ А въ одинъ день своего труда, но продуктъ В онъ можетъ произвесть не иначе, какъ въ три дня, потому что въ производствѣ этого продукта онъ не такъ ловокъ, искусенъ и свѣдущъ; на оборотъ, другой производитель производитъ продуктъ В въ одинъ день, между тѣмъ какъ продуктъ А въ три дня, по тѣмъ же самымъ причинамъ. Между этими производителями происходитъ обмѣнъ, каждый изъ нихъ, вмѣсто самостоятельнаго производства желаемаго продукта, производитъ продуктъ своей спеціальности и обмѣнивается съ другимъ. Если бы каждый изъ нихъ производилъ самъ для себя продуктъ, составляющій спеціальность другаго, то каждый бы употребилъ для этого три дня, но при существованіи обмѣна для пріобрѣтенія желаемаго продукта достаточно употребить по одному дню; каждый изъ нихъ выигриваетъ при этомъ по два дня, а цѣлое общество выигриваетъ четыре дня. Если общество состоитъ изъ двухъ милліоновъ производителей, между которыми на указанныхъ условіяхъ происходитъ обмѣнъ продуктовъ раздѣленныхъ между ними занятій, то всѣ они вмѣстѣ выигриваютъ четыре милліона рабочихъ дней. Очевидно, раздѣленіе занятій ведетъ къ значительному сбереженію въ издержкахъ производства; при существованіи въ обществѣ этого принципа каждый изъ членовъ общества значительно легче и дешевле удовлетворяетъ свои потребности, нежели при отсутствіи его. Если бы каждому производителю приходилось удовлетворять свои потребности своимъ непосредственнымъ трудомъ, то каждый изъ нихъ истратилъ бы значительное количество рабочаго времени совершенно убыточно и все-таки удовлетворялъ бы не всѣмъ своимъ потребностямъ и удовлетворялъ бы во всякомъ случаѣ плохо. Каждый изъ нихъ въ большей части случаевъ принужденъ былъ бы ограничиться удовлетвореніемъ самыхъ настоятельныхъ потребностей, для удовлетворенія другихъ не имѣя ни времени, ни охоты. Послѣ индивидуализаціи занятій соотвѣтственно природнымъ или пріобрѣтеннымъ способностямъ, каждый получаетъ возможность пользоваться индивидуальными особенностями другаго, каждый выигриваетъ, имѣя возможность производить больше и лучше. При отсутствіи раздѣленія занятій и обмѣна каждый производитель былъ бы монополизированъ, къ взаимному

вреду; не ассоціируя путемъ обмѣна своихъ особенностей, каждый изъ нихъ не могъ бы пользоваться ими во всей полнотѣ. Обмѣнъ продуктовъ индивидуализированныхъ занятій имѣетъ своей задачей устраненіе монополій, взаимность въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Принципъ взаимности, все болѣе и болѣе развивающійся въ отношеніяхъ, требуетъ, чтобы продукты труда обмѣнивались пропорціонально общественно необходимому рабочему времени. Если одинъ человѣкъ затрачиваетъ на производство своего продукта два дня труда, а другой одинъ день, то взаимность интересовъ требуетъ, чтобы цѣнность перваго продукта была вдвое выше цѣнности втораго. Если первый производитель захочетъ взять за свой продуктъ четыре продукта втораго производителя, вмѣсто двухъ, то послѣднему этотъ обмѣнъ будетъ не выгоденъ; вмѣсто пріобрѣтенія желаемаго продукта двумя днями труда, ему приходится платить четыре дня. Такой обмѣнъ возможенъ только въ томъ случаѣ, когда одинъ изъ контрагентовъ обмѣна въ какомъ либо отношеніи монополизированъ сравнительно съ другимъ. Но устраненіе монополій, увеличеніе равенства въ положеніи мѣняющихся сторонъ—это общій историческій законъ, постепенное развитіе и осуществленіе котораго должно быть очевидно всякому. Если производитель, затрачивающій въ продуктъ одинъ день, въ мѣновой цѣнности его выручаетъ половину рабочаго дня, то силы его хозяйства должны приходить въ упадокъ; не мыслимо производство въ теченіи болѣе или менѣе продолжительнаго времени продуктовъ, въ цѣнности которыхъ не возвращаются сдѣланныя затраты. Если же производитель не можетъ получить въ пріобрѣтаемомъ продуктѣ менѣе того рабочаго времени, которое заключено въ его продуктѣ, то *eo ipso* онъ не можетъ получить и болѣе, такъ какъ въ этомъ случаѣ одинъ изъ контрагентовъ обмѣна получалъ бы менѣе. Когда производитель въ мѣновой цѣнности выручаетъ менѣе, нежели заключено въ продуктѣ рабочаго времени, то другой контрагентъ обмѣна выручаетъ болѣе, первый теряетъ, второй на его счетъ пріобрѣтаетъ. Такое частно-хозяйственное пріобрѣтеніе съ экономическимъ развитіемъ все болѣе и болѣе уменьшается и слѣдовательно мѣновая цѣнность продуктовъ труда все болѣе и бо-

лѣе начинаетъ подчиняться закону производственной цѣнности, по которому мѣновое отношеніе регулируется рабочимъ временемъ, необходимымъ для производства продукта. Законъ этотъ мы называемъ *закономъ сохраненія хозяйственныхъ силъ* при раздѣленіи занятій, *статическимъ закономъ* явленій цѣнности.

Силы природы также разнообразны, какъ разнообразны и силы человѣческаго труда. Какъ разнокачественность труда вызываетъ необходимость обмѣна и мѣновой цѣнности продуктовъ труда, такъ по тѣмъ же самымъ экономическимъ основаніямъ вызывается необходимость обмѣна и мѣновой цѣнности продуктовъ разнокачественныхъ и не общедоступныхъ силъ природы. Какъ тамъ, такъ и здѣсь въ основаніи мѣновой цѣнности не монополія, но взаимность интересовъ.

Локализація занятій представляетъ собою одно изъ условій раздѣленія занятій, значеніе ея тожественно съ значеніемъ индивидуализаціи труда. Только при разумной организаціи локализаціи занятій общество получаетъ возможность наиболѣе разумно утилизировать спеціальныя особенности той или другой мѣстности, безъ чего каждая изъ этихъ мѣстностей не только не могла бы пользоваться спеціальными особенностями другой, но не могла бы во всей полнотѣ утилизировать и свои спеціальныя особенности. Жители каждой изъ такихъ мѣстностей принуждены были бы производить то, что плохо производится въ ихъ мѣстности и такимъ образомъ несли бы двойной убытокъ: не получали бы въ надлежащемъ количествѣ всего того, что способна производить ихъ мѣстность и получали бы въ меньшемъ количествѣ и плохшемъ качествѣ то, что можетъ быть съ успѣхомъ производимо только въ другой мѣстности. Усвоеніе не общедоступныхъ силъ природы, обмѣнъ и мѣновая цѣнность ихъ продуктовъ—это условія какъ бы уменьшенія ограниченности этихъ силъ и произведенія наиболѣе полной доступности. По общему правилу собственность не монопольный принципъ; то, что желаемый продуктъ находится въ другихъ рукахъ, не производитъ монополія, такъ какъ съ развитіемъ раздѣленія занятій такое положеніе равно относится ко всѣмъ сторонамъ мѣновой ассоціаціи. Усвоеніе хозяйственныхъ силъ природы не только не монополія, а напротивъ

того лишь при посредствѣ собственности и обмѣна каждая сторона перестаетъ быть монополизированною сравнительно съ другою, люди получаютъ возможность найлучше утолизировать естественныя особенности, увеличивая ихъ продуктивностъ и, слѣдовательно, какъ бы уменьшая ихъ ограниченность. И здѣсь, также какъ и въ отношеніи къ труду, мѣновая цѣнность является выраженіемъ и необходимымъ условіемъ экономической взаимности. И здѣсь эта взаимность требуетъ, чтобы продукты обмѣнивались пропорціонально времени производства. Если одинъ изъ контрагентовъ обмѣна получаетъ продуктъ 10 годами дѣятельности природы, а другой пятью, то при равенствѣ остальныхъ условій, по закону взаимности мѣновыхъ интересовъ, цѣнность перваго продукта будетъ вдвое выше цѣнности послѣдняго. Обмѣнъ не пропорціональный такому необходимому времени производства возможенъ только въ томъ случаѣ, когда одна сторона монополизирована. Каждое отдѣльное хозяйство должно выручать въ обмѣнѣ равноцѣнность отдаваемаго, мѣняющіяся стороны должны сохранять свои производительныя силы, иначе одна изъ сторонъ будетъ жить на счетъ другой, при чемъ послѣдняя будетъ постепенно терять возможность дальнѣйшаго производства. Такое сохраненіе производственныхъ силъ и достигается обмѣномъ равноцѣнностей, измѣряемыхъ необходимымъ для производства временемъ. Во время дѣятельности происходитъ трата силъ, которая должна быть возстановлена, иначе самая дѣятельность не можетъ быть продолжительною. Обмѣниваются только продукты разнокачественныхъ силъ. между которыми существуетъ только одно общее,—это время, необходимое для обнаруженія ихъ дѣятельности, какъ бы превращающееся въ продукты и служащее естественнымъ закономъ, регулирующимъ мѣновыя пропорціи.

Мѣновая взаимность проявляется не только въ видѣ принципа возстановленія силъ въ производствѣ, что всецѣло относится къ силамъ природы и труда, возстановленіе которыхъ представляетъ собою необходимое условіе производства. Изъ примѣра цѣнности стараго вина мы видѣли, что и тѣ силы природы, возстановленіе которыхъ въ производствѣ не необходимо, также имѣютъ мѣновую цѣнность. Въ подобныхъ случаяхъ послѣдняя ос-

новывается на новой годности, созданной силами природы, и на необходимости опредѣленнаго времени, въ теченіи котораго создается эта годность. Безъ соотвѣтствующаго вознагражденія никто бы не согласился производить продуктъ; если бы старое и молодое вино имѣли одинаковую цѣнность, то не было бы никому выгоды улучшать молодое вино и общество не имѣло бы старыхъ винъ. Конечно, по закону равенства прибылей, добавочная цѣнность, какъ разница между цѣнностью молодаго и стараго вина, будетъ равна проценту отъ затраченныхъ денегъ, но деньги не представляютъ собою фактора производства и безъ времени дѣятельности силъ природы въ данномъ случаѣ не было бы никакой добавочной цѣнности. Въ большинствѣ случаевъ мѣновая цѣнность продуктовъ, производимыхъ при участіи силъ природы, основывается на обоихъ видахъ закона взаимности мѣновыхъ интересовъ. Такова на примѣръ цѣнность лѣса при искусственномъ разведеніи послѣдняго. Съ одной стороны мѣновая цѣнность дерева основывается на необходимости возстановленія силъ въ производствѣ, съ другой стороны въ составъ этой цѣнности входятъ и экономически не истощимыя силы природы, каковъ свѣтъ солнечный, необходимый для жизни растеній, дѣятельность котораго обнаруживается въ теченіи опредѣленнаго времени, при чемъ безъ соотвѣтствующаго вознагражденія никому не было бы разсчета заводить хозяйство. Извѣстно, что дерево сначала растетъ очень быстро, но по истеченіи сорока лѣтъ начинаетъ расти вообще очень медленно. Существующія въ настоящее время цѣны не представляютъ возможности разводить лѣсъ достигающій полной зрѣлости; согласно съ существующими цѣнами, выгоднѣе рубить лѣсъ, не достигшій полной зрѣлости. Это значитъ, что нѣтъ выгоды заводить хозяйство для разведенія лѣса, достигающаго полной зрѣлости, такъ какъ въ мѣновой цѣнности такого лѣса не оплачивается добавочное время, необходимое для такого хозяйства. Обществомъ еще не требуется такая затрата времени и, поэтому, затратившій не получитъ соотвѣтствующаго вознагражденія.

Признанію естественною цѣнностью мѣновой цѣнности продуктовъ силъ природы съ перваго взгляда можетъ служить пре-

пятствіемъ то, что вещества и силы природы наиболѣе распространенныя и общедоступныя не имѣютъ мѣновой цѣнности. Имѣя это въ виду, легко прійдти къ мысли, что фактическая мѣновая цѣнность веществъ и силъ природы, находящихся въ ограниченномъ количествѣ и не общедоступныхъ, есть монопольная цѣнность, результатъ того, что нѣкоторыя лица жнутъ тамъ, гдѣ не сѣяли. Но это сопоставленіе двухъ съ экономической точки зрѣнія совершенно различныхъ силъ и веществъ природы не научно, для этого сопоставленія нѣтъ общаго знаменателя. Политическая экономія, какъ наука изучающая законы междучеловѣческихъ отношеній въ дѣятельности, направленной къ удовлетворенію потребностей, вовсе исключаетъ изъ круга своихъ изслѣдованій силы и вещества, существующія повсемѣстно и служащія непосредственно къ удовлетворенію потребностей, такъ какъ по поводу этихъ силъ и веществъ не образуется никакихъ между людьми отношеній. Изъ всѣхъ силъ и веществъ природы политическая экономія имѣетъ дѣло только съ существующими не повсемѣстно, не общедоступными и не могущими служить непосредственно къ удовлетворенію потребностей. Ея задача—изслѣдовать какимъ образомъ въ силу опредѣленныхъ общественныхъ законовъ эти силы и вещества могутъ быть найлучше утилизированы, могутъ принесть человѣчеству наиболѣе выгоды. Однимъ изъ ближайшихъ законовъ цѣлесообразнаго ихъ утилизированія и есть законъ, регулирующій мѣновыя пропорціи, законъ равенства выгодъ и сохраненія производственныхъ силъ въ каждомъ хозяйствѣ, по которому производитель имѣетъ возможность индивидуализировать и локализировать занятія, усиливать продуктивность силъ природы и тѣмъ самымъ дѣлать ихъ болѣе доступными для удовлетворенія потребностей. Силы и вещества природы общедоступныя обладаютъ химическими, физическими и другими свойствами, исключая экономическихъ. Они не имѣютъ естественной мѣновой цѣнности, и въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится платить за нихъ, имѣютъ или монопольную мѣновую цѣнность (стаканъ воды въ безводной пустынѣ), или оплачиваются только трудъ и капиталы, необходимые для доставки ихъ къ мѣсту потребленія (плата водоносу). Только силы и вещества при-

роды второй категоріи, не общедоступныя и служащія посредственно къ удовлетворенію потребностей, такія силы и вещества, по поводу найболѣе интенсивнаго утилизированія которыхъ возникаютъ опредѣленныя отношенія между людьми, обладаютъ экономическими свойствами, имѣютъ естественную мѣновую цѣнность. Отсутствіе цѣнности у первыхъ не можетъ служить доказательствомъ отсутствія естественной мѣновой цѣнности у послѣднихъ; между этими двумя категоріями силъ и веществъ съ экономической точки зрѣнія нѣтъ ничего общаго.

Изъ этого видно, какъ не основательно положеніе экономистовъ, что цѣнность веществъ и силъ природы есть вычетъ изъ богатства другихъ лицъ. Вполнѣ вѣрно, что цѣнность воды, въ случаѣ монополизированности послѣдней, есть вычетъ изъ богатства другихъ лицъ, но Рикардо не правъ распространяя это воззрѣніе на всѣ явленія мѣновой цѣнности силъ и веществъ природы. Мы видѣли, что по закону мѣновой взаимности каждый изъ контрагентовъ обмѣна получаетъ равноцѣнность отдаваемаго. О прибыли одного, равносильной потерѣ другаго, здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Напротивъ того, мѣновая цѣнность въ этомъ случаѣ является условіемъ устраненія такихъ положеній, при которыхъ прибыль одного является убылью для другаго. Если бы одна изъ мѣняющихся сторонъ не выручала въ обмѣнѣ равноцѣнности отдаваемаго, ея производительныя силы уменьшались бы, производство постепенно приходило бы въ упадокъ, между тѣмъ какъ на ея счетъ богатѣла бы другая сторона. Странно, что такой строго логическій изслѣдователь какъ Рикардо, въ основаніи всей своей экономической системы положилъ воззрѣніе, по которому условіе обмѣна равноцѣнностей и сохраненія хозяйственныхъ силъ каждой изъ мѣняющихся сторонъ является фактомъ противорѣчащимъ этому мѣновому равенству. Сказать, что добавочная цѣнность, которою оплачиваются хозяйственныя силы природы, есть вычетъ изъ богатства другихъ лицъ, значитъ утверждать, что законъ взаимности есть законъ борьбы, что законъ сохраненія хозяйственныхъ силъ есть законъ ихъ растраты.

Прудонъ привелъ въ ужасъ экономистовъ слѣдующими словами, въ которыхъ онъ на поставленный вопросъ приводитъ отвѣтъ, позаимствованный имъ у самыхъ же экономистовъ, считающихъ природу экономически непроизводительнымъ факторомъ:

„A qui est du lû fermage de la terre? Au producteur de la terre sans doute. Qui a fait la terre? Dieu. En ce cas, propriétaire, retire toi.“

И Прудонъ безусловно правъ, если вѣренъ взглядъ экономистовъ, отрицающихъ самостоятельность цѣнности силъ и веществъ природы, о которыхъ мы говорили.

Бастіа прекрасно понялъ это и поэтому рѣшился утверждать, что силы и вещества природы никогда не имѣютъ цѣнности. Этимъ страннымъ открытіемъ онъ думалъ примирить и пропріэтатистовъ и коммунистовъ. Обращаясь къ экономистамъ и коммунистамъ, онъ говоритъ, что только трудъ имѣетъ мѣновую цѣнность и служитъ основаніемъ собственности, между тѣмъ какъ природа или полезности ею производимыя всегда имѣютъ даровое значеніе. Такимъ образомъ въ дѣйствительной жизни мы видимъ и разумную собственность и разумный коммунизмъ. Примиреніе, по его мнѣнію, очевидно и онъ говоритъ спорящимъ сторономъ: Economistes, vous défendez la propriété. Il n'y a, dans l'ordre sociale, d'autre propriété, que celle des valeurs, et celle—lá est inébranlable. Communistes, vous rêvez la communauté. Vous l'avez. L'orde social rend toutes les utilités communes, a la condition que l'échange des valeurs appropriées soit libre. [1]) Врядъ ли убѣдился этимъ кто либо, если только онъ наблюдалъ факты насъ окружающіе. Въ жизни мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ фактами мѣновой цѣнности силъ природы. Но тѣмъ не менѣе не правъ Прудонъ, считая эти факты какъ бы противоестественными фактами. Напротивъ того, противоположное положеніе вещей былобы положеніемъ противоестественнымъ. Особенно это очевидно изъ фактовъ международной мѣновой жизни. Страна, не имѣющая своей собственной обрабатывающей промышленности, находится въ экономической зависимости отъ странъ болѣе раз-

[1]) Harmonies économiques, стр. 142.

витыхъ; она не получаетъ равноцѣнности отдаваемаго, производительность ея слабѣетъ и наконецъ должна вовсе прекратиться. Тоже было бы и съ каждымъ отдѣльнымъ хозяйствомъ, если бы въ хозяйствахъ не имѣлъ примѣненія законъ сохраненія ихъ силъ.

ГЛАВА VII.

Переходимъ къ анализу значенія третьяго элемента цѣнности,—капитала. Можетъ показаться, что понятіе о прибыли, какъ добавочной цѣнности, полученной въ результатѣ производительной дѣятельности капитала, было извѣстно уже въ древности. Такъ Греки процентъ съ капитала обозначали словомъ *τόκος*, что значитъ рожденный, произведенный, то есть обозначали словомъ, заключающимъ въ себѣ понятіе о прибыли, какъ естественной добавочной цѣнности, естественномъ приростѣ. Но и у насъ процентъ обозначается словомъ, заключающимъ въ себѣ соотвѣтствующее же понятіе о производительности капитала; процентъ называется у насъ ростомъ, что какъ бы говоритъ о томъ, что получаемая отъ ссуженнаго капитала прибыль производится этимъ самымъ ссуженнымъ капиталомъ, есть его естественный приростъ; однакожъ изъ этого еще нельзя выводить заключенія, что понятіе о производительности капитала принадлежитъ у насъ къ понятіямъ общераспространеннымъ. Въ дѣйствительности оказывается, что древніе вовсе не имѣли истиннаго понятія о добавочной цѣнности, производимой капиталомъ. Это ясно подтверждается тѣмъ, что даже лучшіе изъ мыслителей того времени вооружались противъ процентовъ. Такъ Аристотель считаетъ процентъ противоестественнымъ доходомъ на томъ основаніи, что деньги не производятъ новыхъ денегъ, что они безплодны по самой природѣ своей. Точно также отнеслись къ процентамъ и лучшіе изъ людей Рима, на прим. Сенека, Катонъ и другіе. Катонъ выражается о процентахъ особенно рѣзко; по его мнѣнію, foenerari и hominem occidere—одно и тоже. Можно положительно утверж-

дать, что древніе народы смотрѣли на процентъ какъ на неестественный доходъ; это доказывается ихъ религіозными и законодательными памятниками.

Учители Христіанской Церкви, ссылаясь на Аристотеля, также считаютъ процентъ неестественнымъ доходомъ. Св. Василій прямо повторяетъ слова Аристотеля, что деньги не рождаютъ новыхъ денегъ, не даютъ, слѣдовательно, никакого права на доходъ, называемый процентомъ. Григорій Нисскій напоминаетъ, что великія слова Творца міра—раститесь и умножайтесь вовсе не относились къ деньгамъ Вообще мысль Аристотеля о бозплодности денегъ была главнымъ доводомъ противестественности и правомѣрности процентовъ. Между прочимъ и Шекспиръ въ своемъ „Венеціанскомъ купцѣ“ приводитъ тоже основаніе.

Такое предубѣжденіе противъ процентовъ, по справедливому объясненію Молинари, [1]) произошло отъ того, что разнообразныя обстоятельства соединились для предоставленія капиталистамъ монополіи, позволявшей имъ ссужать за чрезмѣрно высокіе проценты. Капиталы были рѣдки, правосудіе слабо, не менѣе слаба была и народная честность; капиталы занимались большею частью не для производства, но для потребленія; весьма естественно, что при такомъ экономическомъ положеніи процентъ былъ высокъ и крайне обременителенъ для плательщиковъ. Послѣдніе вооружались противъ самаго права процентовъ, требовали то опредѣленія законодательствомъ размѣра послѣднихъ, то уничтоженія старыхъ долговъ. Но именно такія требованія еще ухудшали положеніе дѣлъ; должники становились жертвами тѣхъ самыхъ законодательныхъ постановленій, которыхъ они требовали и которыя дѣйствительно предпринимались для ихъ пользы. Постановленія эти увеличивали рискъ ссуды, увеличивали страховую премію и слѣдовательно размѣры процентовъ.

Извѣстна зависимость человѣческаго мышленія отъ экономическихъ условій; по замѣчанію одного изъ мыслителей, если

---

[1]) Cours d'économie politique, tome 1, p. 823 и слѣд.

бы человѣчеству былъ интересъ въ спорности математическихъ аксіомъ, то эти аксіомы были бы дѣйствительно спорными. Каждый мыслящій человѣкъ, при всемъ искреннемъ безпристрастіи, невольно подчиняется условіямъ даннаго экономическаго быта, считаетъ истиннымъ или ложнымъ то, что выгодно или вредно ему или большей части общества въ данное время и въ данной мѣстности. Подъ вліяніемъ экономическихъ условій, монополизировавшихъ положеніе капиталистовъ и сдѣлавшихъ дѣйствительно обременительными условія платежа процентовъ для большей части населенія, и возникла доктрина Аристотеля и его послѣдователей, отрицающая естественность и правомѣрность процентовъ.

Въ средніе вѣка экономическое положеніе въ этомъ отношеніи еще ухудшилось. Евреи, считавшіеся проклятымъ народомъ, въ это время могли владѣть только движимымъ имуществомъ и единственнымъ средствомъ къ существованію для нихъ было ростовщичество. Христіане подъ вліяніемъ разнообразныхъ каноническихъ постановленій воздерживались отъ этого промысла. Такимъ образомъ денежный рынокъ сосредоточился въ рукахъ Евреевъ. Какъ замѣтилъ Молинари, это была монополія, которую предоставила Евреямъ католическая церковь, сама того не желая. Процентъ, какъ монопольный доходъ, былъ обременителенъ; масса плательщиковъ вооружалась противъ права процентовъ, требовала законодательныхъ постановленій, направленныхъ противъ ростовщиковъ. Народъ весьма часто прибѣгалъ къ самостоятельной расправѣ съ своими экономическими врагами, грабилъ и убивалъ ихъ, но чрезъ все это положеніе гонителей еще болѣе ухудшалось, преслѣдуемые обогащались, благодаря этимъ преслѣдованіямъ. Благодаря предубѣжденію противъ процентовъ, народъ находился въ экономическомъ cercle vicieux, изъ котораго не предвидѣлось выхода. Выходъ могъ сдѣлаться возможнымъ только послѣ разрушенія источника этого экономическаго круга и вотъ вмѣстѣ съ реформаціей впервые предубѣжденіе противъ процентовъ начинаетъ разсѣеваться.

Такъ какъ въ основаніи этого предубѣжденія лежала мысль Аристотеля о безплодности денегъ, то необходимо было обра-

титься къ критическому разбору этой мысли, что и сдѣлалъ Кальвинъ. Говорятъ, что деньги не производятъ новыхъ денегъ, разсуждалъ онъ, [1]) но море и домъ также не рождаютъ ихъ, а между тѣмъ за пользованіе домомъ получается наемная плата и получаетъ доходъ торговецъ, перевозящій по морю товары. Если домъ производитъ наемную плату, то раждаются ли деньги отъ крышъ или стѣнъ? Нѣтъ; земля производитъ, море носитъ корабли и за деньги можно пріобрѣсть домъ. Когда за деньги пріобрѣтаютъ землю, капиталъ этотъ не приноситъ ли ежегоднаго дохода? Гдѣ же источникъ дохода пріобрѣтателя? Вы отвѣтите, что въ его дѣятельности. Но никто не сомнѣвается, что деньги лежащіе безъ употребленія безплодны. Доходъ получается не отъ самыхъ денегъ, но отъ того употребленія, которое изъ нихъ дѣлаютъ.

Такимъ образомъ основная мысль Кальвина состоитъ въ томъ, что производительность денегъ заключается въ ихъ употребленіи, хотя сами по себѣ они производительностью не обладаютъ. Необходимо согласиться, что эта мысль вполнѣ вѣрна, но только относительно денегъ, а не капитала въ собственномъ смыслѣ этого слова. Деньги—факторъ распредѣленія, а не производства, ихъ экономическое значеніе состоитъ въ распредѣленіи уже произведеннаго; они могутъ быть названы только номинальнымъ капиталомъ. Земля пріобрѣтается за деньги; доходъ отъ этого пріобрѣтенія не есть доходъ отъ денегъ, но отъ факторовъ дѣйствующихъ въ земледѣліи. Посредствомъ денегъ пріобрѣтаются дѣйствительные факторы производства. Естественность и правомѣрность процента отъ денегъ основывается именно на этомъ ихъ номинальномъ характерѣ. Мысль эта можетъ быть уяснена слѣдующими словами І. Бентама. Возражая Аристотелю, Бентамъ говоритъ: Аристотель, этотъ великій философъ, при всей своей проницательности и великомъ талантѣ, не могъ открыть ни въ одной монетѣ никакого органа, который бы

---

[1]) Л. Фоше, Dictionnaire de l'écon pol. cm. intéret.

свидѣтельствовалъ о способности денегъ къ воспроизводству, не смотря на громадное количество монетъ, перешедшихъ черезъ его руки, и не смотря на то, что вопросъ о воспроизводствѣ (la question de la génération) составлялъ его спеціальность. Убѣжденный такими доводами, онъ результатъ своихъ изслѣдованій высказалъ міру въ слѣдующемъ универсальномъ положеніи: деньги по самой природѣ своей безплодны. И мы также не сомнѣваемся въ томъ, что дарика также не способна родить другую, какъ не способна родить барана или овцу, но человѣкъ, получившій ее взаймы, можетъ купить за нее барана и двухъ овецъ, способныхъ къ воспроизведенію и которые въ концѣ года могутъ дать приплодъ въ видѣ двухъ или трехъ ягнятъ Если при наступленіи срока возврата долга онъ продастъ барана и двухъ овецъ для пріобрѣтенія вновь дарики, возвратитъ ее заимодавцу, которому сверхъ того дастъ процентъ въ видѣ одного ягненка или его эквивалента, то онъ все-таки будетъ богаче, нежели въ то время, если бы не дѣлалъ займа [1])

Относительно денежнаго процента взглядъ Кальвина, развитый Бентамомъ, вполнѣ вѣренъ, но перенесеніе этой точки зрѣнія на дѣйствительные капиталы приводитъ къ большимъ заблужденіямъ. Примѣненіе точки зрѣнія Кальвина къ дѣйствительнымъ капиталамъ, вмѣсто санкціи прибыли, разрушаетъ ея естественность и правомѣрность, ведетъ къ доктринѣ экономической непроизводительности капитала. Именно такой кальвинизмъ, раздѣляемый многими изъ экономистовъ до настоящаго времени, и послужилъ основаніемъ всѣхъ возраженій противъ естественности и правомѣрности прибыли съ капитала.

Кальвинизмъ этотъ наиболѣе послѣдовательно развитъ у Рикардо и его учениковъ и развитъ по требованію ихъ общей теоріи цѣнности, какъ овеществленнаго труда. Если цѣнность есть овеществленный трудъ, то капиталъ входитъ въ составъ цѣнности въ той мѣрѣ, въ какой онъ представляетъ собою накопленный трудъ, изъ чего слѣдуетъ, что всякій капиталъ только вос-

---

[1]) Defence de l'usure. 1828 г. стр. 125—127.

производится въ цѣнности новаго продукта, не образуя въ немъ никакой добавочной цѣнности, которая послужила бы основаніемъ для капиталистической прибыли. Положимъ, извѣстный продуктъ произведенъ двумя днями „живаго труда", какъ обыкновенно выражаются ученики Рикардо, и кромѣ того капиталомъ, на производство котораго затрачено три дня; въ такомъ случаѣ цѣнность продукта будетъ состоять изъ двухъ слагаемыхъ: двухъ дней живаго труда и трехъ дней труда прошедшаго. Капиталъ здѣсь только перешелъ въ стоимость новаго продукта, не образуя никакого новаго элемента; если три дня прошедшаго труда или капиталъ равны 10 рублямъ, то въ цѣнность новаго продукта переносятся только эти 10 рублей. Если же капиталъ только воспроизводится, не образуя въ цѣнности продукта никакого новаго элемента, то гдѣ источникъ прибыли? Прибыль не образуется капиталомъ, такъ какъ послѣдній только воспроизводится въ цѣнности, а такъ какъ природа также считается экономически непроизводительнымъ факторомъ, то дѣлаютъ вполнѣ логическое заключеніе, что прибыль есть вычетъ изъ добавочной цѣнности, получаемой въ результатѣ производства, единственнымъ источникомъ которой—живой трудъ. Если продуктъ произведенъ посредствомъ двухъ дней живаго труда и трехъ прошедшаго, въ такомъ случаѣ цѣнность продукта будетъ пять дней. Дороже за этотъ продуктъ, говорятъ намъ, при обыкновенномъ положеніи дѣлъ, то есть при отсутствіи монополіи, никто не дастъ; для капиталиста, слѣдовательно, нѣтъ естественнаго источника прибыли на его капиталъ; онъ выручаетъ послѣ продажи продукта только цѣнность своего капитала. Но положимъ, что этотъ капиталистъ покупаетъ два дня труда работника продуктомъ, стоющимъ всего одинъ день; въ такомъ случаѣ послѣ продажи произведеннаго продукта за цѣнность равную пяти днямъ, капиталистъ имѣетъ прибыли одинъ день; три дня составляютъ воспроизведенный капиталъ; одинъ день въ видѣ продукта отданъ представителю живаго труда, составляя его заработную плату, и одинъ день—чистая прибыль капиталиста. Ясно, что по этому ученію прибыль есть ни что иное, какъ неоплаченный трудъ. Прибыль получается не отъ производительной дѣятельности капитала, производитель-

ность котораго отрицается, но, говоря словами Кальвина, отъ употребленія капитала трудомъ человѣка; по природѣ своей капиталъ безплоденъ, какъ и деньги.

Кальвинизмъ этотъ положенъ въ основанія всѣхъ ученій о цѣнности, какъ овеществленномъ трудѣ производства продукта. Рикардо, какъ мы видѣли въ изложеніи его ученія о цѣнности, ясно говоритъ, что цѣнность капитала только переносится на цѣнность продукта, слѣдовательно никакой добавочной цѣнности имъ не производится. Послѣ Рикардо доктрина эта наиболѣе послѣдовательно развита Д. С. Миллемъ, хотя и въ его ученіи всякому очевидны противорѣчія. Онъ считаетъ производительными факторами только трудъ и природу, хотя экономическая производительность послѣдней въ его ученіи о цѣнности прямо отрицается. „Мы часто говоримъ о производительныхъ силахъ капитала, говоритъ онъ, но это выраженіе не совершенно правильно. Производительны только трудъ и природа, и если, разширяя смыслъ выраженія, можно сказать о какой нибудь части капитала, что она имѣетъ производительную силу, то сказать это можно только объ инструментахъ и машинахъ; они, подобно вѣтру и водѣ, принимаютъ участіе въ трудѣ.“ (Основ. гл. V). Мы видимъ, что и эту уступку производительности капитала Миллъ дѣлаетъ съ оговоркой: разширяя смыслъ выраженія производительность. Но въ дальнѣйшихъ частяхъ своихъ основаній политической экономіи онъ уничтожаетъ и эту уступку, сдѣланную имъ очевидной дѣйствительности, подобно тому, какъ уничтожаетъ и только что высказанную мысль объ экономической производительности природы, производительность которой онъ считалъ такою же, какъ и производительность труда. Онъ принимаетъ теорію цѣнности Рикардо, которая необходимо требуетъ отрицанія экономической производительности и капитала и силъ природы, и дѣйствительно, подобно ученію Рикардо, въ этомъ случаѣ у него является трудъ человѣка единственнымъ источникомъ экономическаго производства. Въ своемъ ученіи о происхожденіи прибыли Миллъ ясно говоритъ, что прибыль есть ни что иное, какъ неоплаченный трудъ. „Причина прибыли, говоритъ онъ, состоитъ въ томъ, что *трудъ* производитъ больше,

чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, когда растетъ пища. Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возмется кормить работниковъ на условіи получить продуктъ, то, кромѣ возвращенія своей затраты, онъ получитъ еще нѣсколько лишняго. Иными словами теорема выразится такъ: капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія живутъ больше времени, какое нужно было для производства ихъ, такъ что если капиталистъ снабжаетъ партію работниковъ этими вещами съ условіемъ получить все, что они производятъ, то они, за воспроизведеніемъ потребляемыхъ ими предметовъ необходимости и орудій, будутъ имѣть въ остаткѣ часть своего времени для работы въ выгоду капиталиста. Прибыль возникаетъ, какъ мы видимъ, не отъ посторонняго обстоятельства, не отъ обмѣна, а отъ *производительной силы труда*, и общая прибыль страны всегда бываетъ **соразмѣрна** производительной силѣ труда, все равно, хотя бы и **не происходило** никакого обмѣна. Если работники страны всѣ **вмѣстѣ** производятъ на 20% больше своей заработной платы, то прибыль будетъ 20%, каковы бы ни были цѣны. Прибыль зависитъ отъ двухъ обстоятельствъ: 1) отъ величины продукта, иначе сказать отъ производительной силы труда, и 2) отъ того, какую часть этого продукта получаютъ сами работники" (477—478). Милль выражается такъ ясно, что не можетъ быть никакого спора относительно его воззрѣнія. По его ученію, прибыль есть разница между тѣмъ, что производитъ живой трудъ и тѣмъ, что достается ему за свою работу отъ капиталиста. Прибыль является доходомъ противоестественнымъ, является какимъ-то экономическимъ грабежемъ. Приходится или утверждать, что le salariat est la dernière transformation de la servitude (Шатобріанъ), или санкціонировать несправедливость. Одинъ изъ нашихъ писателей избралъ послѣднее, видя всю несостоятельность перваго. „Процентъ, говоритъ Роберти, [1]) есть

---

[1]) Политико-экономическіе этюды, стр. 74.

чужая, не оплаченная работа, присвояемая себѣ капиталистомъ по праву экономически сильнаго. Такой процентъ есть необходимое условіе производства. Когда въ наукѣ говорятъ о необходимости, вопросъ о справедливости вовсе устраняется. Все, что существуетъ, то и разумно, гласитъ метафизическое изреченіе Гегеля; вѣрнѣе было бы сказать: все, что необходимо, то и справедливо". Такимъ образомъ, по мнѣнію нашего экономиста, экономическій грабежъ, будучи необходимъ, является и справедливымъ. Вотъ къ какому странному результату приводитъ преувеличеніе участія труда въ производствѣ. Вѣрная относительно денегъ мысль Кальвина въ приложеніи къ дѣйствительному капиталу приводитъ къ отрицанію его производительности или къ санкціонированію экономическаго грабежа. Источникъ денежной прибыли дѣйствительно не въ деньгахъ, но въ томъ капиталѣ, который можетъ быть пріобрѣтенъ посредствомъ денегъ, но можно ли что либо подобное утверждать относительно самаго капитала? Дѣйствительно ли капиталъ по природѣ своей безплоденъ, не производитъ никакой добавочной цѣнности, признаніе чего требуется понятіемъ о цѣнности, какъ овеществленномъ трудѣ?

Намъ кажется странною самая мысль доказывать производительность капитала; нужно слѣпое пристрастіе къ предвзятымъ теоріямъ, чтобы закрывать глаза предъ дѣйствительностью, отрицать производительное значеніе такой великой силы, какова сила капитала, благодаря которому человѣческій міръ получилъ возможность такого развитія, какого мы не видимъ въ другихъ сферахъ жизни. Капиталъ служитъ съ одной стороны къ поддержанію и усиленію производительности труда, а съ другой къ поддержанію и усиленію производительной дѣятельности природы. Примѣромъ перваго могутъ служить орудія, какъ механизмы, приводимые въ движеніе человѣкомъ и часто замѣняющіе его члены. Животное роетъ землю непосредственно своими членами, человѣкъ передалъ эту дѣятельность заступу и такимъ образомъ увеличилъ силу ноги своей. Животное ловитъ добычу непосредственно своими членами, человѣкъ изобрѣлъ для этого лукъ, ружье и другія орудія, безконечно увеличивающія его силу сравнительно съ силами животныхъ. Всѣ подобнаго рода капи-

талы служатъ къ увеличенію и поддержанію продуктивности трудоваго организма На оборотъ машины, какъ механизмы, въ которыхъ главная дѣйствующая сила не человѣкъ, но силы природы, на примѣръ вода, вѣтеръ, паръ, служатъ однимъ изъ могущественнѣйшихъ средствъ увеличенія служебности человѣку силъ природы, какъ фактора производства. Человѣкъ извѣстнымъ образомъ комбинируетъ эти силы, подчиняетъ ихъ своей власти, увеличиваетъ надъ ними свое господство, увеличивая тѣмъ самымъ служебность ихъ своимъ цѣлямъ. Вообще говоря, капиталъ служитъ посредникомъ между человѣкомъ и природою, сближаетъ эти два фактора производства, увеличиваетъ и силы человѣка и служебность силъ природы, вслѣдствіе чего долженъ быть признанъ важнѣйшимъ условіемъ производства. Безъ капитала человѣкъ былъ бы рабомъ природы, каковымъ мы и находимъ его на низшихъ ступеняхъ развитія. Капиталъ—это знаніе человѣка, принявшее вещественную форму, которая разрушаясь воспроизводится и увеличивается, передается отъ одного поколѣнія другому, представляя собою постоянно увеличивающійся фондъ общественнаго благосостоянія. Только крайнее доктринерство могло породить странную теорію, отрицающую производительность такой важной во всѣхъ отношеніяхъ силы. Если по требованіямъ теоріи цѣнности, какъ овеществленнаго труда, необходимо было признать капиталъ непроизводительнымъ, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что капиталъ дѣйствительно непроизводительная сила. Изъ этого слѣдуетъ одно, что такая теорія цѣнности должно быть признана неудовлетворительною, такъ какъ для признанія ея истинности необходимо извращеніе очевидныхъ фактовъ. Какъ видимъ, экономическая наука, благодаря теоріи цѣнности какъ овеществленнаго труда, вступила на тотъ путь, по которому, вмѣсто уясненія существующихъ явленій, ей приходится игнорировать ими и грабежъ санкціонировать именемъ справедливости.

Несостоятельность ученія о прибыли, какъ не оплаченномъ трудѣ, прекрасно уяснена Р о ш е р о м ъ въ его основаніяхъ народной экономіи. Правомѣрность процента, говоритъ онъ, основывается съ одной стороны на производительности капитала и съ другой на лишеніи, происходящемъ вслѣдствіе неиспользованія сво-

ею собственностью. Если охотникъ невооруженными руками пріобрѣтаетъ каждый день по фунту мяса, а съ ружьемъ по 100 фунтовъ, то неужели не правомѣренъ доходъ собственника, снабдившаго ружьемъ охотника, безъ чего доходъ послѣдняго не увеличился бы? (§ 189). Неужели возможно въ подобныхъ случаяхъ, не извращая фактовъ, говорить объ экономическомъ грабежѣ, о неоплаченномъ трудѣ потому только, что этого требуетъ теорія цѣнности, какъ овеществленнаго труда?

Намъ остается уяснить, какимъ образомъ капиталъ входитъ въ составъ цѣнности. Рѣшеніе этого вопроса вытекаетъ изъ самаго понятія о капиталѣ. Такъ какъ всякій капиталъ имѣетъ смѣшанный характеръ, то онъ подчиняется тѣмъ же законамъ цѣнности, какъ хозяйственныя силы природы и трудъ. Разнокачественность капитала, какъ слѣдствіе разнокачественности силъ природы и труда, вызываетъ необходимость взаимности въ его утилизаціи, по которой въ основаніи мѣновыхъ пропорцій должно быть общественно-необходимое время производства, какъ условіе осуществленія въ мѣновыхъ сдѣлкахъ взаимности интересовъ и сохраненія хозяйственныхъ силъ каждой изъ мѣняющихся сторонъ. Въ составъ этого времени должно входить время, необходимое для производства капитала, и время дѣйствія въ производствѣ самаго капитала. Цѣнность продукта должна слагаться изъ того и другаго времени по той причинѣ, что время затрачиваемое на производство капитала, какъ предварительнаго условія для производства продукта, должно быть разсматриваемо какъ необходимое для производства этого продукта. Если капиталъ служитъ только къ производству одного продукта, то это, по выраженію экономистовъ, предварительно накопленное время переходитъ всецѣло въ цѣнность новаго продукта; если въ капиталъ овеществлено десять дней и капиталъ этотъ работаетъ пять дней, то полученный продуктъ будетъ имѣть цѣнность 15 дней. Всякій продуктъ, произведенный при такихъ же условіяхъ, будетъ имѣть такую же цѣнность, потому что обмѣнъ равноцѣнностей, какъ условіе взаимности мѣновыхъ интересовъ, при отсутствіи монополіи можетъ быть осуществленъ въ мѣновой сдѣлкѣ только въ этомъ видѣ обмѣна; всякая иная сдѣлка возможна только при

монополизированномъ положеніи одной изъ мѣняющихся сторонъ и представляетъ собою или временное, частное и мѣстное нарушеніе естественнаго закона обмѣна, или переходную ступень въ его историческомъ ростѣ. Наконецъ, если капиталъ служитъ не одной, а нѣсколькимъ продукціямъ, въ такомъ случаѣ общественно—необходимое время затраченное на его производство, какъ и время его дѣйствія, распредѣляется въ цѣнности всѣхъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ капиталъ этотъ принимаетъ участіе.

Мы говорили отдѣльно о цѣнности силъ и продуктовъ природы, труда и капитала, но въ дѣйствительности нѣтъ возможности съ точностью опредѣлить, что произведено однимъ изъ этихъ факторовъ и что другимъ, подобно соотвѣтствующей невозможности въ математическомъ произведеніи. Мѣновыя пропорціи регулируются вообще общественно-необходимымъ хозяйственнымъ временемъ, представляющимъ собою тотъ естественный экономическій центръ, къ которому постоянно тяготѣютъ цѣнности, которому безсознательно подчиняются мѣняющіяся стороны и случаи неподчиненія которому равноспильны растратѣ *хозяйственныхъ* силъ. Такимъ образомъ цѣнность обмѣна регулируется цѣнностью производства. О разногласіи между цѣнностью мѣновою и цѣнностью производственною не должно быть и рѣчи; съ экономическимъ развитіемъ между ними является полное примиреніе. Если законъ мѣновой цѣнности является формулой экономическаго прогресса, то законъ производственной цѣнности—время производства—является закономъ сохраненія хозяйственныхъ силъ въ каждомъ хозяйствѣ, безъ чего экономическій прогрессъ не мыслимъ. Центръ тяготѣнія мѣновыхъ пропорцій, котораго такъ тщетно искалъ А. Смитъ въ заработной платѣ, прибыли и рентѣ, заключается въ необходимомъ для проявленія производительныхъ силъ времени. Это естественный законъ цѣнности, нарушеніе котораго при обыкновенномъ положеніи дѣлъ можетъ быть только временное. Когда является оно постояннымъ, задача общественной власти прійдти на помощь къ слабой сторонѣ, на счетъ кото-

рой живетъ болѣе сильная. Мысль эта уже давно осознана относительно международнаго обмѣна; надѣемся, что она будетъ осознана и относительно внутренняго обмѣна. Съ другой стороны самый законъ естественной или лучше производственной цѣнности въ своемъ осуществленіи можетъ сопровождаться неблагопріятными послѣдствіями для хозяйствъ неразвитыхъ, вслѣдствіе своей неразвитости не могущихъ стать на уровнѣ требованій усовершенствованной техники производства. Положимъ, общественно-необходимое время производства продукта А, при усовершенствованной техникѣ, равняется 10 днямъ, но тотъ или иной отдѣльный хозяинъ затрачиваетъ въ этомъ продуктѣ не 10, а 15 дней; въ мѣновой цѣнности своего продукта онъ будетъ выручать не индивидуальныя, но общественно-необходимыя затраты, слѣдовательно не будетъ выручать цѣлыхъ 5 дней, хозяйство его должно пасть, изъ самостоятельнаго производителя онъ долженъ сдѣлаться работникомъ у болѣе развитаго хозяина. Подъ вліяніемъ этой причины у насъ падаетъ не одна кустарная промышленность, падаетъ вообще ручной трудъ. Въ губерніяхъ привислянскаго края крестьянская холщевая производительность уменьшилась впродолженіи послѣднихъ 25 лѣтъ на 2½ мил. аршинъ въ годъ, не смотря на то, что общая годовая потребность холстовъ и полотенъ для мѣстнаго населенія простирается до 39 мил. аршинъ, а существующее производство даетъ всего 17,321,920 аршинъ, то есть ежегодный недостатокъ составляетъ до 21,678,000 аршинъ. Крестьянское производство не можетъ стать на уровнѣ болѣе развитаго фабричнаго производства, не выдерживаетъ „конкурренціи мѣстной Жирардовской фабрики, дѣятельность которой съ каждымъ годомъ разширяется,—сверхъ того, уходъ за льномъ, особенно обработка его и потомъ самое тканье, требуютъ тщательнаго труда, тогда какъ здѣшній крестьянинъ не привыченъ къ продолжительной усидчивой работѣ". [1]) Вотъ почему протекціонизмъ,—какъ внѣшній, такъ и внутренній,—имѣетъ вполнѣ

[1]) Статистическое описаніе Цар. Польскаго по отраслямъ промышленности имѣющимъ значеніе для инденданскаго вѣдомства. стр. 89—90.

разумное основаніе, но только онъ долженъ состоять не въ ограниченіи условій прогресса, не исключительно въ ограниченіи сбыта продуктовъ болѣе развитыхъ производителей, что практикуется относительно между-народнаго обмѣна, но въ поднятіи производительности менѣе развитыхъ посредствомъ народнаго образованія, кредита и тому подобныхъ средствъ, о которыхъ мы не имѣемъ возможности говорить въ нашемъ общемъ очеркѣ. Не подводя экономическихъ законовъ къ одному знаменателю съ законами физическими, наука не игнорируетъ случаями нарушенія открываемыхъ ею законовъ, но въ тоже время и не возводитъ въ принципъ этихъ случаевъ. Въ развитомъ хозяйствѣ такихъ случаевъ все меньше и меньше, но полное ихъ устраненіе не мыслимо. Даже болѣе; въ такихъ хозяйствахъ *колебанія* въ мѣновой цѣнности, сопровождающіяся *временными* отступленіями отъ цѣнности производства, представляютъ собою неизбѣжное условіе развитія. По закону спроса и предложенія, каждый стремится къ достиженію лучшихъ результатовъ съ возможно меньшими пожертвованіями, каждый стремится къ удешевленію производства, къ его усовершенствованію. Частное усовершенствованіе, прежде нежели сдѣлается общедоступнымъ и общественно-необходимымъ, даетъ тому или иному отдѣльному производителю доходъ не пропорціональный затратамъ. На оборотъ, когда это усовершенствованіе сдѣлается общественно-необходимымъ для производства, тѣ или иныя частныя лица могутъ не успѣть поднять свои хозяйственныя силы до уровня требуемыхъ обществомъ условій и такимъ образомъ могутъ не выручать въ мѣновой цѣнности продуктовъ сдѣланныхъ затратъ, могутъ нести убытокъ, какъ бы экономическое наказаніе за ихъ отсталость. Подобныя колебанія въ мѣновой цѣнности необходимы, такъ какъ безъ нихъ не мыслимо экономическое движеніе. Не даромъ говорятъ, что разнообразіе есть источникъ жизни; гдѣ нѣтъ разнообразія, тамъ нѣтъ и жизни; въ безжизненной песчаной пустынѣ каждая отдѣльная часть есть какъ бы повтореніе другой. Вѣчное однообразіе доходовъ, вѣчное равенство мѣновой цѣнности цѣнности производственной, это отрицаніе экономическаго разнообразія представляло бы собою превращеніе экономическаго общежитія въ безжизнен-

ную песчаную пустыню. Неравенство прибылей, какъ причина экономическаго разнообразія и жизни, необходимое условіе экономическаго прогресса. Но очевидно, что разъ произведенное нарушеніе соотвѣтствія цѣнности мѣновй цѣнности производственной не можетъ быть продолжительнымъ, такъ какъ это равносильно былобы растратѣ хозяйственныхъ силъ одной изъ мѣняющихся сторонъ, было бы отрицаніемъ мѣновой взаимности и, слѣдовательно, самаго закона спроса и предложенія, какъ закона экономическаго развитія. Въ экономической литературѣ до настоящаго времени идетъ споръ о томъ, составляетъ ли однообразіе уровня прибыли общее правило, а разнообразіе-исключеніе, или на оборотъ. Мы думаемъ, что каждая изъ спорящихъ сторонъ права, но только односторонне, каждая изъ нихъ видитъ одну сторону медали, не видя другой. Экономисты, считающіе разнообразіе прибылей общимъ правиломъ, а однообразіе исключеніемъ, смотрятъ на экономическія явленія съ точки зрѣнія закона экономическаго движенія спроса и предложенія; ихъ противники — смотрятъ съ точки зрѣнія статики производства. Въ дѣйствительности съ экономическимъ развитіемъ появляется органическая связь между закономъ обмѣна и закономъ производства, по которой становится необходимымъ осуществленіе требованій каждаго изъ нихъ. Колебанія въ уровнѣ прибылей неизбѣжное условіе развитія, но въ свою очередь развитіе не мыслимо безъ существованія общаго уровня, какъ закона сохраненія хозяйственныхъ силъ каждой изъ мѣняющихся сторонъ. Противорѣчіе здѣсь только кажущееся; колебанія въ уровнѣ прибылей происходятъ вокругъ общаго или средняго уровня, какъ того центра, въ которомъ мѣновая цѣнность вполнѣ совпадаетъ съ цѣнностью производства. „Море всегда стремится къ уровню, по замѣчанію Милля, но никогда не бываетъ съ точностью въ уровнѣ; поверхность его постоянно колеблется волнами и часто возмущается бурями. Довольно того, что покрайней мѣрѣ нѣтъ на открытомъ морѣ ни одной точки, которая постоянно была бы выше другой. Каждый пунктъ моря поочередно поднимается и падаетъ, но океанъ сохраняетъ свой уровень“.

ГЛАВА VIII.

Въ предъидущихъ главахъ мы старались уяснить, что законъ потребленія—легкость и полнота въ удовлетвореніи потребностей—требуетъ двойственнаго движенія цѣнности, которое осуществляется посредствомъ закона обмѣна—спросомъ и предложеніемъ. Мы видѣли, далѣе, что колебанія мѣновой цѣнности, опредѣляемой спросомъ и предложеніемъ, какъ формулой экономическаго движенія, имѣютъ естественный центръ, къ которому они постоянно тяготѣютъ, центръ этотъ—законъ производственной цѣнности—общественно необходимое время производства. Теперь намъ слѣдуетъ уяснить, на сколько законъ производственной цѣнности дѣлаетъ возможнымъ осуществленіе цѣнности мѣновой и потребительной, что дастъ намъ возможность точно формулировать то общественно-хозяйственное понятіе о цѣнности, въ которомъ объединяются и примиряются частно-хозяйственныя понятія.

Мы видѣли, что примиреніе мѣновой цѣнности съ потребительною возможно только тогда, когда мѣновая цѣнность приводитъ къ легкости и полнотѣ въ удовлетвореніи потребностей, откуда происходитъ ея двойственное движеніе.

На низшихъ ступеняхъ экономическаго общежитія капиталъ всегда дорогъ, проценты за пользованіе имъ обременительны для плательщиковъ; на оборотъ, съ экономическимъ развитіемъ капиталы дешевѣютъ, уменьшается и плата за пользованіе ими. Капиталистическая прибыль, какъ замѣтилъ уже А. Смитъ, [1]) незначительна въ богатыхъ странахъ и нигдѣ такъ не велика, какъ въ странахъ, богатство которыхъ падаетъ. Изъ этого факта Смитъ дѣлаетъ заключеніе, что интересы капиталистовъ прямо противоположны общественному интересу, что капиталисты своимъ собственнымъ интересомъ заинтересованы въ разстройствѣ

[1]) Recherches, т. 1. стр. 204 и слѣд.

экономическаго состоянія обществъ, потому что только въ это время капиталы дороги и высока прибыль. Утверждая это А. Смитъ не обращаетъ вниманія на тотъ фактъ, что вмѣстѣ съ уменьшеніемъ цѣнности единицы капиталистическаго продукта увеличивается общая цѣнность капиталовъ. Увеличеніе потребленія—это необходимый спутникъ увеличенія экономическаго благосостоянія; увеличеніе же потребленія необходимо сопровождается увеличеніемъ употребленія въ дѣло факторовъ производства, въ данномъ случаѣ увеличеніемъ оборотовъ капитала. На низшихъ ступеняхъ развитія данный капиталъ обращается въ годъ одинъ разъ и приноситъ прибыль 20%; съ увеличеніемъ благосостоянія массъ этотъ капиталъ обращается ежедневно, принося 1%, но за то въ годъ капиталъ этотъ приноситъ не 20%, а 365%. Въ торговлѣ это общеизвѣстная истина, осознанная еще Бакономъ, замѣтившимъ, что малыя прибыли приходятъ часто, между тѣмъ какъ большія попадаются рѣдко. „Когда сдѣлки не многочисленны и ничтожны, говоритъ по поводу этого Макклеодъ, то и цѣны и прибыль, въ нихъ заключающіяся, должны быть высоки, и на оборотъ, учащеніе сдѣлокъ и увеличеніе ихъ объема ведутъ къ пониженію цѣнъ. Вмѣсто алчности, стремившейся въ прежнія времена выручить возможно большій барышъ отъ каждой сдѣлки, опытъ новѣйшаго времени убѣдилъ, что истинная аксіома торговли это:—*малые барыши при частомъ оборотѣ капитала.*“ [1]) А. Смитъ не правъ, говоря о противоположности интересовъ капиталистовъ и общества. Интересы какъ капиталистовъ, такъ и всего общества, членами котораго первые состоятъ, требуетъ легкости и полноты удовлетворенія потребностей, что и достигается увеличеніемъ общей (абстрактной) цѣнности доходовъ каждаго, при уменьшеніи цѣнности каждаго продукта въ отдѣльности. Такое двойственное движеніе цѣнности возможно не иначе, какъ при соотвѣтствующемъ двойственномъ движеніи общественно-необходимаго времени производства. Легкость и общедоступность въ удовлетвореніи потребностей воз-

[1]) Основанія полит. экономіи, гл. 11.63.

можна только при уменьшеніи общественно необходимаго времени производства продуктовъ, что ведетъ къ уменьшенію цѣнности каждой единицы ихъ. На оборотъ, полнота удовлетворенія потребностей каждаго возможна только при общемъ увеличеніи доходовъ, что возможно не иначе, какъ при общемъ учащеніи оборотовъ, учащеніи производства, то есть при *общемъ* увеличеніи времени производства и цѣнности. На низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія продуктъ А можетъ быть произведенъ не иначе, какъ шестимѣсячнымъ общественно необходимымъ временемъ; съ техническимъ усовершенствованіемъ производства этотъ продуктъ можетъ быть произведенъ въ теченіи одного мѣсяца. Въ первомъ случаѣ продуктъ дорогъ, потребленіе ничтожно, производитель ограничивается только однимъ оборотомъ капитала, вслѣдствіе чего доходъ его получается только отъ одной сдѣлки; во второмъ случаѣ, хотя каждый продуктъ въ шесть разъ дешевле сравнительно съ прежнимъ временемъ, но увеличивается сбытъ и потребленіе, вслѣдствіе чего онъ можетъ капиталъ оборотить 12 разъ въ продолженіи года. Такимъ образомъ, хотя каждый продуктъ въ отдѣльности уменьшился въ своей цѣнности въ шесть разъ, но общій доходъ производителя увеличился въ два раза, такъ какъ въ его общемъ доходѣ заключено вдвое болѣе общественно-необходимаго времени производства.

Съ экономическимъ развитіемъ увеличивается количество капиталовъ, такъ какъ каждый капиталъ производится несравненно легче; первый лукъ, какъ замѣтилъ Кэри, былъ причиною уменьшенія своей собственной цѣнности, такъ какъ посредствомъ этого лука новый могъ быть пріобрѣтенъ съ меньшими пожертвованіями. Увеличеніе легкости пріобрѣтенія капитала представляетъ собою причину уменьшенія его цѣнности и платы за пользованіе имъ, но увеличеніе общаго количества капиталовъ равносильно учащенію оборотовъ каждаго капитала, вслѣдствіе чего каждый капиталистъ отъ уменьшенія цѣнности единицы его капитала не только ничего не теряетъ, какъ утверждаетъ А. Смитъ, но своимъ собственнымъ интересомъ заинтересованъ въ этомъ уменьшеніи, сопровождающемся общимъ увеличеніемъ цѣнности его дохода. Для него выгоднѣе доходъ съ 10 единицъ

капитала въ 5%, нежели доходъ въ 10% съ одной единицы. Если въ прежнее время данный капиталъ могъ быть произведенъ въ 10 дней, какимъ временемъ и опредѣлялась его цѣнность; если въ настоящее время этотъ капиталъ пріобрѣтается однимъ днемъ производства, вслѣдствіе чего производитель имѣетъ 10 такихъ капиталовъ, которыми и пользуется ежедневно, то относительное паденіе цѣнности каждой единицы капитала равносильно увеличенію общей цѣнности дохода капиталиста. Въ десять дней дѣятельности удешевленнаго капитала онъ производитъ то, для чего прежде требовалось сто дней.

Удешевленіе продуктовъ обрабатывающихъ отраслей промышленности—это фактъ признанный большинствомъ экономистовъ, идетъ споръ только о динамическомъ законѣ цѣнности продуктовъ отъ земли. По мнѣнію экономистовъ и агрономовъ, возрастаніе продукта отъ земли подчинено закономъ отличнымъ отъ законовъ возрастанія продукта въ другихъ отрасляхъ промышленности. Въ обрабатывающихъ отрасляхъ промышленности увеличеніе труда сопровождается пропорціональнымъ увеличеніемъ продукта, между тѣмъ какъ въ приложеніи къ земледѣльческой промышленности увеличенный трудъ не даетъ такого пропорціональнаго увеличенія. „Лишь только земледѣліе достигаетъ извѣстной не очень высокой степени развитія, лишь только люди начинаютъ заниматься воздѣлываніемъ земли съ нѣкоторою энергіею, лишь только явились у нихъ порядочныя орудія, земледѣльческое производство подчиняется дѣйствію закона, что, при данномъ положеніи земледѣльческаго искуства и знанія, увеличеніе труда не даетъ пропорціональнаго увеличенія въ продуктѣ, удвоеніе труда не удвоиваетъ продукта, или, выражая тоже самое иными словами, каждое возрастаніе продукта получается болѣе, чѣмъ пропорціональнымъ возрастаніемъ въ приложеніи труда къ землѣ.“ [1]) Тюненъ вычисляетъ, что нанесеніе навоза толщиной на $^1/_2$ дюйма увеличиваетъ плодородіе земли на $^1/_2$ зерна, но дальнѣйшее увеличеніе навоза не сопровождается пропорціональ-

[1]) Миллъ Основанія пол. экономіи, т. 1 стр. 222

нымъ увеличеніемъ плодородія; увеличеніе на $1^1/_2$ дюйма вмѣсто того, чтобы увеличить плодородіе земли въ $1^1/_2$ раза, увеличиваетъ всего на $1^1/_2$ зерна, то есть на $^5/_8$ менѣе, нежели могло бы получиться въ томъ случаѣ, еслибы увеличеніе издержекъ производства сопровождалось пропорціональнымъ увеличеніемъ продукта [1]). Нельзя отрицать, что въ земледѣліи существуетъ тотъ предѣлъ, далѣе котораго увеличеніе издержекъ производства влечетъ за собою относительное уменьшеніе дохода, вслѣдствіе чего каждый новый продуктъ получается въ результатѣ относительнаго увеличенія издержекъ производства и слѣдовательно цѣнность его должна возвышаться, что противорѣчитъ доказываему нами динамическому закону цѣнности. Если бы въ земледѣліи не существовало такого предѣла, то увеличеніемъ издержекъ на одной десятинѣ можно было бы прокормить населеніе всей Европы— (Рошеръ).

Всякое сосредоточеніе силъ въ неподвижномъ вмѣстителѣ сопровождается относительнымъ ослабленіемъ каждой изъ нихъ. Это вѣрно не только въ отношеніи естественно неподвижныхъ вмѣстителей, какова земля; оно также вѣрно и въ отношеніи экономически неподвижныхъ вмѣстителей извѣстныхъ силъ въ данное время. Если машина вполнѣ удовлетворительно дѣйствуетъ при 10 рабочихъ, то удвоеніе послѣднихъ не будетъ сопровождаться пропорціональнымъ увеличеніемъ дѣйствія машины и удвоеніемъ продукта. Точно также, если сила воды въ данной мѣстности приводитъ въ дѣйствіе мельницу съ десятью колесами, то очевидно, что увеличеніе колесъ не даетъ пропорціональнаго увеличенія дѣйствія силы. Только силы соединенныя съ движимыми вмѣстителями вполнѣ подчиняются закону, по которому увеличеніе этихъ вмѣстителей сопровождается соотвѣтствующимъ увеличеніемъ дѣйствія самихъ силъ. Но можно ли сказать, что цѣнность продуктовъ, производимыхъ при участіи силъ, соединенныхъ или соединяемыхъ съ недвижимыми вмѣстителями, не подлежитъ двойственному движенію, уясняемому нами?

---

[1]) Изолированное государство, пер. Волкова 1,179.

Однимъ изъ важнѣйшихъ элементовъ издержекъ производства продуктовъ является капиталъ, цѣнность единицы котораго съ экономическимъ развитіемъ все болѣе и болѣе уменьшается. Интенсивность культуры и состоитъ въ томъ преимущественно, что на данномъ пространствѣ затрачивается большое количество капитала. Въ силу уменьшенія цѣнности единицы капитала при увеличеніи общей цѣнности, увеличеніе издержекъ производства при интенсивной культурѣ должно быть разсматриваемо съ двоякой точки зрѣнія: здѣсь происходитъ общее увеличеніе при относительномъ ихъ уменьшеніи, конечно съ точки зрѣнія цѣнности. Если капиталъ упалъ на половину въ своей цѣнности, то производитель имѣетъ возможность удвоить издержки производства; здѣсь общая цѣнность затрачиваемыхъ издержекъ осталась безъ измѣненія, но относительная уменьшилась, что ведетъ и къ соотвѣтствующей двойственности въ цѣнности производимыхъ продуктовъ. Удешевленіе продуктовъ сопровождается усиленіемъ потребленія и увеличеніемъ населенія, что тоже равносильно усиленію потребленія. Если такъ, то интересъ производителя требуетъ больше чѣмъ удвоенія капитала; положимъ онъ учетверитъ свой капиталъ; въ такомъ случаѣ общая цѣнность произведенныхъ затратъ увеличится вдвое, при таковомъ же уменьшеніи относительной ихъ цѣнности. И здѣсь мы видимъ движеніе цѣнности по двумъ направленіямъ: общая цѣнность дохода производителя увеличивается при уменьшеніи цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта.

Самое уменьшеніе чистаго дохода съ увеличеніемъ интенсивности культуры можетъ быть подведено къ соотвѣтствующему уменьшенію процента отъ капитала. На низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія, при рѣдкости населенія, при дороговизнѣ капитала, для обработки земли капиталъ употребляется въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ. Въ это время можно сказать, что почти весь валовой доходъ земледѣльца представляетъ собою его чистый доходъ. Если онъ затрачиваетъ въ землю 10 рублей, получаетъ валоваго дохода 100 рублей, то чистаго дохода имѣетъ 90 рублей, или 90% въ валовомъ. На высшихъ ступеняхъ развитія мы встрѣчаемъ совершенно противоположное; при увели-

ченіи населенія, обиліи капиталовъ и дешевизнѣ ихъ, хозяйство изъ экстенсивнаго становится интенсивнымъ, въ землю заключается на данномъ пространствѣ много капитала и труда; въ это время уже нельзя сказать, что почти весь доходъ земледѣльца представляетъ собою его чистый доходъ. На томъ же самомъ пространствѣ, на которомъ при экстенсивной культурѣ затрачивалось 10 рублей и чистый доходъ былъ 90% въ валовомъ, при интенсивномъ хозяйствѣ затрачивается 2,000 р., получается валоваго дохода, положимъ, 3,000 р., то есть чистый доходъ въ валовомъ составляетъ 33⅓%. Но это уменьшеніе чистаго дохода не можетъ быть разсматриваемо какъ признакъ увеличенія затрудненій въ дѣлѣ прокормленія увеличившагося населенія. Послѣдователи такого воззрѣнія повторяютъ ошибку А. Смита относительно значенія уменьшенія процента съ капитала. Подобно тому, какъ уменьшеніе процента съ капитала, представляя собою результатъ уменьшенія времени необходимаго для производства капитала, не служитъ признакомъ уменьшенія капиталистическаго дохода вообще, такъ и уменьшеніе процента поземельнаго дохода представляетъ собою признакъ не увеличенія затрудненій, а напротивъ того—признакъ болѣе экономическаго утилизированія земли. Если на низшихъ ступеняхъ развитія почти весь доходъ земледѣльца былъ его чистымъ доходомъ, за то абсолютный доходъ былъ ничтоженъ сравнительно съ таковымъ въ развитомъ хозяйствѣ. По мѣрѣ уменьшенія необходимыхъ для производства капиталовъ издержекъ, въ землю заключается больше капиталовъ; данное пространство земли представляетъ собою больше въ немъ овеществленнаго времени производства, вслѣдствіе чего и увеличивается цѣнность поземельной собственности. Въ этомъ отношеніи увеличеніе цѣнности земли есть результатъ и признакъ увеличенія общественнаго благосостоянія. Видѣть преимущество въ большомъ процентѣ экстенсивной культуры, очевидно, это тоже, что считать выгоднымъ для капиталиста большой процентъ при рѣдкости капиталовъ. Для выясненія нашей мысли употребимъ сравненіе. Лилипутъ—муравей относительно мышечныхъ силъ нѣсколько разъ сильнѣе человѣка; человѣкъ поднимаетъ вѣсъ, превосходящій вѣсъ его тѣла, не болѣе какъ три раза, но этотъ

муравей носитъ тяжести, вѣсъ которыхъ превосходитъ въ 20 разъ вѣсъ его микроскопическаго тѣла. Говоря относительно, муравей этотъ оказывается сильнѣе человѣка, но странно утверждать, что онъ сильнѣе человѣка и абсолютно. Тоже самое и относительно доходовъ; чистый процентный доходъ экстенсивнаго хозяйства больше таковаго въ хозяйствѣ интенсивномъ, но при этомъ въ послѣднемъ больше абсолютный доходъ и для населенія выгоднѣе послѣдняя культура. Самый большій процентный чистый доходъ получается въ то время, когда населеніе живетъ охотою, но въ сѣверной Америкѣ, гдѣ дичи было много, по одному жителю приходилось на 99 квадратныхъ километровъ, между тѣмъ, по вычисленіямъ лучшихъ агрономовъ, при трехпольной системѣ 78 десятинъ могутъ кормить 100 человѣкъ, а при плодосмѣнной 100 д становятся достаточными для прокормленія 116 человѣкъ и болѣе. При томъ высокомъ процентномъ доходѣ, который получается при экстенсивной культурѣ, населеніе образованныхъ странъ нашего времени умерло бы съ голоду. Воззрѣніе Мальтузіанской школы, по которому съ увеличеніемъ населенія постепенно увеличивается трудность въ пріобрѣтеніи средствъ существованія, не оправдывается фактами. Естественная тенденція земледѣльческихъ продуктовъ къ вздорожанію нейтрализуется удешевленіемъ капитала.

Вся исторія цѣнъ хлѣба подтверждаетъ нашу мысль. Шторхъ на основаніи данныхъ, заимствованныхъ имъ у А. Смита и Гарнье, составилъ слѣдующую таблицу средней цѣны четверти пшеницы въ Европѣ [1]).

Въ Аттикѣ въ время Солона 1 р.
Въ Римѣ при Цицеронѣ „ 1 „ 43 к.
Во время Валентиніана III „ 1 „ 68 к.

---

[1]) Cours d'econ. pol. т. 1 стр. 476—477.

Въ Западной Европѣ:

	Во Франціи	Въ Англіи.
Во время Карла Великаго	1 р. 33 к.	
Съ 1201 г. по 1300	2 „ 3 „	
Съ 1301 „ 1400	2 „ 61 „	2 р. 64 к.
Съ 1401 „ 1500	2 „ 11 „	2 „ 42 „
Съ 1501 „ 1545	2 „ 96 „	1 „ 83 „
Съ 1546 „ 1600	7 „ 38 „	5 „ 96 „
Съ 1601 „ 1700	7 „ 88 „	7 „ 28 „
Съ 1701 „ 1800	6 „ 63 „	6 „ 99 „

Изъ этихъ данныхъ мы видимъ, что цѣны колеблются въ незначительныхъ размѣрахъ до 1546 года и съ послѣдняго года, то есть со времени открытія новаго свѣта и наводненія Европейскаго рынка металлическимъ богатствомъ, начинается быстрое возвышеніе. Это быстрое поднятіе цѣнъ вполнѣ объясняется паденіемъ цѣнности денежной единицы. Нѣкоторые ученые (А. Смитъ, Рошеръ и др.) принимаютъ, что со времени открытія Америки цѣнность металлическихъ денегъ упала въ отношеніи 3 или 4 къ 1. Средняя цѣна пшеницы во Франціи съ 1301 по 1545—2 р. 56 коп., таковая же цѣна съ 1546 по 1800—7 р. 29²/₃ к., то есть цѣны обоихъ періодовъ относятся почти какъ 1 къ 3; тоже самое и въ Англіи, въ которой средняя цѣна четверти пшеницы въ 1301 по 1545 годъ —2 р. 29²/₃ к., съ 1546 по 1800 годъ 6 р. 74¹/₂ к. Очевидно, возвышеніе цѣнности пшеницы должно быть признано номинальнымъ [1]). Не видя ожидаемаго вздорожанія и въ тоже время зная, что населеніе увеличилось, что сельское хозяйство перешло отъ низшихъ системъ обработки земли къ системамъ болѣе интенсивнымъ, мы имѣемъ основаніе заключить, что общій законъ возрастанія продукта отъ земли не ведетъ къ вздорожанію продуктовъ, что эта тенденція нейтрализуется

[1]) Тоже утверждаетъ и Шторхъ въ слѣдующихъ словахъ: „Or comme l'époque de ce changement est en même temps celle de l'irruption des richesses méthalliques du Nouveau-Monde, nous sommes suffisamment autorisés à regarder cet événement comme la cause d'une hausse si subite et si inoue. En d'autres termes, le prix réel du froment est resté a peu près la même, mais son prix numérique a triplé et même quadruplé. Cours стр. 477. т. 1.

удешевленіемъ капитала. Средній человѣкъ не испытываетъ тѣхъ затрудненій въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ потребностей, о которыхъ такъ много говорятъ послѣдователи школы Мальтуса. Удешевленіе капитала дѣлаетъ возможнымъ увеличеніе затратъ сопровождающихся, при уменьшеніи процента, абсолютнымъ увеличеніемъ дохода отъ земли.

Тоже постоянство цѣнъ замѣчается и въ настоящемъ столѣтіи въ важнѣйшихъ государствахъ Европы.

М. Блокъ сообщаетъ цѣны пшеницы во Франціи съ начала настоящаго столѣтія до 1858 г. включительно [1]). Раздѣливъ эти данныя на 6 періодовъ, получаемъ среднія цѣны въ каждомъ изъ нихъ.

1800—1809—19 фр. 94 сант.
1810—1819—24 „ 73 „
1820—1829—18 „ 06 „
1830—1839—19 „ 09 „
1840—1849—20 „ 49 „
1850—1858—22 „ 27 „

Раздѣляя за тѣмъ на два періода, получаемъ цѣны за такое время, въ которое случайныя вліянія нейтрализуются и поэтому общій законъ выступаетъ съ большею силою:

1800—1829—20 ф. 91 сант.
1830—1858—20 „ $61^{2}/_{3}$ „

Здѣсь мы не только не видимъ увеличенія цѣнъ, но даже нѣкоторое стремленіе къ уменьшенію. Тоже самое подтверждаютъ и данныя, приводимыя Блокомъ изъ статистики Англіи; данныя эти обнимаютъ цѣны гектолитра пшеницы съ 1827 по 1858 годъ включительно. По 16 лѣтней сложности эти данныя представляются въ слѣдующемъ видѣ:

1827—1842=25 фр. $21^{1}/_{4}$ сант.
1843—1858—23 „ $34^{5}/_{16}$

Мы не отрицаемъ фактовъ возвышенія цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ даже въ періоды болѣе или менѣе продолжи-

---

[1]) Statistique de la France, т. 2 стр. 42.

тельные, но эти факты не подрываютъ проводимаго нами воззрѣнія, что средній человѣкъ далеко не испытываетъ тѣхъ затрудненій въ своемъ прокормленіи, о которыхъ говорятъ многіе экономисты. Увеличеніе и удешевленіе капиталовъ дѣлаетъ возможнымъ введеніе интенсивнаго хозяйства, какъ такую концентрацію силъ въ неподвижномъ вмѣстителѣ, при которой процентный чистый доходъ уменьшается, но вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается абсолютный доходъ. По мѣрѣ усиленія интенсивности хозяйства всякій новый продуктъ производится относительно большей долей капитала, но происходящая отсюда тенденція къ вздорожанію продукта нейтрализуется удешевленіемъ послѣдняго, большею легкостію производства капитала, вслѣдствіе чего уменьшается процентъ за пользованіе имъ. Самая возможность организаціи въ данной странѣ интенсивной сельско-хозяйственной культуры обусловливается цѣнностью существующихъ въ ней капиталовъ. Гдѣ капиталы дороги, гдѣ процентъ за пользованіе ими высокъ, тамъ вездѣ господствуетъ экстенсивное хозяйство. Интенсивная сельско-хозяйственная культура, возникающая при условіи существованія дешевыхъ капиталовъ, не говоритъ намъ о затрудненіяхъ, встрѣчаемыхъ увеличившимся населеніемъ на пути къ удовлетворенію своихъ потребностей. Она свидѣтельствуетъ объ увеличеніи власти человѣка надъ силами природы, о развитіи знанія и народнаго благосостоянія; для своего примѣненія она ожидаетъ не возвышенія цѣнъ, но распространенія народнаго образованія, какъ источника капиталовъ. Задача ея— предупредить монопольное возвышеніе цѣнности земледѣльческихъ продуктовъ, которое имѣло бы мѣсто въ томъ случаѣ, если бы увеличившееся населеніе принуждено было, вслѣдствіе недостатка знаній и капиталовъ, добывать для своего существованія средства, употребляя экстенсивныя системы поземельной культуры. Интенсивное хозяйство не мыслимо тамъ, гдѣ нѣтъ знаній въ народѣ, потому что знаніе представляетъ собою основной источникъ всякаго капитала, а слѣдовательно, гдѣ слабо распространены въ народѣ знанія, тамъ не мыслимо обиліе капиталовъ, не возможна дешевизна ихъ. Съ другой стороны интенсивная культура затруднительна въ странахъ молодыхъ, въ которыхъ

развитіе каниталовъ не поспѣваетъ за развитіемъ труда и спроса на капиталы, вслѣдствіе чего послѣдніе могутъ быть дороги, между тѣмъ какъ земля сравнительно дешева. Вотъ почему, по словамъ Рошера, нѣмецкіе переселенцы, переселившись въ Соединенные Штаты, разорялись, когда заводили тамъ интенсивное хозяйство. Весьма естественно, что при дороговизнѣ капиталовъ и дешевизнѣ земли ихъ хозяйство не могло выдержать конкурренціи съ экстенсивнымъ туземнымъ хозяйствомъ.

Осуществленіе динамическаго закона цѣнности въ сельскохозяйственной промышленности встрѣчаетъ препятствія мало извѣстныя въ обрабатывающей промышленности и состоящія въ законѣ, по которому увеличеніе издержекъ не сопровождается въ соотвѣтствующей пропорціи увеличеніемъ продукта. Экономисты обращаютъ вниманіе только на эти препятствія, оставивъ въ сторонѣ противодѣйствующій законъ удешевленія издержекъ. Мы уже говорили, что экономическіе законы не могутъ быть приводимы къ одному знаменателю съ законами физической природы. Нѣтъ сомнѣнія, что и въ экономическихъ законахъ есть механическая сторона, благодаря которой они даже противъ воли людей осуществляются въ жизни. Но это механическое и слѣпое осуществленіе съ развитіемъ образованія должно уступить мѣсто сознательному и вполнѣ послѣдовательному осуществленію. Динамическій законъ цѣнности въ сельско-хозяйственной промышленности еще далекъ отъ сознательнаго періода въ своемъ развитіи. Сельское хозяйство представляетъ собою ту отрасль промышленности, въ которой наука еще мало примѣнена, да и самая эта наука находится въ зародышевомъ состояніи. Но если и при такихъ обстоятельствахъ мы замѣчаемъ нѣкоторое осуществленіе въ этой промышленности динамическаго закона цѣнности, то мы не сомнѣваемся, что съ умственнымъ развитіемъ этотъ законъ найдетъ полное и всестороннее примѣненіе. Сомнѣваться въ этомъ, значитъ сомнѣваться въ могуществѣ человѣческаго знанія. Кто знаетъ все могущество этой великой силы, тотъ не станетъ возводить въ принципъ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаевъ, въ которыхъ подъ вліяніемъ стеченія разныхъ обстоятельствъ цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ дорожаетъ, увеличившееся населе-

ніе бѣдствуетъ, пролетаріатъ угрожаетъ массамъ. По прекасному замѣчанію одного изъ лучшихъ нашихъ экономистовъ, человѣкъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ страшиться будущаго, для него страшно одно его невѣжество [1]).

Бываютъ случаи, когда и самое возвышеніе цѣнъ земледѣльческихъ продуктовъ, по крайней мѣрѣ временное, можно считать явленіемъ вполнѣ благопріятнымъ для развитія страны. Таково положеніе цѣнъ этихъ продуктовъ у насъ. По даннымъ сообщаемымъ Тенгоборскимъ (т. 2 стр. 44), средняя цѣна четверти пшеницы увеличилась съ 1824 г. по 1851 г. на 50%, цѣна ржи за этотъ же періодъ времени увеличилась на 42%. Факты сообщаемые Небольсинымъ [2]) и Тернеромъ [3]) подтверждаютъ заключеніе Тенгоборскаго. Тенгоборскій правъ, считая это возвышеніе цѣнъ явленіемъ вполнѣ благопріятнымъ. Въ странѣ исключительно земледѣльческой, имѣющей относительно рѣдкое населеніе, цѣны хлѣба долгое время могутъ быть низкими и такая дешевизна представляетъ собою явленіе ненормальное; земледѣлецъ не выручаетъ въ мѣновой цѣнности продукта затраты хозяйственныхъ факторовъ, хозяйство его падаетъ. Вывозъ заграницу при такомъ положеніи дѣлъ дешевыхъ земледѣльческихъ продуктовъ—это вывозъ заграницу найболѣе цѣнныхъ частей земли, что равносильно экономическому самоубійству. Не та дешевизна, которая получается на счетъ хищническаго пользованія факторами производства, требуется динамическимъ закономъ цѣнности, но та, которая представляетъ собою результатъ болѣе интенсивнаго, болѣе разумнаго пользованія ими, что само собою наступитъ и у насъ при распространеніи народнаго образованія и увеличеніи капиталовъ.

При разсмотрѣніи данныхъ о цѣнахъ земледѣльческихъ продуктовъ обращаетъ на себя вниманіе фактъ увеличенія цѣнъ на внутреннихъ рынкахъ въ большей пропорціи сравнительно съ

---

[1]) Т Степановъ Записки о полит. экономіи, ч. I. стр. 103.

[2]) Статистич. обозрѣніе внѣшней торговли, ч. 1, стр 61—63.

[3]) Сборникъ статист. свѣденій о Россіи, изд. Рус. геогр. общ кн. III. стр. 66—67.

портовыми и при этомъ чѣмъ отдаленнѣе мѣстность отъ Петербурга, тѣмъ выше это поднятіе цѣнъ. Въ Саратовѣ, говоритъ г. Вильсонъ въ объясненіи къ хозяйственно-статистическому атласу Европейской Россіи (стр. 214—15), цѣны возвысились на 100%, въ Козловѣ на 85%, въ Ливнахъ, Ельцѣ и Моршанскѣ на 70% слишкомъ, въ Орлѣ, Мценскѣ и Бѣлевѣ на 65%, въ Рыбинскѣ только на 50%, а въ Петербургѣ всего на 30%. Такое поднятіе цѣнъ есть слѣдствіе чисто механическихъ причинъ, подъ вліяніемъ которыхъ сельскій хозяинъ въ мѣновой цѣнности своего продукта получилъ возможность выручать часть того, что прежде уходило изъ его хозяйства безъ всякаго вознагражденія. Первая въ числѣ этихъ причинъ—усовершенствованные пути сообщеній, разширившіе районъ сбыта продуктовъ. Это условіе, по замѣчанію г. Вильсона, повліяло на цѣны болѣе отдаленныхъ рынковъ тѣмъ значительнѣе, что въ прежнее время за трудностью доставки и отсутствіемъ сбыта на мѣстѣ въ этихъ мѣстахъ цѣны были крайне низки, „войдя же въ районъ сбыта хлѣба цѣны здѣсь стали подчиняться общимъ экономическимъ законамъ.“ Безъ развитія путей сообщеній цѣнность хлѣба въ этихъ мѣстахъ дѣйствительно не могла подчиняться общимъ экономическимъ законамъ. Еще и въ настоящее время есть много мѣстностей, въ которыхъ земледѣльческіе продукты въ урожайные годы не имѣютъ почти никакой цѣны, между тѣмъ какъ въ годы неурожая пріобрѣтеніе ихъ не мыслимо вовсе. Другая причина поднятія цѣнъ—это упраздненіе крѣпостнаго права. При крѣпостномъ правѣ, говоритъ г. Вильсонъ, помѣщики, пользуясь даровымъ трудомъ крестьянъ, посылали въ зимнее время свой хлѣбъ на болѣе отдаленные рынки, чтобы воспользоватся болѣе высокою цѣною; отъ этого цѣна на мѣстныхъ рынкахъ была ничтожна, такъ какъ покупщики хлѣба, для перепродажи его на болѣе отдаленныхъ рынкахъ, должны были принимать въ разсчетъ стоимость доставки его, которая для помѣщиковъ не существовала (стр. 216). Кромѣ того, помѣщикъ менѣе нуждался въ сбытѣ хлѣба, чѣмъ крестьянинъ. Большую часть своихъ нуждъ помѣщикъ удовлетворялъ трудомъ своихъ крѣпостныхъ; для удовлетворенія своихъ годовыхъ потребностей менѣе нуждался въ деньгахъ, чѣмъ крестья-

нинъ. Нуждаясь въ деньгахъ для оплаты повинностей, крестьянинъ уже потому одному въ большей степени зависѣлъ отъ скупщиковъ и цѣны на его хлѣбъ вездѣ были крайне незначительны. Крѣпостной трудъ принесъ громадный вредъ нашей землѣ. онъ могъ бы привести даже къ тому, что земля обратилась бы въ безплодную пустыню, такъ какъ въ массѣ хозяйствъ силы земли не могли быть возстановляемы, въ мѣновой цѣнности онѣ уходили изъ хозяйствъ. Освобожденіе крестьянъ есть вмѣстѣ съ тѣмъ актъ освобожденія земли отъ рабства у покупщиковъ ея продуктовъ.

До 1864 года указанныя причины, подъ вліяніемъ которыхъ цѣны на земледѣльческіе продукты были низки, существовали и въ губерніяхъ Царства Польскаго; вотъ почему и здѣсь мы встрѣчаемся съ такимъ же движеніемъ цѣнъ. Въ пятилѣтіе 1857—1861 гг. въ Варшавѣ были слѣдующія цѣны за четверть—ржи 3 р. 14 коп., пшеницы 5 р. 58½ к., ячменя 2 р. 87 к., овса 2 р. 13¾ коп., между тѣмъ уже въ 1870 году на эти продукты цѣны поднялись почти вдвое; именно, четверть ржи 6 р. 68 к., пшеницы 10 р. 89 к., ячменя 5 р. 20½ к., овса 3 р. 84 к. [1])

Удешевленіе сельско-хозяйственныхъ продуктовъ у насъ возможно будетъ лишь въ то время, когда образованіе разольется въ массѣ производителей. Улучшенная сельско-хозяйственная техника дастъ возможность овеществлять въ единицѣ продукта меньше затратъ, вслѣдствіе чего цѣнность его можетъ уменьшиться при неизмѣненіи или даже увеличеніи цѣнности общей массы продуктовъ. Съ другой стороны увеличеніе капиталовъ дастъ возможность овеществлять и въ единицѣ продукта больше затратъ, но при удешевленіи капитала это увеличеніе затратъ не будетъ сопровождаться увеличеніемъ цѣнъ.

Въ заключеніе мы должны сказать, что въ нашей литературѣ вопросъ о цѣнности земли и ея продуктовъ прекрасно уясненъ г. Роберти въ его политико-экономическихъ этюдахъ, ясно констатировавшимъ съ одной стороны общее увеличеніе цѣнности земли и съ другой удешевленіе каждой единицы получаемаго про-

---

[1]) Статистическое описаніе Царст. Польскаго, стр. 40—41.

дукта. При удвоеніи количества получаемыхъ съ даннаго участка продуктовъ, говоритъ онъ, цѣнность этого участка не измѣнится, такъ какъ двойное количество вдвое менѣе цѣнныхъ продуктовъ имѣетъ такое же мѣновое значеніе, какъ и половинное количество вдвое болѣе цѣнныхъ. Общественное развитіе всегда сопровождается увеличеніемъ населенія, вслѣдствіе чего для уменьшенія на половину цѣнности продукта необходимо увеличеніе его въ большей пропорціи. „Положимъ, что участокъ А производитъ 10,000 четвертей при населеніи въ 1000 человѣкъ и что весь этотъ хлѣбъ служитъ для уплаты годичнаго труда этой 1000 человѣкъ; въ этомъ случаѣ цѣнность одной четверти будетъ равняться $^1/_{10}$ годоваго труда работника. Въ другой періодъ развитія цѣнность хлѣба должна уменьшиться на половину; четверть слѣдовательно, будетъ стоить только $^1/_{20}$ годичнаго труда работника. Еслибы народонаселеніе оставалось неизмѣннымъ, для произведенія такого результата нужно былобы простое удвоеніе продуктовъ. Но приращеніе населенія необходимое условіе общественнаго прогресса. Положимъ, населеніе возросло до 10,000 человѣкъ, при этомъ условіи количество хлѣба должно увеличиться въ 20 разъ. Въ этомъ случаѣ мѣновая цѣнность дохода съ участка А должна увеличиться въ 10 разъ и такое же увеличеніе будетъ испытано и цѣнностью самаго участка“ (стр. 127—128). Недостатокъ въ этомъ воззрѣніи—подведеніе явленій цѣнности къ труду. Если оставить въ сторонѣ этотъ недостатокъ, то необходимо согласиться, что въ этихъ словахъ прекрасно высказанъ динамическій законъ явленій цѣнности. Общее увеличеніе цѣнности поземельнаго дохода и поземельнаго участка есть необходимое условіе полноты удовлетворенія потребностей, относительное уменьшеніе цѣнности каждаго продукта въ отдѣльности есть условіе легкости въ ихъ удовлетвореніи.

ГЛАВА IX.

Такъ какъ въ экономическомъ общежитіи каждый заинтересованъ въ легкости и полнотѣ удовлетворенія своихъ потребностей, то *eo ipso* каждый заинтересованъ въ движеніи цѣнности по двумъ противоположнымъ направленіямъ, то есть въ увеличеніи общей цѣнности доходовъ при относительномъ уменьшеніи цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта. Каждый отдѣльный человѣкъ—будь то производитель, потребитель или продавецъ—съ экономическимъ развитіемъ перестаетъ смотрѣть на цѣнность какъ на благо или зло; не можетъ смотрѣть на цѣнность какъ на благо, потому что заинтересованъ въ относительномъ уменьшеніи ея, не можетъ смотрѣть и какъ на зло, потому что заинтересованъ въ абсолютномъ увеличеніи ея. Такъ мало по малу частно-хозяйственныя и субъективныя понятія о цѣнности уступаютъ мѣсто общественно-хозяйственному и объективному понятію, по которому цѣнность представляетъ собою условіе взаимности или союзности въ общемъ дѣлѣ удовлетворенія потребностей каждаго въ экономическомъ организмѣ, при чемъ можетъ быть то благомъ, то зломъ, смотря по тому, въ какой степени удовлетворяетъ своему назначенію.

Принявъ это понятіе о цѣнности, мы избѣгаемъ тѣхъ самопротиворѣчій, которыя были не избѣжны въ экономическихъ системахъ. Системы Мальтуса и Маклеода основаны на двойственномъ понятіи о цѣнности; для признанія закона спроса и предложенія, какъ закона борьбы противоположныхъ интересовъ, регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій необходимо было возвесть въ принципъ эту двойственность. Борьба мѣновыхъ интересовъ возможна только въ томъ случаѣ, когда съ точки зрѣнія спроса цѣнность есть зло, а съ точки зрѣнія предложенія—благо. Признать эту двойственность—значитъ отказаться отъ политической экономіи, какъ науки. По ученію Рикардо, цѣнность, какъ овеществленный трудъ производства, есть зло, въ уменьшеніи котораго всѣ заинтересованы. Но въ составъ цѣнности

входитъ и прибыль, неужели и прибыль есть зло? Мальтусъ въ одномъ изъ своихъ возраженій противъ теоріи Рикардо говоритъ, что послѣдній смѣшалъ стоимость съ цѣнностью; на это возраженіе Рикардо отвѣчалъ, что оно вѣрно, если въ составѣ стоимости Мальтусъ считаетъ и прибыль. Очевидно, что по его ученію и прибыль, какъ составной элементъ цѣнности, есть зло не только какъ неоплаченный трудъ работника, но также какъ сумма препятствій встрѣчаемыхъ человѣкомъ въ дѣлѣ удовлетворенія своихъ потребностей. Трудъ человѣка также имѣетъ цѣнность, неужели и цѣнность труда есть зло?

Кэри сказавъ, что цѣнность есть мѣрило власти силъ природы надъ человѣкомъ, въ тоже время утверждаетъ, что цѣнность труда есть слѣдствіе и признакъ общественнаго благосостоянія. По его ученію, человѣкъ постоянно увеличиваетъ свое господство надъ силами природы, изъ раба послѣдней становится ея повелителемъ. Увеличеніе господства надъ природой сопровождается уменьшеніемъ пожертвованій для производства продукта, ведетъ къ большей легкости въ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Съ каждымъ шагомъ въ этомъ прогрессивномъ направленіи человѣкъ легче и полнѣе удовлетворяетъ свои потребности, получаетъ необходимые продукты за меньшую плату. Цѣнность труда такимъ образомъ постоянно увеличивается, между тѣмъ какъ цѣнность продуктовъ постоянно падаетъ, вознагражденіе за трудъ увеличивается вмѣстѣ съ удешевленіемъ продуктовъ, составляющихъ это вознагражденіе Очевидно, что въ этомъ случаѣ Кэри не признаетъ цѣнность зломъ, мѣриломъ силы природы надъ силами человѣка. Также противорѣчитъ Кэри и въ своемъ ученіи о цѣнности земли; подобно цѣнности труда, по его ученію, цѣнность земли есть признакъ и результатъ общественнаго развитія [1]). Разширяя это воззрѣніе, мы должны сказать, что увеличеніе цѣнности народнаго капитала есть также признакъ общественнаго развитія. Но какъ помирить этотъ фактъ съ тѣмъ, что цѣнность есть мѣрило власти природы надъ человѣкомъ? Между тѣмъ противорѣчіе легко разрѣшается уясненнымъ

[1]) Руководство къ соц. наукѣ, гл. X, XI, XIII, XIV, XV, XVI, XXII.

нами динамическимъ закономъ цѣнности, какъ условія союзности въ удовлетвореніи потребностей. Увеличеніе цѣнности народнаго капитала представляетъ собою признакъ общественнаго развитія тогда, когда оно сопровождается удешевленіемъ каждой единицы капитала, то есть когда движеніе цѣнности его ведетъ съ одной стороны къ полнотѣ, а съ другой къ легкости въ пріобрѣтеніи. Нельзя назвать благопріятнымъ общественному развитію признакомъ увеличеніе относительной цѣнности капитала, вздорожаніе каждой единицы его. Тоже самое необходимо сказать относительно цѣнности земли и труда. Вздорожаніе земли, представляющее собою результатъ вздорожанія каждой единицы получаемаго отъ нея продукта, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названо явленіемъ благопріятнымъ общественному развитію. Оно свидѣтельствуетъ объ увеличеніи препятствій въ удовлетвореніи потребностей, о необходимости большаго количества пожертвованій для полученія необходимаго продукта. Но оно становится явленіемъ вполнѣ желательнымъ, когда представляетъ собою слѣдствіе усиленія производительности, сопровождающейся большею легкостью и большею полнотою въ удовлетвореніи потребностей. Точно также увеличеніе цѣнности труда—явленіе благопріятное, если оно сопровождается увеличеніемъ производительности труда. Никто не скажетъ, что одна страна, имѣющая вдвое болѣе плохихъ работниковъ и оплачивающая ихъ трудъ вдвое дороже, чѣмъ другая, находится въ положеніи *eo ipso* болѣе удовлетворительномъ чѣмъ послѣдняя.

Кэри, опредѣливъ цѣнность какъ экономическое зло, не назвалъ цѣнности труда, подобно тому, какъ и цѣнности земли, экономическимъ зломъ только потому, что допустилъ явное противорѣчіе въ своей системѣ. Желая быть вполнѣ послѣдовательнымъ принятому общему понятію о цѣнности, онъ долженъ былъ бы признать цѣнность труда зломъ. Честь такой строгой логической послѣдовательности принадлежитъ К. Марксу. Если цѣнность равна труду необходимому для производства, то цѣнность труда равна труду необходимому для производства труда, послѣднее положеніе есть прямой логическій выводъ изъ перваго положенія. На этомъ-то выводѣ и основана теорія цѣнности

труда К. Маркса. Рабочая сила для своего существованія требуетъ опредѣленнаго количества полезностей. Цѣнность вообще опредѣляется трудомъ, необходимымъ для производства, слѣдовательно цѣнность труда равна труду, необходимому для содержанія труда. Въ этотъ составъ входитъ какъ трудъ, необходимый для производства полезностей потребляемыхъ существующею рабочею силою, такъ и трудъ, необходимый для приготовленія средствъ существованія замѣстителей существующей рабочей силы, иначе рабочая сила ограничится только однимъ поколеніемъ. Если въ извѣстной странѣ для содержанія рабочей силы необходимо количество продуктовъ, производимыхъ въ 6 часовъ общественнаго труда, то дневная цѣнность труда равна половинѣ дня общественнаго труда [1]).

Мы вполнѣ согласны, что это ученіе о цѣнности труда неизбѣжный выводъ изъ понятія о цѣнности, какъ овеществленномъ трудѣ производства; но также необходимо согласиться, что этимъ выводомъ разрушается самое основаніе вывода. По этому ученію, цѣнность труда имѣетъ свои естественные законы, на основаніи которыхъ не все производимое трудомъ должно принадлежать труду, но только то, что необходимо для производства рабочей силы, и это на томъ основаніи, что въ противномъ случаѣ цѣнность не будетъ овеществленнымъ трудомъ производства. Для вѣрности теоріи цѣнности, какъ овеществленнаго труда, необходимо, чтобы рабочій изъ продукта его труда получалъ лишь ту часть, которая необходима для его прокормленія, все остальное онъ долженъ оставлять кому либо другому въ виду того, что въ противномъ случаѣ воззрѣніе на цѣнность послѣдователей Рикардо окажется ложнымъ. Мы говорили, что въ основаніи этого воззрѣнія лежитъ мысль, высказанная еще Епихартомъ, что боги продаютъ человѣку всѣ блага только за трудъ. Вотъ естественное, логически неизбѣжное саморазрушеніе этого воззрѣнія: все покупается только трудомъ, цѣнность есть овеществленный

---

[1]) Въ нашей литературѣ этому странному воззрѣнію нѣмецкаго экономиста придается высоко-научное значеніе г. Зибером ъ, см. Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, гл. VII.

трудъ производства, цѣнность труда равна труду, необходимому для производства его, какъ рабочей силы, не обращая вниманія на то, получаетъ ли рабочій весь продуктъ его труда, или не получаетъ; трудъ перестаетъ быть нормальною покупною силою, такъ какъ самъ по себѣ не даетъ права на продуктъ имъ произведенный. Во всей экономической литературѣ мы не можемъ указать другаго болѣе поразительнаго примѣра саморазрушенія развитой учеными теоріи. Люди такъ высоко поднявшіе значеніе труда, что признаютъ его единственною производительною и покупною силою, въ концѣ концевъ приходятъ къ заключенію, что работникъ долженъ получать въ своемъ вознагражденіи только необходимое для существованія, иначе проводимая ими теорія цѣнности окажется ложною!

Если въ трудахъ экономистовъ, послѣдовательно развивавшихъ какое либо одно изъ частнохозяйственныхъ понятій о цѣнности, мы встрѣчаемъ массу противорѣчій, ясно указывающихъ на недостаточность и односторонность каждаго изъ этихъ понятій, то въ трудахъ экономистовъ эклектиковъ такія противорѣчія выступаютъ съ особенною очевидностью, служа наглядным доказательствомъ невозможности построенія теоріи цѣнности при возведеніи въ принципъ всѣхъ этихъ понятій. Мы старались уяснить это въ изложеніи ученія А. Смита, теперь констатируемъ противорѣчія въ ученіяхъ Ж. Б. Сэя и Д. С. Милля.

„Цѣнность, говоритъ Сэй, есть количество всякой другой вещи, получаемое въ обмѣнъ за вещь отчуждаемую". [1])

Выходя изъ этого опредѣленія цѣнности, мы должны всякое увеличеніе количества получаемыхъ въ обмѣнъ товаровъ за данный продуктъ разсматривать какъ увеличеніе цѣнности послѣдняго; на оборотъ, всякое уменьшеніе этого количества должно быть равносильно уменьшенію цѣнности этого продукта. Сверхъ того, цѣнность должна быть признана исключительно результатомъ обмѣна. Но всѣ эти выводы, какъ и самое понятіе о цѣнности, разрушаются въ слѣдующихъ словахъ самимъ же Сэемъ.

---

[1]) Traité d'economie politique кн. 11, гл. 1 стр. 308.

Однѣ изъ нашихъ потребностей, говоритъ онъ, могутъ быть удовлетворяемы продуктами, доставляемыми природою даромъ, таковы воздухъ, вода, солнечный свѣтъ. Продукты такіе могутъ быть названы естественнымъ богатствомъ, въ противоположность богатству общественному (richesses sociales), представляющему собою результатъ производства. Цѣнность имѣютъ только общественныя богатства и цѣнность они имѣютъ только потому, что пріобрѣтеніе ихъ сопряжено съ затратами производительныхъ услугъ. Мѣновая цѣнность пропорціональна этимъ затратамъ. Обмѣнивая одинъ килограммъ кофе на 15 килограммовъ хлѣба, мы обмѣниваемъ производительныя услуги, посредствомъ которыхъ произведено 15 килограммовъ хлѣба, на производительныя услуги, посредствомъ которыхъ произведенъ одинъ килограммъ кофе. Если бы однѣ производительныя услуги не оплачивались вполнѣ, то онѣ оставили бы производство и перешли бы въ другія отрасли промышленности [1]). Въ этихъ словахъ Сэй ясно проводитъ воззрѣніе на цѣнность съ частно-хозяйственной точки зрѣнія производства и пріобрѣтенія и тѣмъ самымъ разрушаетъ свое опредѣленіе цѣнности, въ которомъ онъ смотритъ на послѣднюю съ точки зрѣнія продавца. Послѣднее воззрѣніе разрушается также приведеннымъ различіемъ между богатствами естественными и общественными. Увеличеніе или уменьшеніе даровой дѣятельности силъ природы, по его ученію, ведетъ къ увеличенію или уменьшенію цѣнности. Но, очевидно, увеличеніе этой дѣятельности должно сопровождаться увеличеніемъ количества получаемыхъ въ обмѣнъ продуктовъ; послѣднее не равносильно увеличенію цѣнности, слѣдовательно цѣнность перестаетъ быть количествомъ получаемыхъ въ обмѣнъ продуктовъ. Съ другой стороны, по его ученію увеличеніе затратъ (производительныхъ услугъ) должно сопровождаться увеличеніемъ цѣнности продукта, уменьшеніе ихъ—уменьшеніемъ цѣнности. Но если за продуктъ В, издержки производства котораго не измѣнились, начинаетъ получаться только половинное количество продукта А, издержки производства котораго удвоились, то можно ли сказать, что цѣн-

[1]) Traité d'écon. pol. стр. 309—310.

ность продукта В уменьшилась, потому что получается въ обмѣнъ за этотъ продуктъ половинное количество продукта А, сдѣлавшагося вдвое болѣе цѣннымъ? На оборотъ, полученіе въ обмѣнъ за данный продуктъ вдвое большаго количества другихъ продуктовъ на половину подешевѣвшихъ неужели равносильно увеличенію цѣнности этого продукта? Очевидно, цѣнность можетъ оставаться тожественною, не смотря на измѣненія въ количествѣ продуктовъ въ обмѣнъ получаемыхъ, слѣдовательно цѣнность продукта и это количество—не одно и тоже. За тѣмъ, если источникъ цѣнности заключается въ томъ, что пріобрѣтеніе продуктовъ соединено съ затратами производительныхъ услугъ, то она предшествуетъ обмѣну, какъ переходу продуктовъ изъ хозяйствъ въ хозяйства и поэтому также перестаетъ быть тожественною съ количествомъ получаемыхъ путемъ обмѣна продуктовъ.

Опредѣливъ цѣнность какъ количество получаемыхъ въ обмѣнъ продуктовъ и уничтоживъ это опредѣленіе въ положеніи, что источникъ и регуляторъ цѣнности— затрата производительныхъ услугъ, Сэй въ своемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи уничтожаетъ и это послѣднее положеніе говоря, что цѣнность продуктовъ опредѣляетъ собою цѣнность производительныхъ услугъ, а не на оборотъ [1]). Очевидно, въ этомъ случаѣ онъ возвращается къ понятію цѣнности съ точки зрѣнія продавца, по которому не издержки производства опредѣляютъ цѣнность, а на оборотъ цѣнность опредѣляетъ размѣръ возможныхъ пожертвованій для производства продукта.

Уничтоживъ свой взглядъ о регулированіи цѣнности затратами производительныхъ услугъ, Сэй переходитъ къ закону отношенія между спросомъ и предложеніемъ. Цѣна всякой вещи, говоритъ онъ, во всякомъ мѣстѣ тѣмъ выше, чѣмъ меньше ея предложеніе и чѣмъ больше спросъ; на оборотъ, цѣна тѣмъ ниже, чѣмъ больше предложеніе или меньше спросъ. Другими словами, увеличеніе цѣны находится въ прямомъ отношеніи къ спра-

---

[1]) Traité d'écon. pol. 315—316.

шиваемому количеству и въ обратномъ къ количеству предлагаемому [1]). Утверждая это, Сэй смѣшиваетъ количественную сторону закона спроса и предложенія съ его качественною стороною, причемъ послѣдняя сторона является у него въ нѣсколько иномъ видѣ, нежели другихъ экономистовъ. Сэй въ этомъ случаѣ имѣетъ въ виду не столько борьбу между спрашивающими и предлагающими продуктъ, сколько общую потребность въ продуктѣ, значеніе продукта, какъ полезности или годности къ удовлетворенію потребности; размѣрами этого значенія продукта опредѣляется размѣръ затраты производительныхъ услугъ или издержекъ производства. Другими словами, Сэй объединяетъ законъ спроса и предложенія съ частно-хозяйственнымъ понятіемъ потребительной цѣнности. Съ перваго взгляда это объединеніе можетъ показаться близкимъ къ истинѣ. Повидимому, потребностью опредѣляются издержки производства, такъ что усиліе, дѣлаемое человѣкомъ для удовлетворенія потребности, можетъ служить мѣриломъ общей настоятельности потребности. „Каждое потребностное желаніе, говоритъ Вернадскій, *вызываетъ* именно такую сумму издержекъ, или отъ нашего организма, или отъ нашего состоянія, какая нужна для его удовлетворенія; слѣдовательно, въ массѣ эти издержки и будутъ представлять наши потребности. Самыя видоизмѣненія послѣднихъ необходимо выражаются въ видоизмѣненіи первыхъ.“ [2]) Но въ дѣйствительности усиліе можетъ быть только въ частныхъ случаяхъ мѣриломъ силы потребности, въ общемъ сумма издержекъ производства не можетъ представлять нашихъ потребностей. Положимъ, издержки производства удовлетворяющаго потребность продукта уменьшаются вдвое, можно ли изъ этого заключить, что вмѣстѣ съ этимъ уменьшеніемъ издержекъ въ соотвѣтствующей пропорціи уменьшилась и наша потребность въ продуктѣ? Въ тѣхъ или иныхъ частныхъ случаяхъ усиліе можетъ быть мѣриломъ настоятельности или силы потребности, но съ общественной точки зрѣнія усиліе служитъ лишь мѣриломъ развитія техническихъ знаній,

---

[1]) Ibid. 911 и слѣд.

[2]) Очеркъ теоріи потребностей, стр 53.

примѣненія разумныхъ экономическихъ принциповъ къ дѣятельности. Увеличеніе техническихъ знаній, развитіе сотрудничества въ дѣятельности направленной къ удовлетворенію потребностей прямо ведутъ къ уменьшенію усилій въ удовлетвореніи потребностей, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что въ соотвѣтствующей пропорціи уменьшается сила потребностей народа. Напротивъ того, вмѣстѣ съ уменьшеніемъ усилій увеличивается общее количество потребностей и общая ихъ настоятельность. Самъ г. Вернадскій справедливо замѣчаетъ, что „количество потребностей прямо пропорціонально средствамъ къ удовлетворенію ихъ“ (стр. 43), вѣрнѣе бы сказать прямо пропорціонально легкости въ удовлетвореніи ихъ. Тоже самое необходимо сказать и относительно силы потребностей. Дикарь, употребляющій массу труда для удовлетворенія потребности въ предметахъ первой необходимости, не знаетъ потребностей въ удобствѣ и пріятности. Чѣмъ развитѣе общество, тѣмъ легче удовлетвореніе потребностей, но вмѣстѣ съ этимъ тѣмъ требовательнѣе человѣкъ въ дѣлѣ удовлетворенія ихъ. Необходимость въ большомъ и изнурительномъ трудѣ ослабляетъ наши потребности, производитъ апатію не только ко всему окружающему, но и къ самому себѣ. Сила потребности и средства къ ея удовлетворенію находятся между собою въ прямомъ отношеніи въ томъ смыслѣ, что большая доступность послѣднихъ сопровождается увеличеніемъ энергіи потребности, и въ обратномъ отношеніи въ томъ смыслѣ, что увеличеніе затрудненій ведетъ къ ослабленію потребности. Подъ вліяніемъ этого закона отношенія между усиліями и потребностями цѣлые народы, изнуренные рабскимъ трудомъ, какъ будто спятъ, не чувствуя общечеловѣческихъ потребностей.

Что касается количественной стороны спроса и предложенія, то въ этомъ отношеніи всякое значеніе этого закона вполнѣ научно опровергается самимъ же Сэемъ.

Нѣтъ ни одной вещи, говоритъ онъ,[1]) которая, будучи полезною, не могла бы быть спрашиваема въ количествѣ неограничен-

[1]) Traité d'écon. pol. 312 слѣд.

номъ. Кто откажется отъ принятія вещи, считая ее пріятною или полезною для себя? Спросъ въ экономическомъ отношеніи ограничивается возможностью уплаты за пріобрѣтаемые продукты, возможностью пріобрѣтенія продуктовъ, которые могутъ быть отданы за другіе, нами спрашиваемые. Во всѣхъ странахъ имущества постепенно поднимаются, начиная отъ ничтожныхъ, которыхъ найбольше количество, до громаднѣйшихъ, количество которыхъ самое незначительное. Изъ этого слѣдуетъ, что продукты тѣмъ больше спрашиваются, чѣмъ меньше ихъ цѣна, такъ какъ въ этомъ случаѣ они доступны большему числу потребителей. Спросъ на продукты ограничивается ихъ цѣною; отъ увеличенія или уменьшенія цѣны зависитъ увеличеніе или уменьшеніе спроса.

Тоже самое Сэй утверждаетъ и относительно предложенія. Продуктъ находится въ предложеніи тогда, когда по цѣнѣ онъ доступенъ для покупщиковъ. Когда продуктъ произведенъ издержками, которыя не могутъ быть оплачены на рынкѣ, то съ экономической точки зрѣнія продуктъ этотъ все равно что не произведенъ, его нѣтъ въ предложеніи. Точно также не можетъ считаться въ составѣ предложенія продуктъ, продавецъ котораго назначаетъ цѣну, которой никто несогласенъ дать. Каждый продуктъ былъ бы спрашиваемъ въ неограниченномъ количествѣ, если бы трудность пріобрѣтенія, или цѣна, не ограничивала и не стѣсняла спроса. Съ другой стороны, продуктъ былъ бы предлагаемъ въ неограниченномъ количествѣ, если бы тоже ограниченіе, то есть цѣна, не стѣсняло и не уменьшало предложенія; если бы не было препятствій съ этой стороны, то, безъ всякаго сомнѣнія, было бы вноснмо на рынокъ все, что только могло быть продано за какую бы то нибыло цѣну. Такимъ образомъ размѣры спроса и предложенія, по сознанію Сэя, опредѣляются цѣною, а не наоборотъ.

Такія же логическія несообразности встрѣчаемъ мы и у Д. С. Милля, этого изъ величайшихъ логиковъ послѣ Аристотеля.

Цѣнность, говоритъ онъ, [1]) есть явленіе относительное. Цѣнность предмета это значитъ количество какого нибудь другаго предмета или количество предметовъ вообще, за какое онъ обмѣнивается. Логическій выводъ изъ этого понятія—цѣнности всѣхъ предметовъ не могутъ одновременно подниматься или падать; увеличеніе цѣнности одного предмета равносильно паденію цѣнности другаго, и на оборотъ. Общее возвышеніе цѣнностей это логическая несообразность. Продуктъ увеличивается въ цѣнности тѣмъ, что начинаетъ обмѣниваться на большее количество другихъ продуктовъ, послѣдніе въ этомъ случаѣ обмѣниваются на меньшее количество перваго, слѣдовательно, цѣнность ихъ падаетъ. Всѣ вещи не могутъ подняться относительно другъ друга. Вещи, обмѣниваемыя одна на другую, точно также не могутъ всѣ подняться или всѣ упасть, какъ изъ десятка лошадей на бѣгу не всѣ десять обскакиваютъ другъ друга, или изъ сотни деревьевъ не всѣ сто переросли другъ друга. Можетъ быть только общее возвышеніе цѣнъ, а не цѣнностей. Цѣнность вещи—общая покупательная ея сила, цѣна—ея денежная цѣнность.

Приступая къ изложенію теоріи цѣнности, Милль замѣтилъ, что теорія эта развита вполнѣ, что единственная трудность въ ней это изложить ее такъ, чтобы тутъ же сами собою рѣшались главныя затрудненія, встрѣчающіяся при ея примѣненіи. Изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что, по мнѣнію Милля, ученый вполнѣ развившій теорію цѣнности никто иной, какъ Д. Рикардо; въ главѣ IV онъ и излагаетъ подробно эту теорію, по которой цѣнность есть овеществленный трудъ, существуетъ независимо отъ количества получаемыхъ въ обмѣнъ продуктовъ и предшествуетъ обмѣну. Противорѣчія въ теоріи Милля здѣсь на столько очевидны, что мы считаемъ излишнимъ уяснять ихъ подробнѣе. Въ ученіи Милля обращаетъ на себя вниманіе логическій выводъ изъ понятія о цѣнности, какъ количествѣ получаемыхъ въ обмѣнъ продуктовъ, по которому общее возвышеніе или паденіе цѣнности не мыслимо; выводъ этотъ въ настоящее время

[1]) Основанія полит. экономіи, гл. I, V. VI, кн. III.

принятъ почти всѣми экономистами, которые, вслѣдъ за Миллемъ, утверждаютъ, что возможно только общее возвышеніе или паденіе денежной цѣны предметовъ, измѣняющее значеніе прежнихъ обязательствъ, а сверхъ этого не производящее никакой перемѣны. „При общемъ возвышеніи цѣнъ, каждый получаетъ денегъ больше прежняго, а при пониженіи, меньше прежняго, но за эти деньги онъ получаетъ прежнее количество вещей, которыя покупаетъ. Разница лишь въ томъ, что для разсчета употребляется больше или меньше жетоновъ, чѣмъ прежде". Общее возвышеніе или паденіе цѣнности дѣйствительно былобы невозможно, если бы цѣнность представляла собою ни что иное, какъ количество получаемыхъ въ обмѣнъ продуктовъ. Если за продукты А получается большее количество продуктовъ В, что равносильно увеличенію цѣнности продукта А, то, очевидно, въ тоже время за большее количество продукта В получается меньшее количество продукта А, что равносильно уменьшенію цѣнности продукта В. Другими словами, если цѣнность есть количество получаемыхъ въ обмѣнъ продуктовъ, то изъ двухъ промѣниваемыхъ между собою продуктовъ увеличеніе цѣнности одного равносильно паденію цѣнности другаго, и на оборотъ, уменьшеніе цѣнности одного равносильно увеличенію цѣнности другаго. Это значитъ, далѣе, что увеличеніе посредствомъ обмѣна количества продуктовъ въ одномъ хозяйствѣ возможно не иначе, какъ при уменьшеніи количества продуктовъ въ другомъ хозяйствѣ; выигрышъ одного равносиленъ потерѣ другаго, интересы хозяйствъ, вступающихъ между собою въ мѣновую ассоціацію, прямо противоположны, взаимность мѣновыхъ интересовъ—это мечта, никогда не осуществимая. Вотъ къ какому заключенію приводитъ общепринятое воззрѣніе о невозможности общаго возвышенія или паденія цѣнности.

На основаніи всего сказаннаго въ предшествующихъ главахъ мы знаемъ, что цѣнность не можетъ быть названа количествомъ получаемыхъ въ обмѣнъ продуктовъ, такъ какъ это количество можетъ увеличиваться или уменьшаться, между тѣмъ какъ цѣнность продукта можетъ оставаться безъ всякихъ измѣненій при неизмѣненіи въ стоимости его производства. Если же такъ,

то нѣтъ никакихъ основаній утверждать, что не возможно ни общее возвышеніе, ни общее паденіе цѣнности. Представимъ себѣ двухъ производителей, изъ которыхъ одинъ производитъ четыремя днями хозяйственнаго времени продуктъ А, другой такой же затратой времени—продуктъ В, въ этомъ случаѣ каждая единица продукта А обмѣнивается на каждую единицу продукта В. Положимъ въ другое время происходитъ усовершенствованіе, по которому каждый изъ производителей имѣетъ возможность производить продуктъ своей спеціальности двумя днями хозяйственнаго времени, при чемъ количество производимыхъ продуктовъ удвоивается. Въ этомъ случаѣ продукты будутъ обмѣниваться въ прежней пропорціи 1 : 1, *такъ какъ* въ каждомъ изъ нихъ заключено *одинаковое* количество времени производства. Цѣнность опредѣляется этимъ временемъ, а не количествомъ получаемыхъ продуктовъ; время производства *не одно и тоже* въ обоихъ случаяхъ, оно на половину меньше въ послѣднемъ случаѣ, такъ какъ заключается въ продуктѣ только два дня, вмѣсто четырехъ; слѣдовательно, во второмъ случаѣ цѣнность *каждаго* продукта уменьшилась на половину. Количество продуктовъ удвоилось, вмѣсто одного, положимъ, производится два продукта; въ послѣднемъ случаѣ общая цѣнность продуктовъ каждаго хозяйства остается безъ измѣненія, хотя каждое получаетъ больше продуктовъ отъ другаго, при уменьшеніи на половину цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта, изъ которыхъ каждый промѣнивается между собою въ прежней пропорціи. Удешевленіе продуктовъ сопровождается увеличеніемъ потребленія, легкость въ удовлетвореніи потребности поднимаетъ энергію въ трудѣ, противоположное положеніе вызываетъ апатію. Предположимъ, что каждый изъ нашихъ производителей, польщенный большею легкостью производства и возможностью увеличенія степени удовлетворенія потребности въ геометрической пропорціи при увеличеніи труда въ ариѳметической, удвоитъ свое производство, вмѣсто работы въ теченіи четырехъ дней, положимъ будетъ работать восемь дней. Въ этомъ случаѣ общая цѣнность продуктовъ *каждаго* хозяйства удвоится, какое удвоеніе будетъ въ тоже время сопровождаться удешевленіемъ на половину цѣнности каждаго отдѣльнаго про-

дукта. И такъ, возможно какъ общее возвышеніе, такъ и общее паденіе цѣнности. Общее возвышеніе или паденіе цѣнности былобы невозможно въ томъ случаѣ, если бы цѣнность можно было опредѣлять количествомъ получаемыхъ въ обмѣнъ товаровъ, но это только одно изъ частно-хозяйственныхъ опредѣленій и уже поэтому одному не можетъ быть принято. Если можно сказать, что цѣнность опредѣляется количествомъ *получаемыхъ* въ обмѣнъ продуктовъ, то съ равною основательностью можно также утверждать и противоположное, а именно, что она опредѣляется количествомъ *отдаваемыхъ* въ обмѣнъ продуктовъ. Стать на точку зрѣнія продавца не значитъ еще дать научное опредѣленіе понятія цѣнности. Самъ Миллъ допускаетъ и противоположное воззрѣніе, исключающее воззрѣніе продавца, на основаніи котораго построена имъ теорія невозможности общаго возвышенія или паденія цѣнности. Такъ онъ говоритъ, что цѣнность опредѣляется „трудностью полученія предмета“ (т. 1 стр. 511), количествомъ труда, требующагося на производство и доставку продуктовъ на рынокъ (525); признаніе этого воззрѣнія равносильно отрицанію перваго. Если цѣнность есть заключенный въ продуктѣ трудъ производства, то она существуетъ до обмѣна и не тожественна съ мѣновымъ отношеніемъ количествъ; за продуктъ А можетъ быть получаемо вдвое болѣе продуктовъ, вдвое подешевѣвшихъ вслѣдствіе того, что для производства ихъ необходимо вдвое менѣе труда; продуктъ А въ этомъ случаѣ не увеличится въ цѣнности, хотя увеличится количество продуктовъ въ обмѣнъ за него получаемыхъ. Ясно, что самимъ же Миллемъ разрушается та посылка, на основаніи которой онъ утверждаетъ невозможность общаго возвышенія или уменьшенія цѣнности продуктовъ.

Регуляторомъ мѣновыхъ пропорцій Миллъ считаетъ не только трудъ, заключенный въ продуктѣ, но также законъ спроса и предложенія. „Временная или рыночная цѣнность предмета, говоритъ онъ, опредѣляется уравненіемъ спроса и предложенія, поднимаясь при возвышеніи спроса, падая при возвышеніи предложенія. Но спросъ измѣняется вмѣстѣ съ цѣнностью, вообще становясь при дешевизнѣ предмета больше, чѣмъ бываетъ при дороговизнѣ его; и цѣнность всегда приспособляется въ этомъ

такъ, что спросъ бываетъ равенъ предложенію (стр. 548—9). Надлежащее уясненіе закона спроса и предложенія не возможно безъ осознанія противоположности частно-хозяйственныхъ понятій о цѣнности съ точки зрѣнія сбыта (предложеніе) и пріобрѣтенія (спросъ); только при этомъ осознаніи возможно вполнѣ отличить количественную сторону въ спросѣ и предложеніи, зависящую отъ цѣнности продуктовъ, отъ качественной стороны, имѣющей вліяніе на цѣнность. Миллъ не уяснилъ себѣ этой противоположности и благодаря этому въ одно и тоже время утверждаетъ и отрицаетъ вліяніе на цѣнность спроса и предложенія. Цѣнность, говоритъ онъ, поднимается при возвышеніи спроса, но въ тоже время спросъ зависитъ отъ цѣнности, возвышается при дешевизнѣ продуктовъ. Это значитъ, что цѣнность регулируется спросомъ и спросъ регулируется цѣнностью; кромѣ того, это значитъ, что цѣнность никогда не возвышается; она можетъ увеличиваться только при увеличеніи спроса, но спросъ въ своемъ увеличеніи зависитъ отъ уменьшенія цѣнности.

Наконецъ, Миллъ принимаетъ и частно-хозяйственное воззрѣніе на цѣнность съ точки зрѣнія потребленія. Какъ мы уже имѣли случай замѣтить, по его ученію полезность представляетъ собою крайній предѣлъ цѣнности. Миллъ не замѣтилъ того, что это утвержденіе равносильно отрицанію и закона спроса и предложенія и закона издержекъ производства, потому что, если мѣновая цѣнность не можетъ быть выше, то *eo ipso* не можетъ быть ниже полезности, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ для одной изъ мѣняющихся сторонъ она была бы выше полезности.

Теорія цѣнности Д. С. Милля, этого великаго мыслителя, этого честнѣйшаго изъ изслѣдователей, полна противорѣчій, странныхъ логическихъ несообразностей. Не служитъ ли это самымъ положительнымъ доказательствомъ того, что теорія цѣнности не должна считаться въ политической экономіи установившеюся, не требующею дальнѣйшей разработки и что послѣдовательная разработка ея возможна только при условіи различенія частно-хозяйственныхъ взаимно-противорѣчивыхъ понятій, съ экономическимъ развитіемъ уступающихъ мѣсто общественно-хозяйственному понятію, объединяющему интересы производства, распредѣленія и

потребленія? Эти противорѣчія въ теоріи великаго мыслителя служатъ отголоскомъ того экономическаго пирронизма, который господствовалъ на низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія и который все болѣе и болѣе уничтожается вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ общество становится органическимъ цѣлымъ, въ которомъ всѣ отдѣльныя части находятся въ взаимной связи, благосостояніе одной не мыслимо безъ благосостоянія остальныхъ. Съ развитіемъ общественной органичности происходитъ постепенное объединеніе частно хозяйственныхъ взаимно-противорѣчивыхъ понятій въ высшемъ понятіи о цѣнности, какъ условіи и мѣрилѣ взаимности въ общемъ дѣлѣ удовлетворенія потребностей. Потребленіе лежитъ въ основаніи всей экономической дѣятельности, оно требуетъ легкости и полноты, вслѣдствіе чего движеніе цѣнности происходитъ по двумъ противоположнымъ направленіямъ, съ одной стороны сопровождается увеличеніемъ общей цѣнности доходовъ, съ другой уменьшеніемъ цѣнности каждаго отдѣльнаго продукта. Законъ потребительной цѣнности—легкость и полнота въ удовлетвореніи потребностей—является основнымъ экономическимъ двигателемъ, маршрутомъ хозяйственной дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ и мѣриломъ общественнаго благосостоянія, такъ какъ отъ разумнаго осуществленія этого маршрута зависитъ благосостояніе всѣхъ и каждаго въ экономическомъ организмѣ. Осуществленіе маршрута потребительной цѣнности происходитъ при посредствѣ спроса и предложенія,—закона мѣновой цѣнности. Только на низшихъ ступеняхъ экономическаго развитія господствуетъ противоположность понятій о цѣнности съ точекъ зрѣнія спроса и предложенія, вслѣдствіе чего законъ спроса и предложенія въ это время является закономъ мѣновой борьбы, по которой каждый, какъ представитель предложенія, желаетъ получить за свой продуктъ какъ можно больше, и, какъ представитель спроса, желаетъ дать за чужой продуктъ какъ можно меньше. Съ экономическимъ развитіемъ возникаетъ взаимность въ спросѣ и предложеніи мѣняющихся сторонъ, вслѣдствіе чего каждый, желая возможно болѣе полнаго и легкаго удовлетворенія потребностей, можетъ удовлетворить своему желанію не иначе, какъ при таковомъ же удовлетвореніи желаній другихъ. Въ это время каждый—какъ пред-

ставитель спроса стремится къ удешевленію продуктовъ, какъ представитель предложенія,—къ общему увеличенію цѣнности доходовъ. Законъ спроса и предложенія является закономъ достиженія лучшихъ результатовъ съ возможно меньшими пожертвованіями, является формулой общественнаго прогресса въ экономическомъ отношеніи. Наконецъ, законъ производственной цѣнности, общественно-необходимое время производства—является закономъ сохраненія хозяйственныхъ силъ въ каждомъ изъ хозяйствъ, вступающихъ между собою въ обмѣнъ. Если законы потребительной и мѣновой цѣнности представляютъ собою законы экономическаго движенія, то законъ производственной цѣнности является закономъ экономической статики. Пирронизмъ въ понятіяхъ о цѣнности исчезаетъ и наука получаетъ возможность дать общее опредѣленіе явленіямъ цѣнности, по которому послѣдняя представляетъ собою условіе и мѣрило взаимности въ удовлетвореніи потребностей въ экономическомъ общежитіи. Экономисты не обратили вниманія на то, что понятіе цѣнности есть понятіе развивающееся, подобно понятіямъ заключающимся въ словахъ: право, законъ, совѣсть;—вслѣдствіе чего возводили въ принципъ всѣ или тѣ или иныя частно-хозяйственныя воззрѣнія. Отсюда разнорѣчіе ученій о цѣнности и въ тоже время логическія несообразности и противорѣчія въ каждомъ изъ нихъ. Выходъ изъ этихъ разнорѣчій, логическихъ несообразностей и противорѣчій указывается самою жизнью. Задача нашего критическаго изслѣдованія и состояла въ томъ, чтобы намѣтить этотъ выходъ, который настоятельно необходимъ для выхода экономической науки изъ ея пирронистическаго состоянія.

Указывая на существованіе въ явленіяхъ цѣнности естественнаго упорядочивающаго принципа и считая этотъ принципъ развивающимся, при чемъ въ развитіи внутренній элементъ можетъ быть низводимъ до минимума, мы тѣмъ самымъ не возводимъ въ принципъ систему экономическаго нейтралитета (laisser faire), хотя, съ другой стороны, отрицаемъ необходимость „организаторскихъ проэктовъ“ для явленій цѣнности. Въ самой природѣ экономическихъ отношеній заключаются законы, которые

должны быть осознаваемы наукою. Принципъ взаимности въ удовлетвореніи потребностей, условіемъ и мѣриломъ осуществленія котораго является цѣнность, заключается въ природѣ отношеній, постепенно осуществляется не смотря на преграды, представляемыя невѣжествомъ. Человѣкъ, повторяемъ слова Т. Степанова, долженъ страшиться этого невѣжества, бороться съ нимъ, а для этого наука не должна возводить въ принципъ явленія, представляющія собою результатъ невѣжества.

Замѣченныя опечатки.

стран.	строка	напечатано	нужно читать
5	24	сложнаго	ложнаго
10	33	изолировенный	изолированный
14	13	не это	на это
21	25	воровства	воровство
29	2	служенія	съуженія
36	7	или	если
85	18	она	онъ
89	29	вышлось	вылилось
104	24	Цирронизмъ	Пирронизмъ
148	5	lû fermage	le fermage

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Предисловіе . . . . . 1.

ГЛАВА I.

Частнохозяйственныя понятія о цѣнности. Классификація ученій экономистовъ о цѣнности. Методъ изслѣдованія. 7

ГЛАВА II.

Изложеніе и критическій разборъ ученія А. Смита о цѣнности . . 33

ГЛАВА III.

Цѣнность съ точки зрѣнія потребленія. Шторхъ. Прудонъ. Б.-Гильдебрандтъ. Рошеръ. Д. С. Миллъ. Отношеніе полезности и требованій потребленія къ цѣнности . . . . 51.

ГЛАВА IV.

Цѣнность съ точки зрѣнія распредѣленія, Мальтусъ и Маклеодъ. Различіе между внутреннимъ и внѣшнимъ элементами въ спросѣ и предложеніи и относительное значеніе каждаго изъ нихъ. В. Торнтонъ. Законъ развитія взаимности въ спросѣ и предложеніи. Ф. Бастіа. Законъ спроса и предложенія, какъ естественная форма, посредствомъ которой осуществляется законъ потребительной цѣнности . . . . . 77.

ГЛАВА V.

Цѣнность съ точки зрѣнія производства. Рикардо, Кэри, Марксъ, сходство и различіе въ ученіяхъ этихъ экономистовъ. Основной принципъ этихъ ученій, отрицающій производительность силъ природы и капитала 113

ГЛАВА VI.

Участіе силъ природы въ производствѣ и цѣнности. Физіократы. А. Смитъ. Рикардо. Источникъ доктрины экономической непроизводительности природы и ея фаталистическая тенденція. Кэри. Бернгарди. Время производства, какъ основаніе цѣнности съ точки зрѣнія производства. Отношеніе производственной цѣнности къ мѣновой . . . . . 127.

ГЛАВА VII.

Участіе капитала въ производствѣ и цѣнности. Предубѣжденія противъ добавочной цѣнности, называемой процентами; источникъ этихъ предубѣжденій. Аристотель. Кальвинъ. Бентамъ Воззрѣніе Кальвина въ примѣненіи къ реальнымъ капиталамъ. Рикардо. Д. С. Милль. Производительность капитала и участіе его въ производствѣ добавочной цѣнности. Общественно-необходимое время производства, какъ законъ сохраненія хозяйственныхъ силъ . . . . . 149.

ГЛАВА VIII.

Динамическій законъ явленій цѣнности. Движеніе цѣнности по двумъ противоположнымъ направленіямъ. А. Смитъ. Маклеодъ. Цѣнность земледѣльческихъ продуктовъ . . . . . 164.

ГЛАВА IX.

Общее заключеніе. Общественно-хозяйственное понятіе о цѣнности, примиряющее частно-хозяйственныя понятія. Указаніе противорѣчій въ ученіяхъ о цѣнности Рикардо, Кэри, Сэя и Д. С. Милля . . . . . 180.